

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 54 65. 5

**Harvard College
Library**

**THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.**

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

М. А. Стельмашенко.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Петра Скарги.

(ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ).

*„O mei Rutheni! per vos ego Orientem
convertendum spero“.*

(Klemens VIII. Papież-Historya liter.
Polskiej, wiek XVI, т. I, стр. 324).

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингон. ул.

1902.

Slav 5465.5

v

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
17 NOV 1924

c

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	1 — 2
Обзоръ историческаго матеріала, относящагося къ эпохѣ политической дѣятельности П. Скарги	3 — 14
Глава I. Административное и соціальное положеніе Польши въ XVI вѣкѣ	15 — 18
Гл. II. Католическая церковь въ Польшѣ.	19—23
Гл. III. Реформаціонное движеніе въ Польшѣ	24 — 36
Гл. IV. Біографія П. Скарги	37 — 43
Гл. V. Дѣятельность П. Скарги въ царствованіе Баторія . . .	44 — 65
Гл. VI. Папскія притязанія на Русскую церковь въ періодъ московско-польскихъ отношеній и участіе въ нихъ Скарги. . .	66 — 70
Гл. VII. Положеніе православной церкви Литовскаго великаго княжества наканунѣ іезуитскихъ посягательствъ П. Скарги на ея свободу	71 — 80
Гл. VIII. Скарга, какъ инициаторъ и руководитель уніатскаго движенія	81 — 103
Гл. IX. Дѣятельность П. Скарги на пользу уніи въ царствованіе Сигизмунда III	104—161
Гл. X. Вліяніе Скарги на внутреннюю и внѣшнюю политику Польши	162—197

Приложение I: а) Synod Brzeski въ переводѣ на русскій языкъ. 198—203

б) Obrona Synodu Brzeskiego въ перев. на рус. яз. 204—205

Приложение II. Письмо П. Скарги къ папскому нунцію, бискупу „Caligari“ 205—206

Приложение III. Письмо Архієпископа Гнѣзненскаго Gembickiego къ Е. М. Королевичу Владиславу 206—207

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эпоха политической дѣятельности Петра Скарги не достаточна сама по себѣ для того, чтобы объяснить такія выдающіяся событія изъ жизни Рѣчи Посполитой, какъ подавленіе реформаціоннаго движенія, возвышеніе престижа королевской власти, чрезмѣрный ростъ латинскаго вліянія, церковную унію западно-русскихъ областей и, наконецъ, попытку подчинить римскому престолу Московское государство. Всѣ эти событія, совершившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ іезуита Петра Скарги, не могли созрѣть сразу, въ теченіе 10—20 лѣтъ; они готовились исподволь, вѣками. Здѣсь, несомнѣнно, дѣйствовали тѣ сложныя силы, которыя развиваются въ теченіе долгаго времени и которыя находятся въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ даннымъ политическимъ актомъ. Вотъ почему, желая говорить о политической дѣятельности П. Скарги, мы должны въ силу необходимости послѣдовательно изобразить все, что издавна готовило событія этихъ мрачныхъ страницъ Рѣчи Посполитой и при томъ съ такой полнотой, какая только возможна для насъ по тѣмъ научнымъ средствамъ, какія имѣются у насъ подъ руками. Это во-первыхъ.--Во-вторыхъ: для насъ въ данномъ случаѣ важно не столько изложеніе, сколько проникновеніе въ дѣйствительное положеніе событій и лицъ, вошедшихъ въ сферу политическаго вліянія Скарги. Для этого намъ нужно установить вѣрный путь къ точному уразумѣнію того, на какой почвѣ зараждались извѣстныя событія, при какихъ условіяхъ они протекали и почему, наконецъ, П. Скарга поступалъ такъ, а не иначе. Достигнуть этого мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если станемъ на строго объективную почву по отношенію къ личности П. Скарги и, если возможно, подробнѣе уяснимъ себѣ программу его политической дѣятельности, какъ пу-

блициста, оратора, проповѣдника, королевскаго совѣтника, педагога, дипломата и вѣрнаго члена *societatis Jezu*.

Дѣятельность Скарги, отразившаяся на всѣхъ сторонахъ политической жизни Рѣчи Посполитой, не могла, конечно, остаться незамѣченной у многихъ польскихъ историковъ, касавшихся въ своихъ трудахъ тѣхъ или другихъ событій эпохи царствованія Баторія и Сигизмунда. Многие изъ нихъ какъ будто и останавливаются на дѣятельности Скарги, но подробное ознакомленіе съ этой личностью и ея вліяніемъ на судьбы польскаго королевства, очевидно, не входило въ ихъ задачу. Извѣстно также, что важнѣйшія событія 2-й половины 16 вѣка нашли для себя множество изслѣдователей всевозможныхъ школъ и направленій. Любавичъ, Карѣвъ Толстой, Кояловичъ, архіеп. Макарій, Лукашевичъ, Ярошевичъ, Морачевскій, Шуйскій, Бобржинскій, Демьяновичъ и Бартошевичъ,— вотъ болѣе выдающіеся историки, раскрывшіе въ своихъ научныхъ трудахъ общій процессъ указанныхъ нами историческихъ событій. Всѣ они согласны между собой въ томъ, что католическая реакція и церковная унія западно-русскихъ областей обязаны своимъ происхожденіемъ и жизнію исключительно вліянію нахлынувшихъ въ Польшу іезуитовъ. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не пытается отчетливо опредѣлить, кто именно изъ іезуитовъ былъ главой и руководителемъ этого латинскаго движенія.—Сказать, что іезуиты принимали живое участіе въ томъ или другомъ историческомъ процессѣ, не указывая ни лицъ, ни ихъ вліянія на окружающую среду, это значитъ—сводить извѣстный вопросъ на отвлеченную почву.

Въ виду этого мы беремъ на себя не легкую задачу раскрыть цѣлый рядъ фактовъ указанной эпохи въ живыхъ картинахъ, съ подробнѣйшимъ указаніемъ на дѣятельное участіе въ нихъ Петра Скарги, при чемъ критическій анализъ этого участія будетъ служить для насъ несомнѣннымъ показателемъ исторической правды.

Обзоръ историческаго матеріала, относящагося къ эпохѣ политическаго дѣятельности Петра Скарги.

Строго придерживаясь того убѣжденія, что характеръ и полнота всякаго историческаго изслѣдованія всецѣло зависятъ отъ правильной группировки историческаго матеріала по его достоинству и содержанію,—мы начнемъ свою работу съ критическаго обзора тѣхъ источниковъ и пособій, какія имѣются у насъ подъ руками. Употребляя такой методъ, мы выяснимъ себѣ, что изъ даннаго матеріала слѣдуетъ считать тенденціознымъ, что—принимать подъ сомнѣніемъ и чему, наконецъ, можно вѣрить безусловно.—Въ основу всѣхъ источниковъ мы кладемъ, прежде всего, подлинныя сочиненія Скарги. Въ нихъ, несомнѣнно, отразилась вся личная жизнь этого человѣка: его убѣжденія, отношенія къ окружающей средѣ, идеалы и политическія идеи: въ нихъ скажется то участіе въ судьбахъ польскаго королевства, какое дѣйствительно принадлежало Скаргѣ.

Впрочемъ, всѣ данныя, непосредственно вытекающія изъ сочиненій Скарги, будутъ основательно провѣрены нами на основаніи разныхъ историческихъ актовъ и многихъ научныхъ трудовъ русскихъ и польскихъ исторіографовъ. Кромѣ того, считаемъ не лишнимъ отмѣтить и такія сочиненія, которыя относятся къ области исторической мистификаціи, и которыя, однако, функціонируя на книжныхъ рынкахъ, претендуютъ на несомнѣнную достовѣрность. Наконецъ, въ заключеніе обзора историческаго матеріала, мы представимъ возможно полнѣе и тѣ воззрѣнія на личность и дѣятельность Скарги, какія существуютъ въ исторической литературѣ.—

Слѣдовательно, весь историческій матеріалъ по данному вопросу можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія три группы:

I. Сочиненія Петра Скарги.

1) O jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem od tej jedności odstąpieniu, z przestrogą i upominaniem do narodów ruskich przy Grekach stojących..... Wilno. Roku 1577.—Въ этомъ сочиненіи прекрасно отразились религіозно-политическія надежды и планы Скарги на осуществленіе церковной уніи русскаго народа съ Римскимъ престоломъ.

2) O rządzie i jedności kościoła Bożego..... Roku 1590. Это сочиненіе не было буквальнымъ повтореніемъ перваго; въ немъ многое дополнено и исправлено по сравненію съ изданіемъ 1577 года.

3) Żywoty świętych starego i nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok, wybrane z poważnych pisarzy i doktorów kościelnych..... Wilno. 1579. Житія святыхъ даютъ возможность подробно ознакомиться съ міровоззрѣніемъ П. Скарги. Кромѣ того, предисловіе, обращенное къ королю, ясно указываетъ на характеръ отношеній Скарги къ міру диссидентовъ.

4) Kazania na niedziele i święta całego roku..... W Krakowie, roku Pańskiego 1595. Въ предисловіи къ этому сочиненію, Скарга откровенно высказываетъ свои взгляды на церковь, на государство и на свои обязанности по отношенію къ отчизнѣ. Здѣсь же мы находимъ прекрасную характеристику тогдашнихъ нравовъ, взаимныхъ отношеній и идеаловъ.

5) Siedm filarów, na których stoi katolicka nauka o przenajświętszym sakramencie Ołtarza...

6) Upominanie do Ewangelików o zbor ich Krakowski, zburzony. Roku Pań. 1591... Оба эти сочиненія вводятъ насъ въ кругъ тѣхъ идей и убѣжденій, какія служили для Скарги и латинскаго правительства точкой отправленія въ борьбѣ съ „еретиками“.

7) Kazania sejmowe, także wzywanie do pokuty obywatelów korony polskiej—z dodatkiem... Сеймовыя рѣчи Скарги рисуютъ намъ въ самыхъ вѣрныхъ чертахъ положеніе диссидентовъ, отношеніе къ нимъ властей, порядокъ сеймовыхъ засѣданій, паденіе королевской власти, нравственную порчу тогдашней шляхты и полное отсутствіе всякихъ національныхъ идеаловъ.

8) Synod Brzeski и

9) Obrona Synodu Brzeskiego,—это тѣ литературные памятники, которые всегда будутъ свидѣтелями неискренности Скарги и

того фальшиваго положенія, въ какое поставило себя латинское правительство на Брестскомъ синодѣ.

10) *Na Artykuł o Jezuitach zjazdu Sandomierskiego, czytány w Wiślicy przed Krolem J. M.... 1606.*

и 10) *Probá zakonu Societatis Jezu.* Оба эти сочиненія служатъ лучшимъ показателемъ дѣятельности іезуитовъ въ Р. Посполитой, а равно и того вліянія, какого они достигли во всѣхъ сферахъ государственной жизни.

12) *Zolnierskie Nabożenstwo, to est, Nauki, Modlitwy y przykłady do tego stanu służące.* Этотъ трудъ Скарги показываетъ, что онъ вникалъ во всѣ мелочи внутренней и внѣшней жизни Р. Посполитой, и что многія реформы совершены въ ней подъ непосредственнымъ вліяніемъ Скарги.

и 13) *Kazania przygodne, na Modlitwy, kazania, относящіяся ко всякимъ Братствамъ и kazania o różnyh rzeczách wszelákim stanom należących, гдѣ Скарга выдаетъ себя, какъ искусный проповѣдникъ, мы не станемъ перечислять отдѣльно. Съ точки зрѣнія нашей задачи онѣ остаются какъ бы въ сторонѣ.*

II. Другіе источники.

14) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ... Часть I, т. 1, 4 и 6-й (1322—1648 г.г.).

15) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. 1, 3 и 4-й (1522—1632 г.г.).

16) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. 1 и 2 (1361—1636).

17) Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности. Вильно. 1865.

Всѣ эти документы даютъ прекрасное освѣщеніе уніатскому вопросу.

18) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами, т. X (сношенія Москвы съ Римскимъ престоломъ).

19) „Апокрисисъ, albo отвѣдъ на книжки о съборѣ берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета“. Вильно, октябрь 1597 года (имѣется въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря). Это лучшее полемическое сочиненіе, писанное въ защиту православнаго Брестскаго собора; своимъ научно-литературнымъ характеромъ, Апокрисисъ да-

леко оставляет за собой начальныя произведенія нашей полеми-ческой литературы. Благодаря Апокрисису „Филилета“ мы имѣемъ самое подробное представленіе о порядкѣ засѣданій Брестскаго собора, о характерѣ взаимныхъ отношеній и, наконецъ, о злоупотребленіяхъ латинскаго правительства въ вопросѣ о свободѣ совѣсти православныхъ. Данныя Апокрисиса вполне согласны со всѣми историческими актами, артикулами и грамотами.

20) Ekthesis, або krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to est, pomiastnym Synodzie w Brzesciu Litewskim... 1597. (Въ библ. Кіев. Дух. Сем.). Здѣсь изложены дѣянія православнаго Брестскаго собора по порядку его засѣданій и приведены двѣ грамоты Экзарха Никифора къ Михаилу Рогозѣ. Кромѣ соборныхъ опредѣленій этотъ памятникъ очень богатъ и всякимъ другимъ историческимъ матеріаломъ.

21) 'Αντίρρσις або Apologia przeciwko Krzystofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem Starożytniej Rusi religij greckiej przeciwko książkom o Synodzie Brzeskim, napisanym w r. 1597. Книжка эта, вышедшая въ 1600 году, является какъ бы противовѣсомъ Апокрисису, Ектезису и Перестрогѣ и заключаетъ въ себѣ массу ложныхъ данныхъ тамъ, гдѣ авторъ-уніатъ говоритъ о епископахъ, измѣнившихъ православной церкви. Впрочемъ, здѣсь можно встрѣтить много нечаянныхъ признаній, которыя и дѣлаютъ это сочиненіе важнымъ памятникомъ уніатской полемики.

III. Пособія.

22) Осинскій. „O życiu i pismach ks. P. Skargi“. 1812.

23) Jaroszewicz. „Matka świętich Polska“. 1767. (463—467). Оба эти сочиненія могутъ служить для насъ пособіемъ при составленіи біографіи Скарги.

24) Lukaszewicz. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Mały Polske. 1835.— Здѣсь прекрасно освѣщенъ историческій матеріалъ, касающійся протестантскаго движенія. Сюда слѣдуетъ отнести и другое его сочиненіе: Powst. i wzrost reform w Polsce“.

25) Бантышъ-Каменскій. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. Москва. 1795. Сочиненіе Бантышъ-Каменскаго, представляя собою сводъ архивныхъ актовъ, артикуловъ и метрикъ, можетъ служить справочной книгой при освѣщеніи уніатскаго вопроса.

26) Kraszewski. Wilno od początków jego do roku 1750. Wydanie Adama Zawadzkiego, т. I. Wilno, 1840—42. Для насъ важны нѣкоторыя данныя, указывающія на отношеніе правительства къ еретикамъ и схизмѣ, какихъ (даннымъ) мы не находимъ въ другихъ историческихъ произведеніяхъ.

27) Исторія Западно-Русской Митрополіи. IV-я кн. Исторіи русской церкви Макарія, Архіеп. Литов. и Виленскаго, т. IX.— Это лучшее историческое произведеніе, рисующее намъ крайне печальное положеніе западно-русскаго духовенства въ эпоху политической дѣятельности П. Скарги.

28) Józef Bieliński. Uniwersytet Wileński (1579—1831). т. I. 1899 г. Для насъ важенъ 1-й томъ, гдѣ приводятся многіе документы, свидѣтельствующіе о дѣятельности Скарги въ званіи ректора академіи.

29) Н. Люб о в и ч ѣ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1883 года.

30) Н. Люб о в и ч ѣ. „Альбрехтъ, герцогъ Прусскій и реформація въ Польшѣ“. Журн. Мин. Нар. Прос. за 1885 г. авг. и сент. Трудъ Н. Любовича представляетъ собой самый подробный анализъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ,—при чемъ процессъ развитія этого движенія изображенъ въ живыхъ картинахъ и съ указаніемъ генетической связи съ событіями предшествовавшей эпохи.

31) F. Siarczyński. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. Część II. Lwow. 1828. Здѣсь мы находимъ біографическія данныя, какъ о Скаргѣ, такъ и его сподвижникахъ.

32) Rostowski. Lituanicarum Societatis Jesu historiar. provincialium pars I, Vil. 1768. Это произведеніе даетъ намъ самый богатый матеріалъ о жизни и дѣятельности іезуитскаго ордена въ Польскомъ королевствѣ. Здѣсь же получаютъ для себя надлежащее освѣщеніе такіе факты, какъ открытіе іезуитскихъ коллегій и взаимныя отношенія между Баторіемъ и Скаргой.

33) Устр я л о в ѣ. Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2-е. 1842. Находится подробная характеристика педагогической дѣятельности іезуитовъ и ихъ вліянія на православныхъ магнатовъ.

34) М. Bobrzynski. Dzieje Polski w zarysie, 1879. Давая подробнѣйшій анализъ внутренняго строя государственной жизни Р. Посполитой, М. Бобржинскій не выяснилъ участія Скарги какъ въ бунтѣ Зебржидовскаго, такъ и въ попыткахъ возвысить престижъ королевской власти при условіи подавленія золотой шляхетской свободы.

35) Его же. „Kazania Sejmowe Skargi. Kraków. 1876. Вопросъ о вліяніи Скарги на внутреннюю политику Польши разрѣшается авторомъ на основаніи анализа сеймовыхъ казаній того же Скарги.

36) M. Rychicki. Piotr Skarga i jego wiek... Kraków. 1850. Рыхцицкій, какъ бывшій воспитанникъ іезуитской школы и величайшій поклонникъ іезуитскаго ордена, рисуя своего героя образомъ величайшей святости и истиннаго патриотизма, не могъ, конечно, отрѣшиться отъ своихъ узкихъ, тенденціозныхъ взглядовъ. Книга его представляетъ собой историческій памфлетъ Скарги и апологию іезуитизма. Впрочемъ, старательный трудъ Рыхцицкаго, выразившійся въ систематизаціи всѣхъ фактовъ и даже мелочей, касающихся П. Скарги, является не малымъ пособіемъ при изученіи политической дѣятельности его героя.

37) А. Демьяновичъ. Іезуиты въ Западной Россіи. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1871 годъ. Это одно изъ лучшихъ произведеній, раскрывающихъ всю силу вліянія іезуитовъ на внутреннее состояніе польской короны.

38) Кояловичъ. Литовская церковная унія, т. I. Спб. 1859. Это сочиненіе прекрасно изображаетъ общій процессъ уніатскаго движенія въ западно-русскихъ областяхъ.

39) Толстой. Римскій католицизмъ въ Россіи, т. I. Спб. 1876. Въ этой книгѣ дается подробное указаніе на неоднократныя попытки римскаго престола завязать тѣсныя сношенія съ представителями русскаго народа.

40) Н. И. Карѣевъ. „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ Рѣчи Посполитой въ Польской исторіографіи“ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1885, ноябрь). Это лучшая руководящая статья по вопросу о реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ, гдѣ можно найти самый строгій критическій обзоръ всѣхъ произведеній, относящихся къ польской исторіографіи.

41) Н. Карѣевъ. „Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины 16 в.“ (1881 г. Юрид. Вѣст. изд. Моск. Юрид. Общ., авг. сент. и окт.). Эта статья служитъ какъ бы дополненіемъ къ сочиненію Н. Любовича „исторія реформаціи въ Польшѣ“.

42) О. Вержбовскій. Христофоръ Варшевицкій. Варшава. 1886 г. Это сочиненіе прекрасно объясняетъ вліяніе римской куріи на католическую реакцію въ Польшѣ и истинные мотивы политики Габсбурговъ по отношенію къ Польскому королевству.

43) А. Трачевскій въ своемъ сочиненіи „Польское безкорольевъ“ (1869 г.) рисуєть художественную картину крайней испорченности всѣхъ слоевъ польскаго общества во 2-й половинѣ 16 в.

44) Stanisław Załęski, ksiądz. T. J. „Iezuici w Polsce“, т. I (1-я и 2 я ч.) и т. II. Lwów, 1901 г. Это послѣднее слово польской печати о дѣятельности польскихъ іезуитовъ. Заленскій, опираясь въ своей работѣ на несомнѣнно-историческіе факты, даетъ самую подробную исторію вліянія іезуитовъ на внѣшнюю и внутреннюю жизнь Рѣчи Посполитой съ 1555-го по 1648 г. Къ сожалѣнію, эта работа не можетъ похвалиться объективнымъ отношеніемъ автора къ предмету своего изслѣдованія.

45) Проф. П. Жуковичъ. „Сеймовая борьба православнаго Започно-русскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 г.) СПБ. 1901. Здѣсь авторъ подробно, шагъ за шагомъ излагаетъ процессъ сеймовой борьбы православныхъ со сторонниками униі въ связи съ общимъ ходомъ польской сеймовой жизни въ эпоху политической дѣятельности Скарги. Возникновеніе и развитіе церковной униі, какъ религіозно-политическаго акта, несомнѣнно, лучше всего проявить на сеймовой борьбѣ, оставившей по себѣ не малое количество историческихъ памятниковъ.

46) St. Tarnowski. „Historya Literatury Polskiej“. Wiek XVI, т. I. Krakow, 1900.

Заканчивая перечень болѣе выдающихся трудовъ, относящихся къ эпохѣ политической дѣятельности П. Скарги, мы не можемъ оставить безъ вниманія слѣдующихъ журнальныхъ статей и сочиненій:

47) Левитскій. „Соцініанство въ Польшѣ“, Кіевская Старина“ за 1882 г.

48) „Литовскія іезуитскія провинціи“. „Дух. Хрис.“ за 1863, сентябрь.

49) Сливовъ. „Іезуиты въ Литвѣ“. Русск. Вѣст. 1875, іюль—октябрь.

50) Кондратовичъ. „Исторія польской литературы“.

51) Дахновичъ. „Іезуитъ А. Поссевинъ“ „Труды Кіев. Духов. Акад.“ за 1865 г. апрѣль.

и 52) Сношенія Рима съ Москвой, Ѳ. Успенскій (Журн Минист. Нар. Просв. за 1885 г., авг.). Здѣсь дается критическая оцѣнка сочиненію о. Пирлинга „Папскій нунцій въ Москвѣ.“ Парижъ, 1884 г.—Пирлингъ посвящаетъ свою книгу изложенію Московско-Римскихъ отношеній, въ которыхъ играетъ видную роль Поссевинъ.

Познакомившись съ польской исторіографіей, нельзя въ заключеніе обойти молчаніемъ и той печати, какая является выразительницею тенденціозныхъ взглядовъ крайняго іезуитскаго направленія.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду польскій журналъ „Kwartalnik Historyczny“. Organ towarzystwa historycznego pod redakcyą Hawerego Liskego. Сотрудники этого органа: Antoni Prochaska и A. Brückner вздумали въ концѣ 19 вѣка смѣло утверждать, то, въ чемъ крѣпко сомнѣвались и сами іезуиты конца 16-го вѣка. Такъ первый изъ нихъ, Antoni Prochaska, въ статьѣ „Z dziejów unii Brzeskiej“ (Kwartalnik за 1896 г.), анализируя дѣянія Брестскаго собора, съ восторгомъ повторяетъ дивную рѣчь великаго каплана Веніамина Рутскаго: „возвеселись русская земля, бывшая до этого времени безплодною! Теперь обросила тебя кровь, пролитая схизматиками изъ ненависти къ униі и католической вѣрѣ“. „Такъ, говоритъ Prochaska, надлежитъ утверждать и историкъ! Унія Брестская подняла изъ грязи (?) Греческую церковь... Первымъ мученикомъ за св. вѣру былъ св. Іосафъ. (Какой? вѣроятно—Кунцевичъ)... При такой борьбѣ изъ за униі... ожила русская литература, преобразились и русскіе обычаи“... (стр. 522). Мало этого: Prochaska извращаетъ самые факты Брестскаго собора (стр. 563); по его убѣжденію, унія была дѣломъ свободнаго соглашенія; Кириллъ Лукарисъ является у него лютераниномъ (стр. 564); бунтъ Наливайки былъ поднятъ послѣднимъ по желанію его патрона князя Острожскаго и, наконецъ, въ разсужденіяхъ о Никифорѣ, онъ задается слѣдующимъ вопросомъ: „И какъ Никифоръ, не будучи даже діакономъ, выдавалъ себя за экзарха?“

Другой историкъ съ такимъ же направленіемъ, A. Brückner, въ статьѣ „Spogu o unię w dawnej literaturze“ (Kwartalnik, за 1896 годъ), рѣшительно утверждаетъ, что „Апокрисисъ есть грубая мистификація, начиная отъ посвященія Замойскому и кончая постановленіями Синода... О дѣлахъ костельныхъ пишетъ авторъ свѣтскій (?), а о православныхъ—кальвинистъ“... Свою статью A. Brückner наполнилъ явно-тенденціозными выводами въ родѣ слѣдующихъ бездоказательныхъ фразъ: „Филялетъ не далъ себѣ даже труда позаботиться, чтобы православная маска прилегла къ нему хорошо... Далеко ему до patosa Skargi! Рѣчь у него неточная; онъ увлекается пословицами, баснями и анекдотами“... (стр. 578).

Но чтобы имѣть ясное представленіе о тѣхъ воззрѣніяхъ на дѣятельность Скарги, какія существуютъ въ нынѣшней исторической литературѣ, для этого необходимо привести возможно полнѣе

цитаты изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, которые могутъ считаться представителями извѣстныхъ направленій въ исторической наукѣ по интересующему насъ вопросу. Говоря это, мы имѣемъ въ виду историко-литературныя изслѣдованія Рыхцицкаго, Тарновскаго и Демьяновича.—Первый изъ нихъ, г. Рыхцицкій, въ своемъ сочиненіи „Piotr Skarga i jego wiek“ (въ 2-хъ томахъ) опредѣляетъ значеніе дѣятельности Скарги для Рѣчи Посполитой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Остановливая свое вниманіе на жизни Скарги, мы признаемъ, что онъ великъ своими добрыми дѣлами въ христіанствѣ не менѣе, чѣмъ сочиненіями въ литературѣ и что ему несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто послѣ тѣхъ святыхъ, которыхъ почитаетъ наша церковь и къ лику которыхъ быть можетъ когда-нибудь онъ будетъ причисленъ“. (II т. стр. 548). Величіе Скарги въ политическомъ отношеніи Рыхцицкій художественно выводитъ въ слѣдующей эффектной картинѣ. „Представь себѣ, говоритъ онъ, (на стр. 581), что ты видишь безбрежное и величественное море: то наша вѣра, то костелъ Христовъ, который, какъ и оно, держитъ въ своихъ объятіяхъ и землю и народы. Но вотъ встаетъ изъ за моря мгла: поднимаются облака,—носятся они надъ моремъ, сплываютъ въ безпорядкѣ и, смѣняя другъ друга, покрываютъ все море: то ложныя науки, то *ереси* и *схизма*... Вышли они изъ костела, хотятъ его намъ закрыть, хотятъ очи наши смежить и потемнить (?)... Вдругъ поднимается на морѣ сильный вѣтеръ,—разгоняетъ онъ во всѣ стороны сгустившіяся облака,—все по прежнему становится чисто, снова проясняются небо и солнце, то мужи подобные Скаргѣ, который... всталъ на лонѣ матери своей для того, чтобы снять целены съ людскихъ глазъ и чтобы указать на вѣчную правду илигиримамъ сего свѣта“...

Не менѣе художественно высказываетъ свой взглядъ на дѣятельность Скарги и другой польскій ученый St. Tarnowski, который въ 1-мъ томѣ своего труда „Historya literatury polskiej“, говоритъ о Скаргѣ такъ: „этотъ человекъ, много говорившій о предметахъ вѣры и любви, о таинствахъ, о милосердіи, о единствѣ костела, написавшій „житія святыхъ“ и другія полемическія сочиненія противъ разновѣрцевъ,—имѣетъ то дивное преимущество предъ другими, что когда Польша воспоминаетъ своихъ богатырей и благодѣтелей, когда съ похвалами и радостью говоритъ о тѣхъ, которые дѣлали ей... добро,—имя его во всѣхъ этихъ случаяхъ стоитъ на первомъ мѣстѣ... И если бы когда-нибудь пришлось создать народный памятникъ Kościola, въ которомъ были бы сложены самые священные и дорогіе предметы,—то въ сокровищницу такого па-

мятника, рядомъ съ мечомъ Болеслава и книгами о законахъ Казимира, рядомъ съ вѣнчальнымъ перстнемъ Ядвиги, съ памятникомъ Баторія, Жолковского, Чарнецкаго и другихъ..., мы положили бы безъ сомнѣнія и духовныя произведенія Скарги... Въ его словахъ чувствуется какая то сила вдохновенія и какая то способность предвѣдѣнія... И какъ Мицкевичъ сказалъ истину о томъ, что чувствуетъ раздѣленная Польша въ своемъ несчастіи, такъ Скарга говоритъ о Польшѣ 16 вѣка именно то, что злого и недобраго она имѣла въ самой себѣ... Мы почитаемъ теперь Скаргу, потому что вынуждены почитать... Это былъ іезуитъ, посвятившій всю свою жизнь на борьбу съ протестантствомъ, который считается основаніемъ и охраной свободы сомнѣній и мысли... Но не служила ли его дѣятельность *ze stanowiska politycznego* причиною гибели для Польши? Поворотъ всей Польши къ католицизму, (сдѣланный усиліями Скарги), не имѣлъ ли по себѣ злыхъ послѣдствій и не былъ ли толчкомъ къ ея паденію?... Эти чрезвычайно важные вопросы о результатахъ дѣятельности Скарги разрѣшаются Тарновскимъ въ самомъ благопріятномъ для Скарги смыслѣ. „Его борьба съ протестантствомъ, говоритъ онъ, оказала Польшѣ великую услугу... Во всѣхъ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ онъ не былъ ни фанатикомъ ни *prześladowczym*“... Другой, не менѣе важной заслугой Скарги—была его попытка осуществить идею папы Климента VIII, идею, ставшую девизомъ всей католической церкви: *o mei Rutheni, per Vos ego Orientem convertendum spero!*... „Что католицизмъ въ Польшѣ, что Сигизмундъ III, Соколовскій... и іезуиты (въ лицѣ Скарги) должны были повернуть свои очи въ сторону Россіи и, по окончаніи борьбы съ протестантствомъ, обратить ее къ католицизму,—это было натурально и естественно“... Далѣе, „мнѣніе Скарги объ уніи было вполне справедливо, намѣреніе—патріотично и культурно. Вообразимъ себѣ, что дѣло уніи было бы продолжено съ такими же энергіей и мудростью, съ какими оно начато было Скаргой. Греческій патріархъ посылалъ бы свои громы,—Москва пустила бы въ ходъ свои интриги..., но эти громы и интриги (*byłyby się odbijały*) отскакивали бы отъ сердецъ и намѣреній *Rusinów* точно также, какъ горохъ отъ стѣны... Унія была бы не только средствомъ для распространенія вѣры, не только каналомъ, которымъ католицизмъ могъ бы разлиться по всему Востоку,—но и средствомъ для расширенія границъ Рѣчи Посполитой, источникомъ цивилизаціи для всего востока... Эта унія была бы не церковной только, но и политической... Но самымъ лучшимъ (литературнымъ) памятникомъ политической дѣятельности Петра Скарги

являются его „Kazania Sejnowe“. Когда Скарга говорилъ на польскомъ сеймѣ, то онъ не ставилъ предъ нимъ идеальнаго образа обязанностей участниковъ сейма,—напротивъ, онъ рисовалъ яркую картину ихъ заблужденій. Онъ не говорилъ сейму: вотъ твой идеаль, стремись къ нему! нѣтъ, онъ показывалъ ему зеркало его политическихъ недостатковъ... И все, что Скарга говорилъ, все была истина и правда; каждое слово его стало фактомъ... Мы рождаемся, живемъ и умираемъ среди самыхъ точныхъ исполненій его грозныхъ пророчествъ... Теперь, когда наша исторія до послѣдняго дня есть ничто иное, какъ исполненіе тѣхъ пророческихъ словъ, какія сказаны были Скаргой назадъ тому 300 лѣтъ, теперь эти пророчества производятъ на насъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ что либо другое: но поздно, какъ обыкновенно бываетъ на свѣтѣ...—Что касается политическихъ убѣжденій Скарги, то онъ былъ прежде всего монархистомъ. Монархія казалась ему самой лучшей формой государственнаго правленія..., но его монархія не была абсолютной, о чемъ яснѣе всего говоритъ намъ его „Proba Zakonu Jezuitów“... Онъ одинъ изъ тѣхъ очень рѣдкихъ дѣятелей, которые сдѣлали все, что только могли, чтобы спасти насъ отъ (политическаго) упадка... Это былъ опечаленный и вмѣстѣ великій пророкъ національнаго упадка, это былъ чуткій сторожъ народной совѣсти блага Рѣчи Посполитой“. Ненапрасно Вороничъ сказалъ о немъ: „если хочешь быть политикомъ, читай сочиненія Скарги,—философомъ—читай Скаргу,—ораторомъ—читай Скаргу.. ибо Скарга—все и для всѣхъ“... (1-й т., 315—342).

Рядомъ съ этими похвалами дѣятельности Скарги мы должны привести здѣсь и такія воззрѣнія, которыя представляютъ собой совершенно иную оцѣнку той же дѣятельности Скарги. Такихъ воззрѣній—не мало въ текущей литературѣ,—но мы останавливаемъ свое вниманіе на статьѣ А. Демьяновича „Иезуиты въ Западной Россіи“, помѣщенной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1871 годъ, изъ которой и беремъ слѣдующее мѣсто: „Скарга до того былъ близокъ къ Сигизмунду, что всѣ официальные акты по поводу уніи, грамоты, письма и универсалы какъ будто были диктованы авторомъ „jedności kościoła“... Замѣчательно, что религиозно-политическія мнѣнія Скарги проходили чрезъ два вѣка существованія Польши, усиливались и возбуждались послѣдующими иезуитами,—перешли, наконецъ, въ плоть и кровь западно-русской шляхты и стали источникомъ неимоверныхъ страданій православнаго народа, оставшагося вѣрнымъ тѣмъ религиознымъ обычаемъ и убѣжденіямъ, на которыя и доселѣ ни одинъ шляхтичъ-патріотъ

не можетъ смотрѣть безъ ненависти и презрѣнія. Миѣнія Скарги, какъ старое, прадѣдовское оружіе, и теперь извлекаются изъ литературнаго іезуитскаго арсенала и проявляются, какъ въ сочиненіяхъ іезуитовъ, такъ и въ ихъ вліяніи на поляковъ-патріотовъ“... (Окт. стр. 260).

„Своею неумолимою дѣятельностью Скарга пріобрѣлъ себѣ общее вниманіе не только въ Польшѣ, но и въ Западной Россіи и сталъ средоточіемъ новаго латинскаго движенія... Въ самой личности Скарги было много обаятельнаго и для простыхъ и для образованныхъ людей: строгость и даже суровость въ жизни и обстановкѣ, серіозный видъ лица, мягкій и трогательный тонъ рѣчи, безспорная ученость и знаніе тогдашней науки, умѣнье владѣть словомъ, а главное—искреннее и неподдѣльное убѣжденіе въ проповѣдуемомъ,—все это дѣлало его бесѣду увлекательной... Съ 1579 года онъ сталъ душой всей тогдашней дѣятельности польскаго правительства и духовенства, направленной къ политическому и религіозному сліянію Литвы и западно-русскихъ областей съ Польшей, Это сліяніе онъ считалъ спасеніемъ полонизма.. Со времени Скарги и его покровителя Сигизмунда III-го, католичество и полонизмъ слились въ представленіи польской шляхты до того, что не возможно было отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Понятіе, что для органическаго сліянія Литвы съ Польшей необходимо латинство, стало неизбѣжнымъ и общимъ“... (Октябрь).

Такова въ общихъ чертахъ историческая оцѣнка политической дѣятельности Петра Скарги.

I.

Административное и социальное положеніе Польши въ XVI вѣкѣ.

Мы знаемъ, что конецъ 14-го и начало 15-го столѣтій были въ исторіи Польши временемъ господства аристократіи. Богатства высшихъ государственныхъ сановниковъ и бискуповъ дали имъ возможность добиться многихъ привилегій и громаднѣйшаго вліянія во всѣхъ дѣлахъ Польши, какъ въ политическомъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Ко времени смерти послѣдняго Пяста — Казимира III-го, управленіе государствомъ фактически переходитъ отъ королей въ руки свѣтскихъ сановниковъ и духовныхъ іерарховъ. Въ это время совершились два чрезвычайно важныя политическія событія: Литва соединилась съ Польшей и Тевтонскій орденъ фактически прекратилъ свое существованіе. Такимъ образомъ быстро возросшее могущество скромнаго наслѣдія Пястовъ превратило Польшу въ большое государство и поставило ее въ ряду великихъ державъ Европы.

Аристократическая партія, добившись внѣшняго могущества Польши, оказалась морально неспособной дать соотвѣтствующія измѣненія внутреннимъ отношеніямъ и порядкамъ своего государства. Роскошныя, изнѣженные, честолюбивые и привыкшіе къ праздной жизни, польскіе аристократы слишкомъ полюбили свои привилегіи, чтобы могли отказаться на общую пользу отъ своихъ личныхъ, сословныхъ интересовъ. Естественно поэтому, что короли, начиная съ Казимира Ягеллончика, при всякой попыткѣ ввести ту

или другую реформу, затрагивающую эгоистическіе интересы аристократовъ, встрѣчали въ лицѣ послѣднихъ самую сильную оппозицію. Такимъ образомъ аристократія изъ положительнаго фактора государственной жизни и ея прогресса сдѣлалась отрицательнымъ, негоднымъ. Сама жизнь и запросы тогдашняго времени побудили королей для сохраненія равновѣсія въ государственной жизни искать себѣ союзника въ какомъ либо другомъ сословіи; такимъ сословіемъ и была шляхта.—Шляхта мало по малу пробуждается отъ своего индиферентизма къ интересамъ государственной жизни, постепенно усиливаетъ свое значеніе среди другихъ сословій и съ конца 15 вѣка начинаетъ пріобрѣтать политическую и гражданскую роль въ исторіи Польши. Этотъ періодъ по справедливости можетъ быть названъ шляхетскимъ. Шляхта прекрасно оцѣнила характеръ взаимныхъ отношеній между панамъ и королемъ.—она поняла и тѣ надежды, какія возлагаетъ на нее Казиміръ Ягеллончикъ и его ближайшіе преемники Янъ Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ Августъ. Не удивительно поэтому, что во всѣхъ реформахъ, ограничивавшихъ власть аристократическихъ родовъ, короли находили для себя самую дѣятельную поддержку въ лицѣ передовой шляхты. Идя на встрѣчу желаніямъ короля, шляхта не забывала въ то же время и о своихъ сословныхъ интересахъ. Она дѣятельно стремится упрочить свое положеніе среди другихъ сословій, чтобы пріобрѣсти то вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ, какое раньше принадлежало аристократамъ. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ въ исторіи внутренней жизни Рѣчи Посполитой и мы должны остановиться на немъ. Ростъ соціального положенія шляхты замѣчается особенно послѣ войны съ Тевтонскимъ орденомъ, окончившейся Торнскимъ миромъ въ 1466 году. Теперь шляхта ни съ кѣмъ не ведетъ тяжелыхъ и продолжительныхъ войнъ; рыцарскій духъ, воодушевлявшій ее прежде, въ виду безопасности со стороны сосѣдей, постепенно угасаетъ и исчезаетъ. Шляхта начинаетъ привыкать къ спокойной и мирной жизни; у нея являются новые интересы, новые идеалы. Ея сношенія съ Западной Европой не проходятъ теперь для нея безслѣдно: изнѣженность и роскошь становятся характерными чертами ея быта. Чтобы удовлетворить новымъ запросамъ и потребностямъ жизни, шляхтичъ поневолѣ долженъ былъ обратиться къ сельскому хозяйству. Оброчный характеръ сдачи крестьянамъ земли съ конца 15 вѣка уничтожается, какъ невыгодный и замѣняется личнымъ веденіемъ хозяйства на самыхъ широкихъ началахъ. Совершается важный экономическій переворотъ въ жизни деревни: личная свобода крестьянъ замѣняется крѣпостнымъ пра-

вомъ и свободное заселеніе деревень совершается теперь на другихъ началахъ. Прежде крестьяне селились тамъ, гдѣ хотѣли; они обрабатывали дѣвственныя земли, эксплуатировали ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ уходили на новыя земли, не тронутыя сохой. Благодаря такой экономической чертѣ крестьянскаго хозяйства, началась для Польши самая широкая колонизація на Подоліи и Волыни. Крестьяне стали массами покидать великую и малую Польшу и тысячами переселялись въ этотъ заманчивый край. Шляхта, обратившая серьезное вниманіе на сельское хозяйство, увидала въ такихъ переселеніяхъ сильный для себя ущербъ и стала думать о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Ея усилія въ этомъ отношеніи увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: въ концѣ 15 в. началось окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ своимъ оброчнымъ землямъ, составлявшимъ собственность пановъ; барщинныя работы и всякія повинности стали быстро умножаться изъ года въ годъ ¹⁾. Такимъ образомъ крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ началѣ 16 вѣка безповоротно былъ разрѣшенъ въ самомъ ужасномъ смыслѣ для крестьянъ.

Но не одни крестьяне, подъ давленіемъ шляхты, утрачиваютъ свои сословныя права; та же участь постигаетъ ремесленниковъ и мѣщанъ. Имъ отказывается въ доступѣ на сеймы даже и тогда, когда рѣшаются тамъ вопросы объ ихъ правахъ и судьбѣ. Мало по малу закрываются для нихъ всѣ пути къ пользованію экономическими выгодами отъ тѣхъ операцій, какими пожелала пользоваться сама шляхта. Мѣщанамъ съ конца 15 вѣка воспрещается даже покупать и держать въ арендѣ земли. Мало этого,—на Петроковскомъ сеймѣ 1538 года былъ изданъ законъ, обязывающій всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ, владѣющихъ имѣніями, продать ихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ²⁾. Наконецъ, шляхта, желая обособить свое сословіе отъ прочихъ, окончательно закрываетъ доступъ всѣмъ мѣщанамъ къ высшимъ и болѣе почетнымъ духовнымъ и государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ въ началѣ 16 вѣка шляхта является единственной распорядительницей какъ политическихъ, такъ и экономическихъ судебъ своей отчизны. Все, не относящееся къ шляхетскому роду, подавлено и стѣснено: крестьянское сословіе закрѣпощено, а городское—лишено всѣхъ политическихъ и экономическихъ правъ.

¹⁾ Vol. Leg. I. 117--121.

²⁾ „De civibus bona haereditaria possidentibus“. Volumina legum. Petersburg, 1859, т. I, стр. 259.

Шляхта, утративъ прежній рыцарскій духъ, всецѣло отдается теперь интересамъ сельскаго хозяйства, скотоводства, спекуляціи и хлѣбной торговли. Мало по малу, съ развитіемъ матеріальныхъ богатствъ, стало усиливаться среди шляхты стремленіе къ роскоши въ одеждѣ, выѣздахъ и въ убранствѣ своихъ домовъ. Появились новыя, небывалыя потребности, а вмѣстѣ съ ними и жажда къ быстрой наживѣ.

Всѣ части польскаго народа стали служить благосостоянію шляхты,—но остался въ обществѣ еще одинъ классъ, который своимъ богатствомъ, независимостью и правами могъ помѣряться со шляхтой. Это было польское католическое духовенство. Его громадныя богатства, сосредоточенныя въ земляхъ, раздражали жадность шляхты и вызывали въ ней сильную зависть. Шляхта стремилась всѣми мѣрами отобрать у духовенства его исконныя, широкія привилегіи, хочеть подѣлиться его богатствами, накопленными вѣками,—но борьба съ духовенствомъ не такъ легка, какъ съ крестьянами и горожанами. Эта борьба, породившая ожесточенную вражду, заставила, наконецъ, шляхту воспользоваться наступившимъ реформаціоннымъ движеніемъ, какъ средствомъ для осуществленія своихъ стремленій. Такимъ образомъ политическое и социальное положеніе шляхты, наблюдаемое нами въ началѣ 16 вѣка, служило чрезвычайно благопріятной почвой для сѣянія въ странѣ реформаціонныхъ идей. Но прежде чѣмъ коснуться реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и той борьбы между шляхтой и духовенствомъ, которая такъ много вредила потомъ реакціонному католическому движенію, начатому іезуитами во главѣ съ Петромъ Скаргой, мы должны остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ историческихъ данныхъ, какія рисуютъ намъ истинное положеніе польскаго духовенства въ описываемую нами эпоху, а равно и отношеніе его къ Риму и государству.

II.

Католическая церковь въ Польшѣ.

Католическая церковь Польши, утративъ постепенно свою зависимость отъ Рима, открыла своимъ королямъ къ концу 14 вѣка самый широкій доступъ къ вмѣшательству въ церковныя и монастырскія дѣла. Вліяніе королей сказалось прежде всего на избраніи кандидатовъ епископскихъ кафедръ. Капитулы, выбиравшіе епископовъ вполнѣ самостоятельно, теперь должны считаться съ волей короля, который на всякую вакансію указывалъ своего кандидата. Первымъ рѣшительнымъ новаторомъ въ сферѣ церковныхъ дѣлъ долженъ считаться король Людовикъ, позволившій себѣ въ 1382 году категорически отвергнуть рѣшеніе капитуловъ объ избраніи архіепископомъ Гнѣзненскимъ Доброгаста и епископомъ Познанскимъ Николая. Король представилъ папѣ своихъ кандидатовъ и послѣдніе были утверждены¹⁾. Подобное вмѣшательство королей въ назначеніе епископовъ мы видимъ и у преемниковъ Людовика. Такъ, король Владиславъ Ягайло ввелъ въ практику капитуловъ новый обычай—не приступать къ выборамъ епископа до тѣхъ поръ, пока не будетъ увѣдомленъ объ этомъ король²⁾. Съ этого времени папы перестаютъ распоряжаться замѣщеніемъ польскихъ епископствъ,—капитулы подчиняются требованію королей и сами епископы не особенно стараются о папскомъ утвержденіи своихъ правъ. Если и были случаи, что капитулы подъ вліяніемъ пановъ и прелатовъ изъ-

¹⁾ Jana Długosza dzieła wszystkie. Wydanie Aleksandra Przeździeckiego, т. IV, стр. 374—375.

²⁾ Jana Długosza dzieła wszystkie. Wydanie Aleksandra Przeździeckiego, т. V, стр. 135—137.

бирали епископовъ помимо воли и желанія короля, то послѣдній всегда выходилъ побѣдителемъ, благодаря угодничеству и слабой волѣ папъ. Достаточно вспомнить дѣло Казимира Ягеллончика съ Перемышльскимъ капитуломъ по поводу выборовъ въ епископы Николая изъ Блажеіовець, чтобы сказать, что папа Николай V самъ поступился своею властью въ пользу короля¹⁾. Съ этихъ поръ капитулы дѣлаются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ королей. Но этого мало. Казиміръ Ягеллончикъ налагаетъ свою руку и на монастырскіе конвенты: и здѣсь право избранія аббатовъ онъ присваиваетъ себѣ. Такъ короли мало по малу распространили сферу своего вліянія на весь кругъ церковныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, стремленія королей обособить польское духовенство и изолировать его отъ вліянія папъ не остановились на этомъ. Съ конца XV вѣка издаются на сеймахъ строжайшіе статуты противъ тѣхъ лицъ, которые отправляются въ Римъ и тамъ выпрашиваютъ себѣ духовныя мѣста. Далѣе статутомъ 1496 года было постановлено замѣщать всѣ духовныя мѣста исключительно лицами шляхетскаго происхожденія. Наконецъ, и самая раздача бенефицій, считавшаяся неотъемлемымъ правомъ Римскаго престола, со времени Сигизмунда I-го фактически переходитъ отъ папъ къ королямъ. Отсюда мы видимъ, что польская церковь въ теченіе 15 и 16 вѣковъ во внутренней своей жизни утрачиваетъ всякую зависимость отъ римскаго двора. Такое положеніе церкви не могло не отразиться на состояніи польскаго духовенства. Къ концу 15 вѣка оно представляетъ собою вполне обособленный классъ, нисколько не зависящій отъ другихъ сословій. Въ своей внутренней жизни духовенство является вполне автономнымъ; своею властію оно собираетъ синоды и постановленія послѣднихъ обязательны для всего духовенства. Владѣя обширными правами и экономическими привилегіями, духовенство дѣятельно стремится распространить свою власть на свѣтскія дѣла при рѣшеніи тѣхъ или другихъ государственныхъ вопросовъ. Наиболѣе важнымъ правомъ, которое обезпечивало духовенству независимость со стороны другихъ сословій, было пользованіе юрисдикціей по отношенію къ своимъ членамъ: всякое духовное лицо было подвластно только духовному суду. Впрочемъ, право своей юрисдикціи польское духовенство распространило и на свѣтскія сословія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось религіи, нравственности и семейныхъ отношеній. Это обстоятельство открыло польскому духовенству самое широкое поле для

¹⁾ Dlugosz, т. VI, стр. 96.

вторженія въ частную и семейную жизнь всякаго члена Рѣчи Посполитой.

Другимъ не менѣе важнымъ преимуществомъ духовенства была полная его свобода отъ несенія военной повинности и расходовъ на случай войны. Духовенство само рѣшало вопросъ о томъ, дать или не дать государству субсидію на веденіе войны и, если дать, то въ какомъ размѣрѣ. Что касается поземельныхъ налоговъ, то въ этомъ отношеніи имѣнія духовенства и монастырскія земли были уравнены съ имѣніями шляхты. Пользуясь болѣе широкими правами, чѣмъ всѣ остальные условія, духовенство накопило въ своихъ рукахъ громадное движимое и недвижимое имущество. По свидѣтельству Шайнохи, одинъ только Гнѣзненскій архіепископъ имѣлъ въ своемъ владѣніи не менѣе 300 деревень и городовъ ¹⁾. Имѣнія другихъ епископовъ и канонниковъ были разбросаны по всей Польшѣ и считались десятками деревень. Но духовенство не довольствовалось тѣмъ, что имѣло. Оно постоянно было занято коммерческими предпріятіями и операціями: покупало, продавало, обмѣнивало одни деревни на другія, вело обширное хозяйство торговало хлѣбомъ и прочими произведеніями своихъ имѣній.

Неудивительно поэтому, что нравы польскаго духовенства въ 15 и 16 вѣкахъ рисуютъ самыми мрачными чертами. У высшихъ духовныхъ лицъ не было другихъ интересовъ кромѣ одного—составить себѣ возможно большее состояніе. Постоянныя тяжбы съ шляхтой, размежеваніе земель, ссуда денегъ подъ залогъ имѣній и всякія торговыя операціи,—вотъ то преимущественное занятіе епископовъ и канонниковъ, посредствомъ котораго они расширяли свои права и упрочивали свое привилегированное положеніе въ государствѣ ²⁾. Но эта-то печальная сторона жизни польскаго духовенства и послужила причиной столкновенія его съ шляхтой.

Борьба между шляхтой и духовенствомъ носить на себѣ чисто экономической характеръ. Извѣстно, что духовенство всей католической Европы пользовалось такъ называемыми десятинами. Шляхта, завидуя матеріальному благосостоянію духовенства, съ конца 14 вѣка стала не охотно мириться съ обязательствомъ вносить десятину и особенно съ правомъ духовенства распоряжаться ими по своему произволу. Это право духовенства было окончательно уни-

¹⁾ Шайноха. Ядвига и Ягайло, т. I, стр. 603.

²⁾ Прекрасной иллюстраціей грубо-экономическихъ интересовъ польскаго духовенства можетъ служить сочиненіе: „Pralaci i kanonicy“ Korytkowskiego, особ. т. II-й.

чтожено на Петроковскомъ сеймѣ въ 1406 году, въ силу котораго всякій шляхтичъ могъ давать десятину со своихъ земель тому, кому ему будетъ угодно. Въ своихъ стремленіяхъ нанести экономическій вредъ духовенству шляхта пошла еще далѣе: она стала посредницей между духовенствомъ и крестьянами съ цѣлью оградить послѣднихъ отъ злоупотребленій и притѣсненій при собираніи „десятинъ“. Далѣе, желая оградить свою личность со стороны духовенства и положить предѣлъ его могуществу и вліянію, шляхта прежде всего старается ограничить право юрисдикціи духовенства надъ свѣтскими людьми и затѣмъ переноситъ свою борьбу на аграрную почву. Она ограничиваетъ переходъ земель въ руки духовенства и сильно стѣсняетъ его въ правѣ наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ. Эта позорная борьба шляхты съ духовенствомъ принимаетъ въ началѣ 16 вѣка еще болѣе острый характеръ. Политическое значеніе шляхты къ этому времени чрезвычайно усилилось и духовенство не могло далѣе рассчитывать на поддержку со стороны королей. Десятина, бывшая нѣкогда обязательной, рассматривается теперь какъ свободный даръ, даваемый духовенству въ размѣрѣ собственнаго усмотрѣнія. Духовный судъ теряетъ постепенно свой престижъ въ глазахъ другихъ сословій: они не боятся и игнорируютъ его, ибо свѣтская власть перестала быть исполнительницей приговоровъ духовныхъ судовъ. На сеймахъ, бывшихъ въ началѣ 16 вѣка, изданы были постановленія, воспрещавшія духовенству вторгаться въ сферу свѣтской юрисдикціи, при чемъ даже перечислены были всѣ дѣла, подлежація духовному суду¹⁾. Впрочемъ, всѣ эти постановленія не были строго исполняемы самой шляхтой, а между тѣмъ постоянное возбужденіе спорныхъ вопросовъ увеличивало только враждебныя отношенія обоихъ сословій.

Разгаръ этой борьбы двухъ высшихъ сословій совпадаетъ во времени съ развитіемъ на западѣ Европы реформаціоннаго движенія. Неудивительно поэтому, что пропагаторы протестантскихъ идей, появившіеся въ средѣ шляхты, не преминули воспользоваться этой борьбой, какъ почвой, на которой легко можно было возбудить ненависть къ католической церкви. Шляхта, давно искавшая благоприятнаго исхода въ борьбѣ съ духовенствомъ, обрадовалась реформаціонному движенію; она увидѣла въ немъ могучее средство досадить духовенству и заставить его отказаться отъ своихъ обычныхъ правъ и привилегій. Теперь посмотримъ, какъ шляхта отне-

¹⁾ Volumina legum, т. I, стр. 283 - 284.

слась къ реформаціонному движенію, какъ отразилось послѣднее на всѣхъ сторонахъ внутренней жизни Польши и особенно на соціальному положеніи католическаго духовенства и тогда мы увидимъ въ истинномъ свѣтѣ тѣ условія, при которыхъ развивалась политическая дѣятельность Петра Скарги.

III.

Реформаціонное движеніе въ Польшѣ.

Въ то самое время, когда шляхта добилась для себя широкихъ политическихъ правъ и когда она вступила въ ожесточенную борьбу съ духовенствомъ на почвѣ экономическихъ интересовъ,— въ Германіи открыто поднимается Лютеромъ знамя протеста противъ папскихъ заблужденій и злоупотребленій. Реформаціонное движеніе, быстро распространившееся въ Германіи и сосѣднихъ съ нею странахъ, не могло пройти не замѣченнымъ и въ Польшѣ. Идеи Лютера вторгаются сюда и воспринимаются шляхтой съ изумительной быстротой. Шляхта зашевелилась, какъ будто пробудилась отъ долгаго душевнаго сна. Сдавленная раньше вліяніемъ латинскаго духовенства, получившаго чрезмѣрное участіе во всемъ строѣ государственной жизни, шляхта почувствовала у себя подъ ногами новую почву и ей казалась теперь несомнѣнной побѣда надъ духовенствомъ. Но послѣднее не дремало. Оно дѣятельно стремилось предотвратить распространеніе Лютерова ученія путемъ запрещенія ввоза протестантскихъ сочиненій. Рядъ эдиктовъ подобнаго характера начинается уже съ Петраковскаго сейма, бывшаго въ 1520 году. Черезъ три года послѣ этого, Сигизмундъ I-й вынужденъ былъ издать въ 1523 году новый Шидловскій универсалъ, коимъ строго подтверждалось, чтобы „никто не смѣлъ вносить въ королевство книгъ Лютера“... и что за одобреніе осужденнаго ученія виновные будутъ наказаны конфискаціей имущества и осужденіемъ на смерть¹⁾. Впрочемъ, мѣры эти оказались не дѣйствительными: польское общество живо интересовалось тѣмъ, что происходило въ Германіи;

¹⁾ Zakrzewski. Powstanie i wzrost Reformacyi u Polsce, стр. 227.

оно читало сочиненія Лютера, разсуждало о разныхъ вопросахъ, касавшихся догматовъ и церковнаго устройства. Въ самой столицѣ Польши, при тамошнемъ университетѣ, публично продавались Лютеровы брошюры и отсюда распространялись по всѣмъ провинціямъ малой и великой Польши. Такое быстрое проникновеніе реформаціонныхъ идей объясняется тѣмъ соображеніемъ, что польско-литовская молодежь получала высшее образованіе въ Лейпцигѣ, Виттембергѣ и въ другихъ заграничныхъ университетахъ. Здѣсь молодые аристократы проникались лютеранскими идеями и съ ними возвращались домой, гдѣ покровительствовали протестантской пропагандѣ. Это обстоятельство служило однимъ изъ выдающихся факторовъ, подготовившихъ почву для чисто религіозныхъ движеній. Последнее стало захватывать болѣе обширный кругъ шляхты лишь тогда, когда извѣстная часть общества воспиталась въ новыхъ идеяхъ. До этого же времени вся шляхта спокойно смотрѣла на то, что происходитъ на западѣ Европы; лишь изрѣдка она выражала свой еретическій образъ мыслей въ томъ, что позволяла себѣ не умѣстныя выходки противъ духовенства.—Въ началѣ сороковыхъ годовъ реформаціонное движеніе усиливается и число отпавшихъ отъ католической церкви быстро увеличивается. Торговля сочиненіями Лютера приняла грандіозные размѣры. Сигизмундъ I-й, подъ вліяніемъ духовенства объявляетъ новый эдиктъ, воспрещающій посѣщеніе заграничныхъ университетовъ, но это запрещеніе не имѣло по себѣ ровно никакихъ послѣдствій ¹⁾. Польская молодежь по прежнему посѣщаетъ Виттембергскій университетъ и симпатіи шляхты къ религіозному движенію стали принимать угрожающій характеръ массовыхъ отступленій. Являются проповѣдники, публично нападающіе на злоупотребленія церкви; они открыто требуютъ отмены нововведеній, сдѣланныхъ въ ней папами и возвращенія къ прежней простотѣ обрядовъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ разныхъ мѣстахъ Польши организуются особые кружки лицъ, которыя слѣдятъ за реформаціонной западно-европейской литературой и которыя стали серьезно заниматься обсужденіемъ религіозныхъ вопросовъ. Самымъ сильнымъ покровителемъ такихъ кружковъ въ Польшѣ является Герцогъ Прусскій Альбрехтъ. Его земли были колонизованы поляками и по преимуществу выходцами изъ Мазовіи. Къ распространенію протестантизма среди польскихъ поселеній Альбрехта побуждала не столько религіозная ревность, сколько политическія соображенія. Онъ прекрасно сознавалъ, что

¹⁾ Любавичъ. Ист. реформ. въ Польшѣ, стр. 56.

прускіе поляки, принявъ лютеранизмъ, сольются съ нѣмцами и навсегда разъединятся съ католическими соплеменниками польскаго королевства. И онъ принялся за дѣло съ большимъ умѣніемъ и тактомъ. Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Польшѣ низшіе классы населенія не понимали латинскаго языка; Альбрехтъ пользуется этимъ недочетомъ и усердно заботится о переводѣ священнаго писанія для поляковъ на ихъ родной языкъ. Образованные богословы, будущіе переводчики священныхъ книгъ сами бѣгутъ къ нему. Въ Польшѣ, послѣ эдикта Сигизмунда, изданнаго въ 1535 году, многіе образованные поляки стали подвергаться самымъ сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Герцогъ даетъ имъ у себя самый радушный пріютъ и завязываетъ близкія отношенія съ польскими магнатами, ставшими на сторонѣ лютеранизма. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ переводчиковъ священнаго писанія на польскій языкъ былъ Янъ Секлюціанъ, окончившій Лейпцигскій университетъ и изгнанный королемъ изъ Познани за распространеніе лютеранскихъ идей. Ему принадлежитъ составленіе лютеранскаго катехизиса и переводъ Новаго Завѣта на польскій языкъ. Другимъ не менѣ ревностнымъ переводчикомъ, также работавшимъ подъ покровительствомъ герцога Альбрехта, былъ полякъ Евстафій Трепка. Это былъ дѣятельный союзникъ извѣстнаго пропагатора Петра-Павла Вергерія, создавшаго для герцога цѣлую систему и грандіозный планъ обращенія Польши и ея короля въ протестантизмъ. Онъ потрудился надъ составленіемъ новаго лютеранскаго катехизиса, который не безъ цѣли былъ посвященъ Радзивиллу, имѣвшему въ то время сильное вліяніе на короля. Катехизисъ Вергерія, озаглавленный—„духовное млеко для питанія и воспитыванія христіанскихъ дѣтей во славу Божию“, былъ немедленно переведенъ Трепкой на польскій языкъ. Тому же Трепкѣ принадлежитъ переводъ сочиненія, направленнаго противъ католической церкви и озаглавленнаго—„книжка о томъ, откуда получило начало Божіе Слово и каковъ его авторитетъ, а также о томъ, какъ мы должны думать о папахъ, о святыхъ отцахъ и соборахъ,—вещи въ настоящее время весьма потребныя“ ¹⁾.

Не менѣ достойна вниманія литературная дѣятельность и другихъ поляковъ, привлеченныхъ Альбрехтомъ на службу въ Кенисбергъ: Мартина Квятковскаго ²⁾, Яна Радомскаго ³⁾ и Андрея Самуила, сочиненія котораго строго запрещены были какъ римской

¹⁾ Журн. Минист. Народ. Просв. за 1875 г., 8 кн., стр. 182.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 183.

куріей, такъ и Сигизмундомъ ¹⁾).—Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ и успіямъ герцога Альбрехта на польскомъ языкѣ появилась цѣлая литература, сильно содѣйствовавшая широкому распространенію реформаціонныхъ идей въ Польшѣ.

Но этого мало. Герцогъ сознавалъ сильный недостатокъ въ образованныхъ людяхъ, способныхъ вести упорную борьбу съ представителями католической церкви; онъ понималъ, что этой потребности края можно удовлетворить лишь тогда, когда будетъ открыто въ Пруссіи высшее учебное заведеніе и онъ открываетъ въ Кенисбергѣ въ 1544 году университетъ съ кафедрой богословія на польскомъ языкѣ. Событіе это дало сильный толчекъ реформаціонному движенію въ Польшѣ: Кенисбергскій университетъ сталъ переполняться польскою молодежью, тѣмъ болѣе, что Краковскій университетъ находился въ это время въ сильномъ упадкѣ. Такому возвышенію молодого Кенисбергскаго университета сильно способствовали сами католическіе епископы (Уханскій, Зебродовскій и др.), посылавшіе въ Кенисбергъ молодыхъ людей на свои собственные средства ²⁾. Впрочемъ, герцогъ Альбрехтъ выбираетъ теперь путь болѣе прямой; чтобы достигнуть своей цѣли, онъ прибѣгаетъ къ содѣйствію и помощи приближенныхъ къ королю лицъ. Изъ среды послѣднихъ ближайшимъ помощникомъ его становится теперь итальянецъ Францискъ Лисманинъ, протежируемый королевой Боной. Онъ достигъ высшихъ духовныхъ должностей и былъ въ эту пору комиссаромъ ордена францисканцевъ, благодаря чему ему были подчинены какъ мужскіе, такъ и женскіе монастыри Польши. Этому-то важному духовному сановнику и приходится теперь играть не послѣднюю роль въ исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Свою пропаганду Лисманинъ начинаетъ въ 1546 году съ францисканскихъ монаховъ съ большимъ успѣхомъ: многіе изъ нихъ отреклись отъ католической церкви и покинули монастыри ³⁾. Но лучшими сторонниками новаго ученія оказались магнаты и владѣльцы большихъ помѣстій. Такъ, Николай Рей изъ Нагловице выпускаетъ сатиру на духовенство подъ заглавіемъ: „krótka rozprawa między trzema osobami, Panem, Woytem i Plebanem“, гдѣ духовенству сильно достается за его безнравственность и коммерческую жизнь. Ему же принадлежитъ переводъ псалмовъ на польскій языкъ. — Среди шляхты и низшихъ сословій реформаціонное движеніе обнаружилось, прежде всего, въ Краковскомъ и Перемышльскомъ воеводствахъ. Паны—

¹⁾ Zakrzewski. Powst. i wzrost reform. w Polsce, стр. 242.

²⁾ Werzbowski. Uchwała, т. I, стр. I.

³⁾ Любвицкій. Hist. Reform. Polonicae, стр. 21 и 23.

Станиславъ Стадницкій, Збигневъ-Сенецкій и Христофоръ Пилецкій открыто вводятъ въ своихъ имѣніяхъ лютеранизмъ: они воспрепятствуютъ духовенству отправленіе церковной службы въ честь Пресвятыя Дѣвы Маріи и приказываютъ совершать литургіи по обрядамъ, близкимъ къ лютеранскимъ ¹⁾.

Не лучше было положеніе католической церкви въ Литвѣ и въ Юго-Западной Россіи. Латинство, распространенное здѣсь путемъ насилій, стало быстро упадать подъ ударами протестантизма. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что населеніе Литовско-Русскихъ областей было заражено идеями гусситскаго движенія ²⁾. Замѣчательно, что латинское духовенство этихъ областей оставило папскія теоріи далеко раньше, чѣмъ самая паства. Примѣръ Кіевскаго латинскаго епископа Николая Паца, принявшаго лютеранизмъ и много писавшаго потомъ противъ католической церкви ³⁾, сильно повліялъ на приходское духовенство въ отрицательномъ смыслѣ. Многіе ксендзы оставили свои приходы, приняли лютеранизмъ и женились.

Таковы были успѣхи, сдѣланные въ Польшѣ протестантскими идеями при жизни короля Сигизмунда I-го до 1548 года. Со смертію этого короля, крѣпко преданнаго католической церкви, Польша почувствовала себя свободной и исполненной надежды, что въ слѣдующее царствованіе она добьется осуществленія давно задуманныхъ государственныхъ реформъ. Думала шляхта, что она заставитъ и духовенство подчиниться своимъ требованіямъ и что крыться со своими религіозными убѣжденіями, какъ это приходилось дѣлать въ царствованіе Сигизмунда, не будетъ нужды. Таковы были чаянія и надежды передовой шляхты, обрадованной вступленіемъ на престолъ Сигизмунда II Августа, этого либеральнѣйшаго изъ Польскихъ королей. Восшествіе на престолъ молодого короля, о которомъ ходили слухи, что онъ сочувствуетъ польскому религіозному движенію, много придадо смѣлости и безъ того сильному реформаціонному шляхетскому кружку. Послѣдній не замедлилъ выступить съ заявленіемъ своихъ требованій на первомъ же сеймѣ 1548 года, созванномъ королемъ по случаю вступленія своего на престолъ. Шляхта горячо возставала противъ духовенства и требовала, чтобы Слово Божіе, иначе говоря, протестантское ученіе могло проповѣдываться свободно и безъ всякихъ стѣсненій. Шляхта ищетъ теперь предлога начать съ духовенствомъ борьбу на религіозной почвѣ.

¹⁾ Pawlowski, стр. 271.

²⁾ Толстой. Римскій катол. въ Россіи, т. I, стр. 191.

³⁾ Сливовъ. Іезуиты въ Литвѣ, стр. 11.

Найти такой предлогъ было не трудно. Первымъ поводомъ къ началу религіозной революціи послужило вступленіе въ бракъ нѣкого священника Валентина изъ деревни Кржчоновой. Такое нарушеніе постановленій католической церкви не могло остаться безъ наказаннымъ со стороны духовнаго суда. И мы видимъ, что Краковскій епископъ Самуиль Мацѣевскій осудилъ Кржчоновскаго священника лишь въ силу своихъ епископскихъ обязанностей, но далеко не по внутреннему убѣжденію, какъ это можно видѣть изъ его же письма къ Оржеховскому: „я признаюсь..., что, если причина, по которой жены были отняты у духовенства, была основательна, то тѣ причины, въ силу которыхъ ихъ слѣдуетъ возвратить, будутъ лучше“ ¹⁾... Бракъ Валентина въ глазахъ протестантовъ былъ вызовомъ, брошеннымъ католической церкви. Его сторону принимаютъ всѣ знатныя паны. Они твердо надѣялись, что подобное замѣшательство среди самаго духовенства облегчитъ имъ возможность скорѣе произвести въ церкви желанныя измѣненія и реформы.

Въ скоромъ времени примѣру Валентина послѣдоваль и ксендзъ Кмита Оржеховскій, обратившійся къ многолюдному Петроковскому сейму въ 1550 году съ просьбой—защитить его отъ преслѣдованій высшаго своего начальства. Дѣло это дало шляхтѣ возможность открыто выступить на борьбу съ духовенствомъ. Шляхта выставяетъ на этомъ сеймѣ цѣлый рядъ требованій относительно реформированія польской церкви. Земскіе послы требуютъ лишенія духовенства десятины, церковныхъ имѣній, отмѣны нѣкоторыхъ привилегій, а также передачи въ руки пановъ опустѣвшихъ монастырей ²⁾. Въ заключеніе сейма, партія Оржеховскаго, къ которой склонились—примасъ королевства Уханскій и даже самъ король, настойчиво предъявила слѣдующія требованія, касавшіяся преобразованій своей церкви: 1) чтобы литургія и другія церковныя службы отправлялись на народномъ языкѣ, 2) чтобы священники были свободны отъ целебатства, 3) чтобы свѣтскіе люди имѣли право пріобщаться подъ обоими видами, 4) чтобы созванъ былъ соборъ для устроенія народной церкви и 5) чтобы уничтожены были анаты и другіе папскіе поборы ³⁾. Вслѣдъ за этимъ было снаряжено къ папѣ Павлу IV-му посольство съ требованіемъ предпринять преобразованіе польской церкви согласно указаній Петроковского сейма ⁴⁾. Не

¹⁾ Golebiowski. Sew. Czasy Zygmunta Augusta, т. II, стр. 7.

²⁾ Н. Любавичъ. Ист. Реформ. въ Польшѣ. 1883 г., стр. 92.

³⁾ Демьяновичъ. „Иезуиты въ Россіи“. Ж. М. Н. П. за 1871 г., кн. 8, стр. 185.

⁴⁾ Ostrowski, т. III, стр. 54.

знаемъ, какъ отнесся папа къ требованіямъ посольства, но достоверно извѣстно, что этимъ требованіямъ вполне сочувствовалъ и самъ король ¹⁾. Онъ искренно желалъ, чтобы на мѣстѣ жадныхъ папскихъ легатовъ во главѣ управленія польскою церковью стояло соборное управленіе, но борьба придворныхъ партій и политическія событія того времени помѣшали королю и преобразовательной партіи выяснить идеалы лучшаго порядка своей національной церкви. Между тѣмъ дѣла католичества быстро шли къ упадку подъ ударами пронагаторовъ протестантства. На всѣхъ послѣдующихъ сеймахъ шляхта самымъ угрожающимъ образомъ стала шумѣть противъ привилегій духовенства. На новомъ Петроковскомъ сеймѣ 1565 года изданъ былъ слѣдующій актъ въ ограниченіе правъ юрисдикціи духовенства: шляхта за проступки не подсудна духовному суду; отлученные отъ церкви имѣютъ право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ и, наконецъ, церковный судъ долженъ ограничиваться одними лишь епитиміями ²⁾. Громаднѣйшій интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ для насъ грамота короля Сигизмунда II-го, изданная на Виленскомъ сеймѣ въ 1563 году: „отнынѣ всѣми привилегіями, дарованными литовскому дворянству, должны пользоваться не только паны и шляхта римской вѣры, имѣющіе польскіе гербы, но равно и всѣ дворяне, какъ литовскаго, такъ и русскаго народа, лишь бы они были вѣры христіанской; а также отнынѣ на всякія достоинства и должности, даже до сенаторской, имѣютъ быть избираемы не одни послѣдователи римскаго костела, но и всѣ вообще дворяне христіанской вѣры, литовцы и русскіе, каждый по своимъ заслугамъ и способностямъ, и ни одинъ дворянинъ христіанской вѣры не можетъ быть устранимъ отъ этихъ привилегій ³⁾... Такимъ образомъ, самъ король Сигизмундъ II-й, подъ вліяніемъ реформаціонной партіи, засвидѣтельствовалъ для насъ актъ своей вѣротерпимости по отношенію ко всѣмъ новымъ христіанскимъ исповѣданіямъ.—Съ этого времени въ Польшу прибываютъ все новыя и новыя ересеучители; здѣсь находятъ пристанище всѣ гонимые за границей нѣмцы, чехи и итальянцы. Теперь начинаютъ формулироваться здѣсь преимущественно три протестантскія секты: лютеранство, кальвинизмъ и антитринитарство, называемое иначе соцініанствомъ.

¹⁾ Lukaszewicz. „Hist. Helw. wyzn. w M. Polsce. (Письма духовника Сигизмунда II). Стр. 46, прим.

²⁾ Демьяновичъ. „Іезуиты въ Россіи“. Ж. М. Н. II. за 1871 г., кн. 8, стр. 187.

³⁾ Акты Зап. Россіи, т. III, № 32-й.

Значительнѣе всего были успѣхи кальвинизма, которому сочувствовалъ и самъ король, бывшій даже въ перепискѣ съ кальвиномъ. Но самымъ виднымъ насадителемъ кальвинизма считался въ то время князь Николай Радзивиллъ-Черный, братъ любимой супруги Сигизмунда-Августа—Варвары. Пользуясь при дворѣ неограниченной силой и владѣя громаднѣйшими имѣніями, Радзивиллъ не щадилъ своихъ средствъ на распространеніе кальвинизма. Въ 1561 году онъ выстроилъ для кальвинистовъ на бернандинской площади въ Вильнѣ каменный храмъ и съ этого времени сталъ открыто заводить во всѣхъ своихъ имѣніяхъ молитвенные дома, приглашая туда въ качествѣ пасторовъ извѣстныхъ своею ученостію кальвинистовъ. Простой народъ и мелкую шляхту Радзивиллъ привлекалъ къ своему исповѣданію угощеніями, пособіями, подарками и деньгами. Знатные паны слѣдовали его примѣру и спѣшили строить въ своихъ имѣніяхъ „зборы“, часто обращая въ нихъ свои костелы. Въ 1563 году печатается въ Брестѣ кальвинская Библія въ переводѣ на польскій языкъ. Во многихъ городахъ открываются протестантскія гимназій ¹⁾. Вообще, реформатское движеніе при Сигизмундѣ Августѣ было до того сильно, что почти все католическое дворянство увлеклось имъ и оставило вѣру своихъ отцовъ. Да и самые латинскіе пастыри, если не измѣняли своей вѣрѣ, то оставались почти безъ паствы.

Что же дѣлаютъ въ это время представители римскаго престола? Какія мѣры принимаютъ они къ подавленію религіознаго броженія въ Польшѣ?

Духовенство понимало всю важность совершающагося на его глазахъ религіознаго переворота; оно не могло обманываться на счетъ истиннаго положенія дѣлъ. Болѣе всего въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія капитулы, которые сравнительно съ прочимъ духовенствомъ горячо отстаивали неприкосновенность католической церкви ²⁾. Они открыто высказывались на синодахъ объ ужасныхъ злоупотребленіяхъ, вкравшихся въ церковь и безпощадно клеймили высшее духовенство, замѣченное въ безнравственныхъ поступкахъ. Капитулы рѣшили употребить всѣ усилія, чтобы вывести епископовъ изъ ихъ апатичнаго состоянія къ интересамъ своей церкви и чтобы заставить ихъ занять подобающее мѣсто ³⁾.

¹⁾ Макарій, Арх. Литов., т. 9-й, стр. 320.

²⁾ Ryłacye nuncyuszów, I, 49.

³⁾ Католическая іерархія, по словамъ о. Заленскаго, находилась въ это время въ самомъ тяжеломъ, мизерномъ состояніи. „Многіе ксендзы не умѣли хорошо чи-

Къ счастью, стремленія капитуловъ вполне соответствовали взглядамъ на церковь епископа Кульмскаго Станислава Гозія, ставшаго впоследствии однимъ изъ первыхъ борцовъ за интересы Рима. Гозій на Петроковскомъ синодѣ въ 1551 году открыто требовалъ отъ духовенства, чтобы оно отрѣшилось отъ коммерческихъ предпріятій и чтобы жизнь свою не давало повода для нареканий со стороны протестантовъ ¹⁾. Здѣсь была констатирована необходимость напечатанія богослужебныхъ книгъ и польскихъ католическихъ катихизисовъ. Последній трудъ принялъ на себя Гозій и съ успѣхомъ выполнилъ его, издавъ въ 1553 году „*Confessio catholicae fidei*“ ²⁾. Но чего можно было ожидать отъ дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, когда религиозный переломъ сильно коснулся убѣждений и самаго духовенства? Достаточно сказать, что въ эту пору явный сторонникъ протестантизма—Яковъ Уханскій назначенъ былъ на епископскую кафедру въ Холмъ и въ этомъ санѣ, какъ свидѣлствуетъ Краковскій капитулъ, отвергалъ обряды католической церкви, отрицалъ почитаніе святыхъ и водилъ дружбу съ еретиками ³⁾. Такимъ же путемъ шло и большинство низшаго духовенства. Впрочемъ, духовенство пробовало объявлять на своихъ судахъ чрезвычайно суровые приговоры относительно еретиковъ,—но приговоры эти, раздражая шляхту, не достигали никакихъ положительныхъ результатовъ, такъ какъ самый авторитетъ епископскихъ судовъ былъ окончательно подорванъ. Тѣмъ не менѣе латинская іерархія, сознавая всю силу оппозиціи реформаціонной стороны, вынуждена была сплотиться и дружнее дѣйствовать противъ своего общаго врага. Когда въ 1555 году на Петроковскомъ сеймѣ нововѣрцы рѣшились предложить королю программу своего interim'a, обеспечивающаго имъ полную вѣроисповѣдную свободу, то католическое духовенство рѣшительно и категорически отказалось отъ принятія interim'a и въ концѣ сейма побудило короля издать проектъ, положительно воспреещающій дальнѣйшія нововведенія въ церкви. Тѣмъ не менѣе сеймъ 1555 года имѣлъ чрезвычайно важное значеніе для развитія реформаціоннаго движенія уже потому, что онъ узаконялъ свободное существованіе тѣхъ протестантскихъ церквей, какія возникли

татъ, не знали никакихъ богословскихъ наукъ; приходилось рукополагать на карлановъ костѣльных слугъ и даже холоповъ, полнѣйшихъ невѣждъ въ церковномъ дѣлѣ“... (*Iezuici w Polsce*, т. I, ч. I, стр. 43—44).

¹⁾ Zebrzydowski. Korespondencyja, стр. 473.

²⁾ Любавичъ. Ист. Реформ., стр. 109.

³⁾ Zebrzydowski. Korespond., стр. 483—484.

до этого сейма. Такимъ образомъ, было признано юридическое существованіе цѣлаго ряда церквей, которыя могли быть разсадниками дальнѣйшей пропаганды. Кромѣ того, на томъ же сеймѣ юрисдикція духовенства была очень урѣзана предписаніемъ прекратить всѣ дѣла, возникшія о еретикахъ—впредь до созванія національнаго собора ¹⁾. Благодаря этому постановленію для протестантовъ была открыта полнѣйшая свобода безнаказанной пропаганды. Они дѣятельно вели взаимные переговоры и переписку по поводу предстоящаго національнаго собора. Епископы ясно сознавали всю опасность послѣдствій этого собора для католической церкви; они видѣли, что король стоитъ на сторонѣ протестантовъ и что при такомъ условіи реформированіе церкви будетъ неизбѣжнымъ. Сенатъ также не былъ на сторонѣ католическаго духовенства.

При такихъ условіяхъ польскому духовенству оставалось единственное средство обратиться къ римскому двору и просить у него поддержки. Впрочемъ, папа и самъ видѣлъ критическое положеніе польской церкви и онъ рѣшилъ отправить въ Польшу нунція Алонзія Липпомана. вмѣстѣ съ послѣднимъ прибылъ сюда и одинъ изъ лучшихъ папскихъ теологовъ іезуитъ Альфонсъ Сальмеронъ. Липпоманъ, пріѣхавъ въ Вильно ко двору короля, послѣ двухънедѣльныхъ безплодныхъ попытокъ склонить Сигизмунда на сторону католической церкви, потерялъ всякую надежду на благопріятные результаты отъ своего пребыванія въ Польшѣ. Мало того,—своею суровостью и своимъ жестокимъ отношеніемъ къ разновѣрцамъ, онъ возбудилъ къ себѣ страшную ненависть со стороны шляхты и причинилъ католическому духовенству не мало хлопотъ. Дѣло въ томъ, что при первомъ своемъ свиданіи съ королемъ, онъ упорно настаивалъ на необходимости примѣненія къ еретикамъ самыхъ строгихъ административныхъ мѣръ: конфискаціи имущества, тюремныхъ заключеній и даже смертной казни ²⁾. Въ то же время по рукамъ стали расходиться въ тысячахъ экземпляровъ какія то письма нунція къ подканцлеру и разнымъ духовнымъ лицамъ, чѣмъ окончательно былъ подорванъ его авторитетъ какъ при дворѣ, такъ и среди шляхты ³⁾. Онъ послалъ папѣ неутѣшительныя извѣстія о ходѣ возложенныхъ на него порученій и просилъ отозвать его изъ Польши ⁴⁾.

¹⁾ Любичъ. Ист. Реформ., стр. 150.

²⁾ Relacye nuncyuszów, I, 20. Pippom. do Przer. z Iow.

³⁾ Relacye nuncyuszów, I, 13—21.

⁴⁾ Любичъ. Ист. Реформ., стр. 155—165.

Послѣ отъѣзда Липпомана изъ Польши, протестантское движеніе усиливается еще болѣе, чѣмъ прежде. Дѣло въ томъ, что сюда возвратился бывший въ изгнаніи сильнѣйшій пропагаторъ кальвинизма Іоаннъ Ласкій. Пользуясь большимъ вліяніемъ на короля, Ласкій принялся смѣло за реформированіе мало-польской церкви. Но на этой почвѣ онъ долженъ былъ столкнуться съ другими руководителями религіознаго движенія, извѣстными уже намъ—Липпоманомъ и Вергеріемъ. Ихъ взгляды по вопросу о таинствѣ евхаристіи, о безбрачій священниковъ, о церковныхъ имуществахъ были совершенно противоположны взглядамъ Ласкаго. Въ средѣ протестантовъ образовался расколъ: начались диспуты и споры, доходившіе до ожесточенія и страшной вражды. Эти внутреннія неурядицы въ средѣ протестантовъ всякихъ толковъ, ихъ взаимныя несогласія и споры могли бы окончательно парализовать силу протестантизма, если бы самъ Кальвинъ не поддержалъ своими письмами у многихъ польскихъ магнатовъ энергіи и интереса къ дальнѣйшему реформаціонному прогрессу ¹⁾. Далѣе,—польскіе протестанты перестали удовлетворяться ученіемъ Лютера, Кальвина, Мелія Сосина и другихъ пропагаторовъ новыхъ религіозныхъ ученій. Благо, двери Польши были настежь открыты для новаторовъ всевозможныхъ направленій. И мы видимъ, что духъ анализа и религіознаго сомнѣнія проникаетъ сюда все настойчивѣе и сильнѣе. Такой анархій ума не мало способствовали тѣ безпорядки въ дѣлахъ внутренняго управленія польскаго королевства, какіе настали здѣсь въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Выдающихся дѣятелей на политическомъ поприщѣ тогдашней Польши было не особенно много,—но и тѣ были по преимуществу ярые протестанты.

Насталъ, наконецъ, и 1562-й годъ,—время Петроковскаго сейма, на который съѣхалось множество руководителей протестантскаго движенія. Споръ о юрисдикціи духовенства былъ центральнымъ вопросомъ всѣхъ дѣлъ этого сейма. Послы просили короля избавить ихъ отъ юрисдикціи духовенства, угрожая въ противномъ случаѣ отказаться отъ участія въ вотированіи налоговъ ²⁾. Король исполнилъ требованіе пословъ и епископы, бывшіе на сеймѣ, отказались принимать дальнѣйшее участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ и вышли изъ засѣданія сената ³⁾.—Протестанты торжествовали. Они полагали, что постановленіями Петроковскаго сейма за ними исполнѣе обезпечено право на вѣроисповѣдную свободу и что духов-

¹⁾ Любавичъ. Ист. Реформ., стр. 245.

²⁾ *Zródłopisma do dziejów unii*, часть II, отд. I, стр. 117.

³⁾ Тамъ же, стр. 133.

ная юрисдикція въ Польшѣ окончательно потеряетъ свою силу. Въ это время всѣ толки протестантскаго движенія какъ будто примирились и сошлись, чтобы праздновать побѣду надъ духовенствомъ католической церкви. Но ликованія протестантовъ были напрасны! Время Петроковскаго сейма по справедливости считается кульминаціоннымъ пунктомъ въ исторіи протестантскаго движенія. Съ 1562 года оно слабѣетъ, утрачиваетъ свою интенсивность и мы не замѣчаемъ болѣе сплошнаго движенія въ пользу протестантскаго ученія даже въ большихъ городахъ.

Подраздѣленіе протестантской церкви на множество сектъ было поворотнымъ пунктомъ въ ея развитіи: начавшійся расколъ и постоянные раздоры въ средѣ протестантовъ сильно подорвали престижъ ихъ ученія въ глазахъ польскаго народа ¹⁾. Католическое духовенство съ радостію смотрѣло на эти несогласія въ протестантской церкви; оно прекрасно понимало, что такимъ путемъ они скоро дойдутъ до окончательнаго паденія и что теперь настаетъ время рѣшительной борьбы за господство той или другой церкви. Латинское духовенство дружно ополчилось на своего врага; оно твердо было убѣждено, что католическая церковь побѣдитъ всѣ ереси нововѣрцевъ и надежды его, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно сбылись.

Вотъ краткій обзоръ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ доведенный нами до того предѣла, за которымъ наступаетъ эпоха католической реакціи и политической дѣятельности Петра Скарги.

Теперь остается намъ рѣшить одинъ важный вопросъ: какія направленія явились въ Польшѣ подъ вліяніемъ протестантскаго движенія, длившагося болѣе сорока лѣтъ?

Рѣшеніе этого вопроса введетъ насъ въ кругъ тѣхъ задачъ, какія предстояли будущимъ дѣятелямъ реакціонной эпохи, а слѣдовательно и укажетъ ту почву, на которой приходилось работать такому политическому дѣятелю, какъ Петръ Скарга.

Нѣтъ сомнѣнія, что протестантское движеніе отразилось рѣшительно на всѣхъ сторонахъ жизни польскаго народа. Прежде всего, въ Польшѣ падаетъ ультрамонтанство, а вмѣстѣ съ нимъ и религіозная нетерпимость. Польское духовенство теряетъ свой престижъ въ глазахъ другихъ сословій и уже не пользуется болѣе тѣмъ вліяніемъ въ странѣ, какое замѣчалось въ первой четверти 16 вѣка. Духъ религіозной свободы не могъ не отразиться какъ на

¹⁾ По словамъ Заленскаго, число сектъ (*nowych wiar i wiareczek*) доходило до 32-хъ. Zaleński. „Iezuici w Polsce“, т. I, ч. I, стр. 27 (1901 г.).

общественномъ, такъ и на политическомъ строѣ Рѣчи Посполитой. Протестантство разширило права шляхты надъ крестьянскимъ словіемъ до не вѣроятнаго произвола: всякій шляхтичъ могъ силою навязать своимъ подданнымъ ту вѣру, какую угодно ему избрать¹⁾. Но этого мало. Политическая свобода шляхты возрастаетъ до смѣшныхъ предѣловъ и притомъ въ ущербъ и безъ того слабой королевской власти. Мало по малу, подѣ влияніемъ протестантства, въ Польшѣ вырабатывается новый политическій строй, при которомъ шляхта не хочетъ знать для себя никакихъ ограниченій. Благодаря частымъ междуцарствіямъ шляхта постепенно урѣзываетъ власть короля и низводитъ ее на степень фикціи.

Польша становится теперь не королевствомъ, но республикой съ самымъ неустойчивымъ режимомъ внутренняго самоуправления. „Шляхетское сословіе того времени, по словамъ одного историка²⁾, превратилось въ какую-то ходячую привиллегію, недоступную остальнымъ смертнымъ и не постижимую для другихъ народовъ. Шляхта наложила свою руку на всѣ стороны государственной жизни и какъ бы монополизировала ихъ. Она одна могла занимать всѣ должности въ государствѣ,—она одна владѣла землями съ почти неограниченнымъ правомъ,—ей одной принадлежалъ авторитетъ непогрѣшимаго свидѣтельства на судахъ. Шляхта присвоила себѣ чуть-ли не монополію человѣческой жизни: даже соль въ извѣстной мѣстности не продавалась до тѣхъ поръ, пока панъ-шляхтичъ не запасется ею вдоволь... Онъ одинъ имѣлъ корону въ своемъ гербѣ; онъ ходитъ въ какомъ угодно вооруженіи и съ какой угодно свитой,—вламывается въ суды, сеймы, костелы и въ частные дома,—стрѣляетъ на улицахъ, трубитъ и бубнитъ во всякое время... Домъ его считается такой же неприкосновенной святыней, какъ алтарь классическихъ боговъ“...

Вотъ тѣ условія, при которыхъ Скарга выступилъ на арену политической дѣятельности въ Польшѣ. Займемся теперь этой личностью, феноменальной какъ по своимъ талантамъ, такъ и по той дѣятельности, какая оставила по себѣ самые глубокіе слѣды въ судьбахъ исторической жизни Рѣчи Посполитой.

¹⁾ *Cujus regio-illius et religio*,—вотъ принципъ шляхты въ отношеніи религиозныхъ убѣжденій польскихъ крестьянъ.

²⁾ Трачевскій. „Польское безкоролевье“, стр. 32.

IV.

Біографія Петра Скарги ¹⁾.

На главной проѣзжей дорогѣ изъ Радома до Варшавы, въ пяти миляхъ отъ послѣдней, лежитъ небольшое, но богатое мѣстечко Гроецъ (Grojec). Въ окрестностяхъ этого мѣстечка находится маленький, безымянный фольварокъ съ господскимъ домикомъ, именуемый „Скарговщиной“. Это и есть родина Петра Скарги. Скарга происходилъ изъ фамиліи Повенскихъ, имѣвшихъ и богатые помѣстья и не малое общественное значеніе при Мазовецкихъ князьяхъ. Фамилія „Скарги“ впервые дается Мазовецкимъ королемъ Янушемъ дѣду нашего Скарги—Яну Повенскому по причинѣ частыхъ его жалобъ на всякія обиды. Однажды князь въ шутку сказалъ Яну: „не нужно тебѣ называться Повенскимъ, но Скаргой“ (Uskarżać = жаловаться). Съ тѣхъ поръ эта фамилія и осталась за всѣми потомками Повенскихъ.—Скарга родился въ 1536 году отъ отца—Михаила и матери Анны изъ фамиліи Свентковскихъ. О днѣ рожденія Скарги, а равно и о составѣ его семьи намъ ничего не извѣстно кромѣ того, что онъ имѣлъ сестру, вышедшую замужъ за Чарноласкаго и что родители его были люди чрезвычайно преданные костелу.

Оставшись круглымъ сиротою на 12-мъ году своей жизни, Скарга переходитъ на жительство къ брату своему, который потомъ

¹⁾ Біографія П. Скарги составлена нами на основаніи слѣдующихъ сочиненій:

а) „Piotr Skarga i jego wiek“. М. J. A. Rychcieckiego Krakow, 1850.

б) „Obraz wieku panowania Zygmunta III“. F. Siarczyńskiego, ч. II. Львовъ, 1828.

в) „O Życiu i pismach ks. P. Skargi“. Осицкаго. 1812.

г) „Matka świętych Polska“. Jaroszewicza, 1767.

и воспитать его. На 16-мъ году, по окончаніи низшей школы въ Гроецѣ (или въ Грудкѣ), Петръ перешелъ въ Краковскую академію. Жизнь академической молодежи, ея дѣятельность, задачи и стремленія, Скарга прекрасно изобразилъ въ житіи св. „Iana Kantego“ на 19-е октября ¹⁾. Восхваляя свою академію, онъ называетъ ее „украшеніемъ польской короны, опорой католической церкви...: какъ доброе дерево раждаетъ много овощей, такъ и Краковская академія родила чрезвычайно много славныхъ людей, память о которыхъ навсегда останется въ потомствѣ и которые своею прекрасною жизнію, науками и трудами оставили намъ примѣръ, вполне достойный святыхъ“... Въ академіи Скарга учился всего два года и затѣмъ слушалъ философскіе курсы „бакалавра“ Феликса Серпскаго. Въ 1555 году Скарга, имѣя отъ роду около 20-ти лѣтъ, спѣшилъ въ Варшаву, гдѣ на него возлагаютъ обязанность директора тамошней гимназіи, открытой въ томъ же году. Своимъ новымъ, высокимъ положеніемъ онъ невольно обращаетъ на себя вниманіе какъ ученыхъ, такъ и сенаторовъ всей Польши. Но черезъ 2 года Скарга оставляетъ свою гимназію и идетъ къ Тенчинскому, Краковскому каштеляну, въ качествѣ домашняго учителя сына его Яна. Отсюда въ 1560 году, вмѣстѣ съ Яномъ онъ ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ Тенчинскій считался въ числѣ придворныхъ Фердинанда. Эта поѣздка и годичное пребываніе при Вѣнскомъ дворѣ расширили кругозоръ Скарги и дали ему богатый практическій опытъ. По возвращеніи Скарги въ Польшу, Львовскій архіепископъ Павель Тарло, наслышавшись о его ораторскомъ талантѣ, сталъ убѣждать его принять священниій санъ. Скарга охотно согласился и въ 1563 году былъ рукоположенъ въ иподіакона епископской каѳедры во Львовѣ. На другой годъ его рукоположили въ санъ священника и дали ему Рогатинское „probostwo“ со званіемъ Львовскаго канонника. Служба соединенная съ этимъ званіемъ пришлась по сердцу Скаргѣ: проповѣдническая дѣятельность вполне отвѣчала его наклонностямъ и онъ отдался новому труду со всѣмъ своимъ юношескимъ пыломъ. Какими возвышенными идеями былъ проникнутъ въ это время Скарга, можно видѣть изъ того идеала священника, какой предносился предъ его мысленнымъ взоромъ: „кто думаетъ принять на себя пастырскій санъ, тотъ долженъ твердо испытать себя, имѣетъ ли онъ къ тому призваніе, готовъ ли онъ служить людямъ день и ночь... Можетъ ли быть пастыремъ тотъ, кто овецъ своихъ не знаетъ, кто при нихъ не живетъ, но поручаетъ ихъ другимъ,

¹⁾ Żywoty świętych, na oziefi 19 pazdziernika.

кто приходитъ къ нимъ за волной и молокомъ, а самъ имъ ничѣмъ не служить“ ¹⁾?...

И дѣйствительно, дѣлу проповѣди и пастырскому труду Скарга предается горячо. Имѣя открытую и благородную наружность, ясныя разсудокъ, живое воображеніе, чистую рѣчь, звучный голосъ, самообладаніе, а главное, навыкъ къ упорному труду, Скарга быстро стяжалъ себѣ славу, какъ выдающійся ораторъ. Какъ проповѣдникъ онъ занимаетъ первое мѣсто въ средѣ многихъ знаменитыхъ прелатовъ Львовской каѳедры. Свой проповѣдническій талантъ Скарга впервые обнаружилъ при встрѣчѣ новаго Львовскаго архіепископа Станислава Старновскаго въ 1566 году. Съ этого времени Скарга обратилъ свою проповѣдническую дѣятельность на обличеніе заблужденій разновѣрцевъ. Его горячія, прочувствованныя и убѣдительныя рѣчи привлекали къ нему массу слушателей даже изъ среды протестантовъ. Доброму мнѣнію о немъ въ народѣ не мало способствовало и то, что онъ шелъ истиннымъ путемъ евангельскаго самарянина: посѣщалъ больныхъ, перевязывалъ ихъ раны, давалъ лѣкарства и училъ терпѣнію въ перенесеніи скорбей. Особую сенсацію произвелъ Скарга тѣмъ, что обратилъ къ костелу дочь Яна Радаивилла, жмудьскаго старосты, Екатерину Сѣнявскую, которая вмѣстѣ со своимъ мужемъ отступила было отъ католической вѣры.

Въ это самое время въ Польшѣ сильно начали распространяться общество іезуитовъ. Вармійскій епископъ Станиславъ Гозій, бывшій одно время предсѣдателемъ Триденскаго собора, по возвращеніи въ Польшу, вызвалъ въ 1564 году въ свой Вармійскій округъ 11 душъ іезуитовъ и поселилъ ихъ въ Брунсбергскомъ монастырѣ, принадлежавшемъ нѣкогда францисканамъ. Въ скоромъ времени они открыли здѣсь свой лицей (liceum Hosianum) и прекрасной постановкой учебнаго дѣла привлекли къ себѣ массу учащейся молодежи изъ Пруссіи, Польши и Литвы. Въ слѣдующемъ году Гозій основалъ въ томъ же Брунсбергѣ первую во всей Польшѣ семинарію и поручилъ ее тѣмъ же іезуитамъ ²⁾. Примѣру Гозія послѣдовалъ и Плоцкій епископъ Носковскій: онъ приглашаетъ къ себѣ іезуитовъ и ввѣряетъ ихъ попеченію коллегіумъ въ Пултускѣ, куда пріѣзжаетъ и новый ректоръ изъ Рима іезуитъ Станиславъ Роздражевскій. По той же тропѣ пошелъ и его преемникъ, епископъ Мыш-

¹⁾ Kazanie na wtorek święteczny, wtora część.

²⁾ Archiv. Prov. Pol. Lith. Hist. Col. Brunsberg: Dzieje brunsberskiego kolegium... t. IV. + Reszka. Vita St. Hosii.

ковскій, разрѣшившій іезуитамъ поселиться на щепанскомъ плацу при Краковскомъ костелѣ ¹⁾. Какъ быстро проникало вліяніе іезуитовъ къ королевскому двору и какъ высоко послѣдній цѣнилъ педагогическія задачи іезуитскихъ школъ, можно понять изъ содержанія той грамоты Сигизмунда, какую онъ далъ 23 марта 1565 года Плоцкому бискупу Носковскому на открытіе Пултуской коллегии. „... Велелебный во Христѣ... бискупъ Носковский доносилъ намъ о томъ, что онъ желаетъ поселить въ Пултускѣ нѣсколько членовъ общества іезуитовъ... Разсудивъ, что это намѣреніе бискупа клонится къ пользѣ костела и Рѣчи посполитой..., мы не только позволяемъ, но даже одобряемъ и хвалимъ эту заботу о сохраненіи (въ чистотѣ) вѣры нашихъ предковъ... Мы желаемъ, чтобы это общество іезуитовъ жило въ нашемъ королевствѣ и имѣло всѣ права и преимущества, какими пользуются остальные христіанскіе народы“... ²⁾. Не менѣе прочно утвердились іезуиты и въ Литвѣ, куда вызвалъ ихъ для педагогической дѣятельности Виленскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ. Уставъ и задачи іезуитовъ чрезвычайно понравились Скаргѣ. Изучать богословскія науки, учить другихъ, воспитывать юношество, проповѣдывать католическую вѣру, бороться съ заблужденіями ближнихъ,—вотъ та атмосфера, куда стремился духъ Скарги.

Вступивъ въ письменное общеніе съ начальникомъ польскихъ іезуитовъ, Скарга рѣшилъ оставить міръ. Онъ раздаетъ свое имущество бѣднымъ и 13 сентября 1568 года отправляется въ Римъ. Его біографъ, Рыхцицкій, описывая трогательную разлуку капитулы со Скаргой, рассказываетъ, что сильный конь подъ Скаргой упалъ при выѣздѣ изъ главныхъ воротъ и сломилъ себѣ ногу. Этотъ случай произвелъ на капитулу удручающее впечатлѣніе и послужилъ почвой для самыхъ худыхъ предсказаній ³⁾. Прибывъ въ Вѣну, Скарга имѣлъ свиданіе съ „апостольскимъ пунціемъ“ Комендони; послѣдній принялъ его очень любезно и черезъ нѣсколько времени писалъ о немъ Польскому кардиналу, что если Скарга согласится поступить въ „towarzystwo“, то будетъ очень полезнымъ (pożyteczniejszym) своей отчизнѣ. Въ Римѣ Скарга явился къ генералу ордена Франциску Боргіату, который далъ ему извѣстный искусь и указалъ ему для жительства ту самую келію, гдѣ нѣкогда жилъ и умеръ патронъ Польши св. Станиславъ Костка.

¹⁾ Rostowski, стр. 29.

²⁾ Lizty Commendonego II, 116—118 + Świecicki, Vita Andr. Noszovii 1637.

³⁾ Rychcicki, т. I, стр. 177.

Рѣшить, что служило для Скарги дѣйствительнымъ побужде-
ніемъ къ поступленію въ общество іезуитовъ,—истинное ли приз-
ваніе къ отреченію отъ міра, или исканіе славы,—весьма трудно.
Мы не ставили бы этого вопроса, если бы біографъ Скарги, М. Рых-
цицкій не вздумалъ сообщить въ своемъ памфлетѣ нѣсколько стран-
ной исторіи, которая никакъ не мирится съ мыслию о глубокой ре-
лигіозной настроенности Скарги. Расскажемъ вкратцѣ эту исторію.
У Скарги предъ вступленіемъ въ новиціатъ, была густая и при-
личная борода. Ему было жаль съ нею разстаться,—но онъ побо-
ролъ себя и отрѣзалъ ее, какъ попало. Когда спросили Скаргу о
причинѣ такого поступка, то онъ серіозно отвѣтилъ: „Я сдѣлалъ
это для того, чтобы чортъ не имѣлъ за что схватить и держать
меня“. Въ другой разъ, когда пригласили Скаргу къ общему столу,
онъ вздумалъ ѣсть дыню вмѣстѣ съ коркой; всѣ присутствующіе
были крайне удивлены. Ректоръ новиціата, замѣтивъ это, велѣлъ
дать ему хорошій кубокъ добраго вина и Скарга, какъ и слѣдовало
ожидать, не отказался отъ этого предложенія ¹⁾.—Г. Рыхцицкій по-
чему-то видитъ въ этихъ дѣтскихъ причудахъ благочестивое стре-
мленіе унижить себя и быть простымъ (*upokorzyć i prostakiem wy-
dać*). Крайне не послѣдовательное заключеніе; здѣсь нѣтъ и тѣни
того смиренія, котораго ищетъ Рыхцицкій. Это пустая оригиналь-
ность и полнѣйшее неуваженіе къ тѣмъ простецамъ, которые си-
дѣли за столомъ. Было бы лучше, если бы Рыхцицкій умолчалъ о
такихъ вещахъ...—Но продолжимъ нашъ рассказъ.

Поселившись въ новиціатѣ, Скарга добросовѣстно предался
тѣмъ искусамъ, какіе были предписаны организаторомъ ордена—
Лойолой, въ лицѣ его ученика, ректора новиціата, испанца Петра
Рыбаденейры. Впрочемъ, искусы, назначенные для Скарги, въ виду
его популярности и богатаго опыта въ проповѣдническомъ дѣлѣ,
были значительно сокращены и онъ перешелъ въ разрядъ слуша-
телей теологіи. Отсюда Скарга, по назначенію ордена и по желанію
папы, въ числѣ другихъ двѣнадцати іезуитовъ, былъ посланъ въ
качествѣ исповѣдника къ костелу св. апост. Петра.

Въ это самое время возвратились въ Римъ миссіонеры, впер-
вые побывавшіе въ Китаѣ, Японіи, Мексикѣ и др. языческихъ стра-
нахъ. Восторженные рассказы о неустрашимости и подвигахъ мис-
сіонеровъ сильно воспламенили въ Скаргѣ желаніе просвѣщать
языческіе народы дальняго востока. Но его планамъ не суждено
было осуществиться. Боргіашъ видѣлъ печальное положеніе като-

¹⁾ М. Rychciński, т. I, стр. 186.

лической церкви въ Польшѣ,—онъ зналъ, что дѣятельность Скарги болѣе всего нужна его отчизнѣ, а потому и указалъ ему эту миссію, какъ жребій, назначенный ему самой судьбой. Это было въ началѣ 1571 года. Скарга ѣдетъ въ свою отчизну полный новаго духа и проникнутый пламеннымъ желаніемъ завести здѣсь такіе же католическіе порядки, какіе пришлось наблюдать ему въ Римѣ. Но прежде чѣмъ коснуться внутренней политической дѣятельности Скарги въ Польшѣ, какъ проповѣдника, педагога и католическаго полемиста, мы должны сказать о томъ, что успѣли сдѣлать іезуиты къ приходу Скарги въ теченіе своего семилѣтняго пребыванія въ польскомъ королевствѣ.

Положеніе іезуитовъ въ данное время было въ самомъ цвѣтушемъ состояніи. Сигизмундъ Августъ сильно покровительствовалъ іезуитамъ; обставилъ ихъ всевозможными привилегіями и располагалъ бискуповъ къ открытію новыхъ коллегій. Мы уже говорили, что Виленскій епископъ Протасевичъ пригласилъ къ себѣ іезуитовъ и далъ имъ церковь св. Іоанна Крестителя съ нѣсколькими домами. Въ 1570 году Протасевичъ открылъ для дѣятельности іезуитовъ школу (*gimnazjum*) и первымъ ректоромъ ея поставилъ Станислава Варшевицкаго¹⁾. Послѣдній, придерживаясь программы іезуитскихъ школъ, раздѣлилъ свою гимназію на пять классовъ: *infima*, *gramatyka*, *syntaxis*, *poetyka* і *retoryka*. Въ первомъ году, не смотря на многочисленныя объявленія Протасевича о присылкѣ дѣтей, гимназія не могла похвалиться достаточнымъ количествомъ своихъ учениковъ. Разновѣрцы всѣми мѣрами старались вооружить шляхту противъ новой школы іезуитовъ,—но послѣдніе не падали духомъ. Благодаря прекрасной постановкѣ учебнаго дѣла и безплатному обученію дѣтей, гимназія іезуитовъ на третьемъ году своего существованія, была переполнена учениками, охотно бросающими каѳедральную и протестантскія школы²⁾. Не менѣе протежировалъ іезуитамъ и епископъ Познанскій, Адамъ Конарскій. Онъ открылъ въ Познани „*kolegium*“ и далъ іезуитамъ костелъ св. Станислава со службами, четырьмя селами и всякими доходными статьями. Скромная жизнь іезуитовъ, ихъ трудолюбіе и самоотверженная педагогическая дѣятельность въ школахъ сразу привлекли къ нимъ симпатіи всѣхъ слоевъ общества не исключая даже и нѣкоторыхъ разновѣрцевъ. Они не успѣли еще проникнуть ко двору, въ сенатъ и въ частные дома знатныхъ магнатовъ,—они не имѣли еще

¹⁾ Rostowski, Hist. Lith. S. J. lib. X. 29—30—41.

²⁾ Bieliński, „Uniwersitet Wileński“, т. I, стр. 23—26.

вліянія на общественную жизнь польскаго королевства, но ихъ будущность и дальнѣйшее процвѣтаніе были вполне обезпечены тѣми симпатіями, какія заслужили они у общества своею семилѣтнею дѣятельностью въ школахъ. Время 1571 года было какъ бы утренней зарей того свѣтлаго дня, какой начинался для католической церкви. Протестантизмъ слабѣлъ и замѣтно терялъ для шляхты свою обаятельную силу. Насталъ часъ возвратить Польшу къ прежнимъ устоямъ ея политической жизни. Нужно было изгнать тотъ реформаціонный духъ, который такъ неожиданно вырвалъ поляковъ изъ матернихъ объятій католической церкви. Нужно было внушить ненависть къ нововѣрію во всѣхъ его видахъ, примирить враждующихъ, объединить сословія и призвать всѣхъ къ внутреннему миру и добрымъ порядкамъ. Поднять этотъ трудъ одному человѣку казалось не возможнымъ,—но дѣятельность Скарги въ этомъ отношеніи превзошла всякія ожиданія. Правъ былъ генераль ордена Боргіашъ, рѣшивъ про себя, что Скарга со своими богатыми способностями болѣе будетъ полезнымъ своей отчизнѣ, чѣмъ дикимъ народамъ дальняго Востока и что Польша „nigdzie nic podobnego Skargi nie znajduje“¹⁾.

¹⁾ М. Rychciński, т. I, стр. 190

Дѣятельность П. Скарги въ царствованіе Ваторія.

Весною 1571 года Скарга возвратился изъ Рима въ Польшу и поселился въ Пултускѣ, гдѣ проходилъ должность проповѣдника около года. Въ 1572 году Скарга переѣзжаетъ въ Ярославль и здѣсь основываетъ „kolegium“ на средства богатой шляхтянки Софіи Тарповской. Но въ это самое время неожиданно умираетъ король Сигизмундъ Августъ. Неутѣшная королева Анна, проживавшая въ Плоцкѣ, была теперь предметомъ особыхъ вниманій со стороны высокихъ сановниковъ свѣтскаго и духовнаго чина. Папскій нунцій Винцентій Партицій, для утѣшенія королевы духовной бесѣдой, рѣшилъ послать къ ней краснорѣчиваго священника и выборъ его остановился на Скаргѣ. Скарга съ честью исполнилъ возложенное на него порученіе, что впоследствии имѣло для его дѣятельности громадное значеніе. Пробывъ нѣкоторое время въ Плоцкѣ, онъ переѣзжаетъ въ Вильну и здѣсь поселяется на долгое время въ качествѣ кафедральнаго проповѣдника Протасевича и помощника Варшавицкому по Виленской коллегіи. Изучивъ настроеніе и характеръ постояннаго контингента молящихся въ кафедральномъ храмѣ, а равно и той молодежи, какая посѣщала коллегію, Скарга понялъ, что усердная педагогическая дѣятельность и сильное проповѣдническое слово могутъ возвратить Польшу къ прежнимъ устоямъ религіозной жизни. Онъ видѣлъ, что кальвинизмъ высоко поднялъ голову, что его поддерживаютъ магнаты и богатая шляхта, что аріанство и кальвинизмъ, воюющіе между собою изъ за первенства, идутъ однако рука объ руку тамъ, гдѣ имъ нужно подавить ненавистную католическую церковь. Не менѣе тревожила Скаргу и православная церковь, дававшая чувствовать себя на Литвѣ и въ западно-русскихъ областяхъ. Но вѣра Скарги въ силу католической церкви нисколько не страдала отъ этихъ мрачныхъ размышленій;

онъ твердо былъ убѣжденъ, что всѣ нововѣрія будутъ побѣждены силою латинства, если работники его усердно возьмутся за дѣланіе (*ziniwo*) свое. Вотъ его взгляды на печальное положеніе католицизма въ странѣ: „въ настоящую пору всѣ чрезвычайно скоры на вѣру, не разсуждая, кто говоритъ и чѣмъ доказываетъ свою рѣчь. Нѣтъ теперь любви къ своей отеческой вѣрѣ,—угасло усердіе къ службѣ Божіей, даже духовенство стало нерадивымъ!... Гдѣ возмемъ лѣкарства противъ этихъ болѣзней?.. Но мы не отчаиваемся, говорить Скарга; терпѣніемъ покорностью и любовію къ непріятелямъ мы возвратимъ къ Богу отнятыя у насъ души,—это и есть то дѣланіе (*ziniwo*), на которое Онъ послалъ насъ“ ¹⁾. Отсюда становится для насъ очевиднымъ то настроеніе Скарги по отношенію къ иновѣрцамъ, которымъ опредѣлялась вся его дальнѣйшая жизнь. Какіе же планы выработаны Скаргой для борьбы съ протестантскимъ движеніемъ?

Прежде всего онъ рѣшилъ ассоціировать извѣстные религіозные кружки, которые должны были вліять на настроеніе умовъ всей шляхты, зараженной идеями новыхъ ученій. Для этого Скарга группируетъ истинныхъ католиковъ въ одну плотную массу и заставляетъ ихъ энергично стать на защиту интересовъ и чести католической церкви. Первый трудъ его въ этомъ направленіи сказался въ организаціи при Іоанновскомъ костелѣ „Братства Тѣла Господня или Таинства Евхаристіи“ ²⁾. Папа и король немедленно утвердили уставъ этого Братства, предложенный Скаргой. Истинные сыны католической церкви встрѣтили идею Скарги съ величайшимъ восторгомъ. Бискупъ Протасевичъ, кардиналъ Гозій, Виленскій войтъ Мелецкій, проконсулъ, бурмистры, судьи, шляхта и даже мѣщане,—всѣ спѣшили вписаться въ члены этого Братства ³⁾. Открытіе этого Братства было обставлено чрезвычайными торжествами; оно тянулось нѣсколько дней и оставило въ сердцахъ католиковъ самое отрадное впечатленіе. Чтобы усилить вліяніе обрядовой стороны католической церкви, Скарга посвящаетъ вновь открытому Братству особую каплицу и ставитъ въ обязанность всѣмъ членамъ наблюдать очередь въ сопровожденіи духовенства, когда послѣднее идетъ напутствовать больныхъ. Но этого мало. По мысли Скарги, члены братства, кромѣ ежегодныхъ приношеній, должны были участвовать во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ; изъ нихъ составлялся

¹⁾ Skarga. „Obrona Iezuitów“; trzecia próba, rozdział III.

²⁾ Bractwo (stowarzyszenie) czcicielów najśw. sakramentu.

³⁾ Załęski, Iezuici w Polsce, т. I, ч. I, стр. 190—191.

хоръ пѣвчихъ,—они ходили по городу въ крестныхъ ходахъ въ особыхъ костюмахъ со знаменами, бубенчиками, крестами и фонарями... Словомъ, было придумано все, что могло усилить пышность католическихъ обрядовъ и увеличить толпу. Все это, какъ видимъ, было рассчитано Скаргой на сильный эффектъ. Такая постановка дѣла въ теченіе трехъ лѣтъ привлекла массу сторонниковъ іезуитскихъ интересовъ. Но кромѣ религіозныхъ задачъ, братство играло не послѣднюю роль и въ социальномъ отношеніи. Это былъ не только союзъ единомышленныхъ людей въ дѣлахъ вѣры, но въ то же время и политическая ассоціація, усвоившая идеи и направленіе своихъ вожаковъ дѣйствовавшая по ихъ внушеніямъ. Кальвинисты и другіе разновѣрцы поняли задачи Скарги, они видѣли чрезмѣрный ростъ вліянія его братства на шляхту и простой народъ,—но парализовать это вліяніе и обезсилить дѣйствія Скарги, они были не въ силахъ.—Каплица этого Братства, съ разрѣшенія папы, благодаря обильнымъ пожертвованіямъ, была въо-слѣдствіи великолѣпно украшена и обезпечена громаднѣйшими фундутами. Скарга выписалъ для нея изъ Рима большое распятіе художественной работы, а Варшевицкій, по его же настоянію, привезъ изъ Швеціи мощи св. Теофила, помѣщенные въ особой серебряной ракѣ.

Чтобы лучше урегулировать жизнь перваго Польскаго Братства, Скарга написалъ для него особый уставъ, который и служилъ потомъ какъ бы нормой для другихъ братствъ, открытыхъ имъ въ разныхъ городахъ Польши. Такъ дѣйствовалъ Скарга внутри своего братства въ первые два года по своемъ прибытіи въ Вильну. Но съ 1575 года дѣятельность его принимаетъ болѣе рѣшительный и общій характеръ. Изучивъ слабыя стороны своихъ враговъ и недостатки ихъ вѣроученій, Скарга начинаетъ теперь самую ожесточенную съ ними борьбу, пользуясь для этого и церковной каеедрой, и вліяніемъ на королевскій дворъ, и педагогической дѣятельностію іезуитовъ и, наконецъ, печатнымъ словомъ. Проповѣди Скарги принимаютъ теперь исключительно полемическій характеръ. Систематически, шагъ за шагомъ, всѣ тезисы нововѣрцевъ подвергаются у Скарги самой безпощадной критикѣ на основаніи священнаго писанія и тѣхъ отцовъ церкви, которые считались авторитетными у лютеранъ и кальвинистовъ. Живая, прочувствованная рѣчь и искреннія убѣжденія Скарги производили глубокое и неотразимое впечатленіе. Слава о его удивительныхъ проповѣдяхъ далекимъ эхомъ разнеслась по всей Польшѣ и привлекала къ его каеедрѣ цѣлыя толпы какъ католиковъ, такъ и разновѣрцевъ. Въ скоромъ времени,

благодаря такой сенсации, случилось въ Виленскомъ костелѣ одно чрезвычайно важное обстоятельство. Бывшій Литовскій маршалокъ Николай Радзивиллъ, прозванный Чернымъ, побуждаемый стоустой молвой о „золотыхъ“ рѣчахъ Скарги пришелъ послушать его въ костелъ. Скарга, по словамъ Рыхцицкаго ¹⁾, говорить въ это время о протестантахъ и произвелъ на Радзивилла такое сильное впечатленіе, что онъ тутъ же, у амвона Скарги, сталъ просить послѣдняго о восоединеніи съ костеломъ. Скарга не повѣрилъ заявленію князя и сурово отвѣтилъ ему: „пора шуткамъ положить конецъ!.. Князья, натѣшившіеся въ волю, должны подумать наконецъ и о дѣлахъ болѣе важныхъ, соответствующихъ ихъ высокому роду и значенію среди простыхъ людей“. На другой день всѣ братья Радзивиллы—Николай, Юрій, Войцехъ и Станиславъ пришли въ костелъ, каились у ногъ Скарги и публично отрекались отъ прежнихъ еретическихъ взглядовъ. Этотъ неожиданный фактъ произвелъ потрясающее впечатленіе на общество разновѣрцевъ. Сила, богатство и общественное положеніе Радзивилловъ много въ послѣдствіи имѣли значенія въ дѣлѣ постепеннаго упадка реформаціоннаго движенія. Радзивиллы, возвратившись къ старой вѣрѣ, немедленно изгнали изъ своихъ многочисленныхъ имѣній всѣхъ проповѣдниковъ кальвинизма и стали по прежнему истинными патронами своихъ костеловъ ²⁾. Съ этихъ поръ разновѣрцамъ въ силу необходимости пришлось входить въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ іезуитами и католическимъ духовенствомъ. Не прошло и года, какъ тотъ же Николай Радзивиллъ, пользуясь правами Виленскаго воеводы, закрываетъ въ Несвижѣ всѣ реформатскія школы, отбираетъ у кальвинистовъ типографію въ Брестѣ и жертвуетъ 5,000 дукатовъ на предметъ покупки возможно—большаго количества разновѣрскихъ сочиненій, чтобы публично сжечь ихъ на Виленскомъ плацу. Выстроивъ потомъ массу новыхъ костеловъ, Радзивиллъ, подъ вліяніемъ Скарги, ѣдетъ въ Палестину, чтобы загладить фамилійный грѣхъ отступленія отъ прародительской вѣры. По возвращеніи изъ Палестины въ 1584 году, онъ строитъ въ Несвижѣ для іезуитовъ прекрасный „kolegium“ и обезпечиваетъ его существованіе громадными фундушами ³⁾. Вообще, по замѣчанію Рыхцицкаго и Нѣсецкаго, Радзивиллъ сталъ дѣлать теперь много добра для католической церкви и своимъ вліяніемъ на окру-

¹⁾ Rychcicki, т. I, стр. 20с.

²⁾ Lukaszewicz, Dzieje kość. wyz. Helweckiego, т. I, стр. 45.

³⁾ Niesiecki, т. III, стр. 833.

жающую шляхту много способствовалъ исполненію плановъ Скарги. Послѣднему онъ былъ такъ благодаренъ, что въ шутку часто говорилъ друзьямъ своимъ: „пусть меня называютъ не Радзивиллъ, а Radzywil“!

Второй Радзивиллъ—Юрій (Jérzy), возвратившись въ католицизмъ и принявъ духовный санъ, ѣздилъ въ Римъ съ намѣреніемъ поступить въ орденъ іезуитовъ,—но генералъ Аквавива отклонилъ его просьбу въ той надеждѣ, что княжескій титулъ больше принесетъ пользы въ бѣломъ духовенствѣ, чѣмъ въ іезуитствѣ. По смерти Протасевича, Юрій занялъ его епископскую кафедру и въ этомъ санѣ, какъ и предсказывалъ Аквавива, игралъ при дворѣ Сигизмунда III-го не малую политическую роль.—Третій братъ Николая—Войцехъ, князь Клецкій и 4-й Станиславъ, староста Жмудскій,—оба они заявили себя рьяными защитниками интересовъ католической церкви,—оба выгнали кальвинистовъ изъ своихъ имѣній и оба, наконецъ, отказали въ пользу іезуитовъ для обезпеченія ихъ коллегій громаднѣйшія земельныя владѣнія.

Обращеніе къ латинству четырехъ братьевъ Радзивилловъ имѣло особенную важность уже потому, что они принадлежали къ знаменитѣйшему роду Литовскихъ вельможъ. Примѣръ ихъ имѣлъ громадное значеніе для другихъ менѣе знатныхъ лицъ и мы видимъ, что тогда же, въ 1575 году, многіе разновѣрцы и даже одинъ пасторъ, бывшій въ духовномъ санѣ болѣе 12 лѣтъ, обратились къ Римской вѣрѣ ¹⁾).

Какъ относились къ Скаргѣ вожаки протестантскаго движенія и какъ смотрѣли на его полемическія рѣчи, можно судить на основаніи слѣдующаго факта. Одинъ изъ молодыхъ кальвинистовъ, по фамилии Слѣповронскій, пылая ненавистью къ Скаргѣ за его полемическія рѣчи, искалъ удобнаго случая, чтобы выместить на немъ свою злобу. Ожидать Слѣповронскому пришлось не долго. Однажды, въ вечернюю пору Скарга безъ провожатыхъ возвращался въ коллегіумъ изъ какой-то требы. Слѣповронскій, замѣтивъ его, примчался на своемъ конѣ и, прижавъ его къ стѣнѣ, грозно размахивалъ надъ его головой своей саблей, угрожая ему смертію, если только онъ не прекратитъ своихъ рѣчей о кальвинистахъ. Эта исторія надѣлала много шума; весь городъ на другой день зналъ объ оскорбленіи Скарги. Сторону послѣдняго приняли не только католики, но и самые ярые протестанты, настойчиво требуя суда надъ обидчикомъ Скарги. Судъ былъ самый строгій: Слѣповронскаго

¹⁾ Макарій. Ист. рус. цер., т. IX-й, стр. 63.

присудили или къ повѣшенію или къ отсѣченію той руки, которая касалась головы Скарги. Но, къ удивленію всѣхъ, приговоръ суда былъ отмѣненъ: Скарга явился самъ въ судъ и, взявъ подъ свою опеку Слѣповронскаго, просилъ простить ему его преступленіе, сдѣланное очевидно въ состояніи полнаго опьяненія... Естественнo, что такое благородство Скарги повліяло на протестантовъ лучше всякаго краснорѣчиваго слова ¹⁾).

Такъ постепенно слагался тотъ ореолъ славы, которымъ окружали имя Скарги.

Прошелъ краткій періодъ междуцарствія послѣ смерти Сигизмунда; на престолъ избирается Седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. Представители кальвинизма и другіе разновѣрцы были твердо убѣждены, что въ царствованіе Стефана Баторія едва-ли кто останется въ католической вѣрѣ. Но вышло на оборотъ: Баторій сталъ рѣшительно на сторону католицизма. Онъ сразу окружилъ себя двумя выдающимися личностями: канцлеромъ Замойскимъ и придворнымъ проповѣдникомъ Соколовскимъ. Оба они были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со Скаргой и планы послѣдняго скоро отразились на всей политикѣ короля. Прежде всего Баторій, какъ видно изъ письма Скарги „do nuncyusza Caligari“, старается всѣми силами поднять престижъ католической церкви и усилить ея вліяніе на отщепенцевъ ²⁾). Для этого Баторій, при помощи капитуловъ и не безъ участія Скарги, избираетъ на епископскія и священническія мѣста самыхъ выдающихся въ то время лицъ по уму, энергіи и образованію. Нужно замѣтить, что Янъ Замойскій, закончившій свое образованіе въ Страсбургѣ и Парижѣ и относившійся вначалѣ къ дѣламъ церкви совершенно индифферентно, теперь, подъ впечатленіемъ проповѣдей Скарги, употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы повліять на короля въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для католической церкви. И мы видимъ, что Баторій, находясь подъ вліяніемъ своего временщика, сильно покровительствуетъ какъ духовенству, такъ и костеламъ. Такъ, въ 1578 году, при учрежденіи *pajwyższych trybunałów* (въ Петроковѣ, Люблинѣ, Гродно и въ Вильнѣ), когда разновѣрцы самымъ рѣшительнымъ образомъ уговорились изгнать изъ этихъ судовъ представителей отъ духовенства,—Замойскій повліялъ на разрѣшеніе этого вопроса въ томъ смыслѣ, что въ каждый трибуналъ было назначено не менѣе шести

¹⁾ Рыхцицкій, I, 210—212 + Wielewicki, III, 84.

²⁾ List X. P. Skargi do Nuncyusza Papieskiego Biskupa Caligari. (Приложеніе къ сеймовымъ рѣчамъ Скарги).

духовныхъ особъ. Мало этого: Замойскій, подъ вліяніемъ Скарги, заставилъ Баторія издать эдиктъ, въ силу котораго всѣ имѣнія, отнятыя у костеловъ, а равно и подати, вытребованныя раньше отъ членовъ іезуитскихъ братствъ, приказано было немедленно возвращать и недостающее пополнить на счетъ казны ¹⁾. Дѣла іезуитовъ приняли теперь самое цвѣтущее положеніе и они, по мысли Скарги, рѣшили послать королю чрезъ Замойскаго письменное изъясненіе своей благодарности и вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ свою очередь и Баторій не остался въ долгу у іезуитовъ. Обрадованный успѣшнымъ усмиреніемъ Данцигскаго бунта, онъ шлетъ іезуитамъ самый лестный отвѣтъ, въ которомъ призываетъ ихъ къ содѣйствію гражданскимъ властямъ и осыпаетъ ихъ коллегіи цѣлымъ рядомъ новыхъ милостей и привилегій ²⁾. Чтобы понять, какова была та атмосфера, гдѣ царило вліяніе Скарги, можно судить по настроенію Замойскаго, который часто говорилъ разновѣрцамъ: „я отдалъ бы половину своей жизни и здоровья, чтобы только видѣть васъ истинными сынами католической церкви; я говорю—половину для того, чтобы въ теченіи другой половины можно было наслаждаться жизнію вмѣстѣ съ вами“ ³⁾. Все это были лишь начатки той полемической дѣятельности, которая покорила Скаргѣ умы всей читающей шляхты. Теперь только и начинаются его литературные труды, имѣвшіе чрезвычайное значеніе въ дѣлѣ подавленія реформаціоннаго движенія.

Ревнуя о возвращеніи видныхъ кальвинистовъ въ лоно католической церкви, Скарга не могъ не обратить вниманія на знаменитаго Волана, проживавшаго въ Вильнѣ при дворѣ Николая Чернаго и имѣвшаго сильное вліяніе на мѣстный протестантскій кружокъ. Скарга задался цѣлью обратить его въ католицизмъ и для этого нѣсколько разъ посылалъ къ Волану съ заявленіемъ своего желанія поговорить съ нимъ наединѣ о вѣрѣ,—но Воланъ упорно отклонилъ всѣ предлженія Скарги. Тогда послѣдній рѣшилъ послать ему письменное „изложеніе ученія стараго kościel o таинствахъ Евхаристіи“ на основаніи мнѣній блаж. Августина, творенія котораго Воланъ почиталъ преимущественно предъ другими отцами церкви. Воланъ понялъ намѣреніе Скарги; онъ далъ ему письменный отвѣтъ, но послалъ его Скаргѣ не непосредственно, а чрезъ епископа Валеріана. Тѣмъ не менѣе Скарга обрадовался вынуж-

¹⁾ Rychcicki, I, стр. 229 и Rostowski, стр. 58.

²⁾ Отвѣтъ Баторія къ іезуитамъ приведенъ у Рыхцицкаго: т. I, стр. 230.

³⁾ Niesiecki, т. IV, стр. 670 и Rychcicki, I, стр. 226.

денному отвѣту Волана; теперь у него было подъ руками самое лучшее еретическое сочиненіе и онъ имѣлъ полное основаніе начать литературно-полемиическій походъ противъ кальвинизма, лютеранизма и прочихъ еретическихъ ученій. И мы видимъ, что Скарга не замедлилъ дать свою „Odpowiedź“ Волану ¹⁾. Это было первое литературное произведеніе, въ которомъ Скарга открыто осудилъ кальвинизмъ и высказалъ свои взгляды на современныя задачи дѣятелей католической церкви. Для насъ важна „przedmowa“ этого сочиненія, обращенная къ Протасевичу и Радзивиллу, гдѣ Скарга доказываетъ, „что протестантское ученіе, колеблемое вѣтромъ сомнѣній, разрушая вѣру, ничего не даетъ людямъ взаимнѣ ея“. Мы видимъ, говорить Скарга, что „кальвинизмъ, выродившійся изъ лютеранства и занявшій его мѣсто, теперь самъ сходитъ со сцены, уступая мѣсто то арианству; то новокрещенцамъ..., таковъ конечный плодъ этого злого ученія (nasienia)“! Восхваляя, далѣе, дѣятельность Протасевича и іезуитовъ, заботящихся о благѣ Польской короны, Скарга дискритируетъ авторитетъ самаго Кальвина, какъ низкопробнаго подражателя древнѣйшимъ греческимъ ересіархамъ. „ученіе Кальвина не ново; оно принадлежитъ не ему, а нѣкому Беренгаріушу, ересь котораго осуждена еще въ XI вѣкѣ и давно всѣми забыта“... Мы охотно вѣримъ біографу Скарги, что эта odpowiedź Волану имѣла сильное вліяніе на возвращеніе многихъ кальвинистовъ въ лоно католической церкви. Изящная рѣчь odpowiedzi и научная постановка въ ней доказательствъ, приводимыхъ въ пользу ученія католической церкви несомнѣнно давали Скаргѣ значительный перевѣсъ надъ противникомъ его, Воланомъ.

Между тѣмъ расположеніе Баторія къ іезуитамъ постепенно возрастало. Скарга пользуется этимъ обстоятельствомъ и выпрашиваетъ у короля въ пользу ордена іезуитовъ массу новыхъ привилегій, какія казались ему необходимыми для дальнѣйшей оппозиціи нововѣрію. Протестанты хорошо понимали, какая опасность угрожаетъ имъ со стороны іезуитовъ. Они сознавали, что у нихъ нѣтъ такихъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, каковымъ былъ Скарга, очаровывавшій своимъ словомъ толпу. Имъ пришлось теперь пожалѣть, что у нихъ нѣтъ, какъ у іезуитовъ, ни пышнаго богослуженія ни того конфессіонала, который служилъ для іезуитовъ главнымъ средствомъ воздѣйствія на народную совѣсть. Чувствуя свое

¹⁾ „O najświętszem sakramencie oltarza przeciw herezyi Zwinglianiej. Do Iędrzeja Wolana, przytomność p. n. Iezusa Chrystusa w tymże sakramencie zaprzeczającego, Piotra Skargi towarzystwa jesusowego, ksiąg trzy. R. P. 1576“.

безсиліе въ борьбѣ со Скаргой, они сплотились вокругъ своего покровителя Николая Радзивилла-Рыжаго и рѣшили какъ можно скорѣе открыть свои училища и устроить новые величественные храмы. Но и здѣсь протестанты терпятъ отъ руки Скарги самое безпощадное пораженіе. Бискупъ Протасевичъ, по совѣту Скарги, доноситъ королю о такихъ намѣреніяхъ Виленскихъ протестантовъ и Баторій немедленно даетъ Радзивиллу-Рыжому слѣдующій строгій приказъ: „объявить для всеобщаго свѣдѣнія, чтобы никто, какого бы онъ ни былъ достоинства и чина, не строилъ... новаго храма, дома или двора для открытія школъ и собраній въ городѣ Вильнѣ, а въ построенныхъ домахъ не заводилъ школъ или какихъ либо необычныхъ собраній, подъ штрафомъ утраты этихъ домовъ и уплаты въ казну десяти тысячъ копъ грошей“¹⁾. Протестанты были чрезвычайно поражены такимъ приказомъ короля, — тѣмъ болѣе, что самъ Радзивиллъ за нѣсколько дней передъ этимъ продалъ имъ громаднѣйшій палацъ въ Вильнѣ для сооруженія на немъ збора на вѣчныя времена. Но планы Скарги на этомъ не остановились. Онъ задался теперь цѣлію обратить свою Виленскую коллегію въ такой разсадникъ просвѣщенія, который могъ бы конкурировать съ Краковской академіей и съ заграничными университетами и который привлекъ бы въ свои стѣны лучшее юношество изъ сосѣднихъ провинцій, зараженныхъ кальвинизмомъ и схизмой. Замѣчательно, что и здѣсь ходатаемъ за осуществленіе подобной идеи является не самъ Скарга, а тотъ же бискупъ Протасевичъ вмѣстѣ съ маршалкомъ Ходкевичемъ и своимъ *koadjutorem* Юріемъ Радзивилломъ²⁾. Они являются къ королю и упрашиваютъ его дать Виленской коллегіи дипломъ на званіе академіи съ правомъ производить бакалавровъ, магистровъ и докторовъ свободныхъ наукъ. Вожди кальвинизма, сильно встревожились, когда услышали о такомъ домогательствѣ Скарги. Не зная, чѣмъ помочь своему горю, они выставили королю тотъ аргументъ, что возвышеніе Виленской коллегіи равносильно поруганію чести Краковской академіи, считавшейся до сихъ поръ первой школой въ государствѣ. Но попытки протестантовъ—повредить Скаргѣ были напрасны. Вопросъ о преобразованіи Виленской коллегіи былъ поставленъ Скаргой на строго практическую почву. Было доказано королю, что одной Краковской академіи недостаточно для Польши, что путешествіе за границу для окончательнаго образованія далеко не по средствамъ Литовской

¹⁾ Макарій. Ист. цер., т. IX, стр. 366.

²⁾ Bieliński, Uniwersytet Wileński, т. I, стр. 32.

шляхтѣ, что въ заграничныхъ университетахъ молодежь проникается вольномысліемъ и заражается духомъ неуваженія къ высшей власти и что поэтому преобразование Виленской коллегіи является положительною необходимостью въ странѣ ¹⁾. Король рѣшительно склонился на сторону іезуитовъ и выдалъ Скаргѣ соотвѣтствующій дипломъ.

Въ слѣдующемъ году Баторіи засвидѣтельствовалъ свое уваженіе къ дѣлу іезуитовъ особой грамотой въ слѣдующихъ словахъ: „мы по опыту узнали, что учителя іезуитской коллегіи очень ревностны, старательны и религіозны“ ²⁾. Его расположенность къ новой академіи была доказана уже тѣмъ, что онъ утвердилъ за нею богатѣйшіе фундуши, назначенные Протасевичемъ въ пользу каѳедры богословскихъ наукъ. Вскорѣ и папа санкціонировалъ всѣ права Виленской академіи, назначивъ первымъ ея ректоромъ Петра Скаргу ³⁾. Послѣдній не замедлилъ дать самую лучшую организацію начатому дѣлу: онъ вызываетъ изъ за границы популярныхъ профессоровъ и сразу открываетъ всѣ факультеты. Скарга зналъ нужды и запросы своего края; онъ видѣлъ, что въ Литвѣ сильно чувствуется потребность въ высшемъ образованіи; онъ твердо былъ увѣренъ, что общество придетъ къ нему на помощь и онъ не ошибся. Достаточно указать на списокъ болѣе выдающихся фундушевыхъ записей, поступившихъ въ пользу Виленской академіи при жизни Скарги, чтобы понять тѣ симпатіи, какими пользовался онъ у шляхты, магнатовъ и духовенства. Такъ, въ 1581 году Станиславъ Радзивиллъ подарилъ академіи свой роскошный дворецъ „Лукишки“ со всѣми землями и лѣсами, находившимися возлѣ Вильны. Кардиналъ Юрій Радзивиллъ записалъ въ даръ той же академіи великолѣпное помѣстье „Змуйки“ и нѣсколько фольварковъ съ мѣстечкомъ „Rozelwā“. Левъ Сапѣга отписалъ въ распоряженіе академіи съ правомъ патронатства два плебанства—„Погостье“ и „Иказни“. Юрій Тишкевичъ—громаднѣйшее помѣстье со всѣми „dobrami“ ⁴⁾. Виленская академія быстро наполнялась студентами, пріѣзжавшими изъ самыхъ далекихъ провинцій. Черезъ годъ число учащихся въ ней возросло до семисотъ! Такъ осуществились мечты Скарги и Баторія—образовать и воспитать молодое поколѣніе въ духѣ порядка и закона.

¹⁾ „Духъ Христіанства“ за 1863 г., сентябрь, стр. 111 + Bieliński, Uniwersytet Wileński, I, 32.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1871 г., кн. № 9, стр. 5.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Bieliński. Uniwersytet Wileński, т. I, стр. 276.

Нѣтъ сомнѣнія, что учебно-воспитательная сторона дѣла была поставлена Скаргой на строго католическихъ началахъ. Духъ нетерпимости по отношенію къ разновѣрцамъ былъ основной чертой академическаго режима: все несоотвѣтствующее понятіямъ ультрамонтанства изгонялось профессорами съ чрезвычайнымъ умѣньемъ и тактомъ. До насъ дошелъ одинъ литературный памятникъ временъ Скарги, ясно свидѣтельствующій о томъ, что свобода совѣсти учащихся положительно исключалась изъ воспитательной программы іезуитовъ.—Княгиня Чарторыжская увѣдомляла Курбскаго, что „сынъ ея въ страхѣ Божиємъ и правовѣріи отеческомъ утверждень, что овъ имѣетъ охоту къ священному писанію“ и что она думаетъ послать его для дальнѣйшаго образованія въ Вильну къ отцамъ іезуитамъ. Курбскій отвѣтилъ ей такъ: „намѣреніе твое похвально,—но не хочу утаить отъ тебя, что многіе родители, какъ княжескихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ горожанъ отдали было туда своихъ дѣтей для обученія свободнымъ наукамъ,—но іезуиты, еще не науча ихъ ничему, едва не всѣхъ, въ ихъ неразумномъ возрастѣ, своими хитрыми внушеніями отлучили отъ правовѣрія и перекрестили въ свое полувѣріе,—напримѣръ, сыновей князя Крошинскаго и другихъ. Поэтому многіе отцы отобрали отъ нихъ своихъ дѣтей,—ибо они (іезуиты) ненавистники и великіе противники нашему правовѣрію и называютъ четырехъ патріарховъ восточной церкви схизматиками, т. е., раскольниками“¹⁾... Несомнѣнно, что сѣмена іезуитскихъ тенденцій, посѣянные въ юнныхъ слушателяхъ профессорами академіи, вполне отвѣчали задачамъ той педагогической дѣятельности, какая была указана Скаргой. Такъ вѣрно были рассчитаны послѣднимъ всѣ средства для расширенія намѣченныхъ цѣлей!

Между тѣмъ Баторій, познакомившись ближе съ Скаргой, самъ открываетъ еще двѣ коллегіи и отдаетъ ихъ въ вѣдѣніе іезуитовъ: одну въ своей Седмиградской отчизнѣ, въ Колошварѣ, а другую—въ Бѣлгородѣ. Въ школы эти, въ качествѣ администраторовъ, вызваны были выдающіеся іезуиты во главѣ съ ихъ польскимъ провинціаломъ. Его мѣсто заступилъ теперь Скарга, какъ вицепровинціаль всѣхъ польскихъ іезуитовъ²⁾. Съ этого времени онъ вступаетъ въ самыя близкія отношенія къ Баторію и его двору; подчинивъ своему вліянію короля, онъ дѣлаетъ его работъ своихъ политическихъ идей. Разновѣрцы, видя себя окруженными со всѣхъ

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2-е, стр. 277.

²⁾ Рыхцицкій, т. I, стр. 293.

сторонъ іезуитскими сѣтями, рѣшили употребить въ дѣло для защиты интересовъ своей вѣры не только печатное слово, но и личное вліяніе на короля. Инициаторомъ новыхъ плановъ выступаетъ тотъ же Волянъ. Рѣшивъ еще разъ вступитъ въ полемическую борьбу со Скаргой, онъ издаетъ въ 1579 году на польскомъ языкѣ новое свое сочиненіе „Obrona wieczery Pańskiej przeciw Skardze Iezuicie. W Losku, 1579“. Взявши далѣе всѣ средства, какими только можно было расположить въ свою сторону короля, Волянъ рѣшилъ идти по стопамъ Скарги: онъ пишетъ королю адресъ отъ имени протестантовъ съ заявленіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ и кромѣ того посвящаетъ ему хвалебное предисловіе своей „Obrony“. Когда все это было готово, Волянъ избираетъ блестящее посольство изъ богатѣйшихъ магнатовъ и лично является съ ними къ королю. Кальвинисты напередъ ликовали и предсказывали своему посольству самый лучший успѣхъ. Но могъ ли Скарга дремать въ такую критическую минуту? На его счастье, въ это самое время, пріѣхалъ въ Польшу папскій кардиналъ, іезуитъ Антонъ Посевинъ. Скарга сообщаетъ ему о намѣреніяхъ кальвинистовъ и Посевинъ, не теряя ни одного дня, вручаетъ королю особую записку „O fałszach Wolana“. Дружныя дѣйствія двухъ іезуитовъ нанесли кальвинистамъ весьма чувствительный ударъ: Баторій издалъ строжайшій приказъ—собрать и истребить всѣ сочиненія Волана. Такъ окончилась борьба двухъ далеко не равныхъ партій!

Но всѣ эти мелкія побѣды не удовлетворяли Скаргу; онъ видѣлъ живучесть протестантскихъ идей,—онъ сознавалъ всю недостаточность тѣхъ мѣръ, какія были приняты католическою церковью по отношенію къ отщепенцамъ. И Скарга рѣшилъ создать нѣчто такое, что сразу обезпечило бы поворотъ протестантовъ въ сторону латинянъ и укрѣпило бы послѣднихъ въ непоколебимой вѣрности Римскому престолу.—Извѣстно, что кругъ религиозныхъ міровоззрѣній всѣхъ христіанскихъ исповѣданій зиждется на Евангельскихъ примѣрахъ и находитъ свое оправданіе въ житіяхъ святыхъ. Послѣдніе, оставляя по себѣ въ сознаніи вѣрующихъ то или иное впечатлѣніе, служатъ какъ бы импульсомъ ихъ религиозныхъ убѣжденій. Польская церковь до описываемой нами эпохи не имѣла на народномъ языкѣ вполне національнаго изданія житій святыхъ. Это былъ осязательный пробѣлъ въ религиозной жизни поляковъ, міровоззрѣніе которыхъ носило на себѣ нѣсколько отвлеченный характеръ.

Скарга понялъ этотъ недочетъ и онъ исправилъ его своимъ огромнѣйшимъ трудомъ, предметомъ котораго были „Житія свя-

тых“ на польскомъ языкѣ¹⁾. Мы вполне соглашаемся съ Рыхцицкимъ, что этотъ трудъ Скарги заслуживаетъ столько же удивленія, сколько и похвалы. Обязанности Скарги были чрезвычайно многосложны: онъ былъ ректоромъ академіи, проповѣдникомъ кафедральнаго собора, провинціаломъ іезуитовъ и, наконецъ, руководителемъ латинской пропаганды. Всѣ эти должности требовали отъ него постоянного напряженія умственныхъ силъ,—и при всемъ этомъ нашелъ время написать два громаднѣйшихъ тома житій святыхъ. Что житія святыхъ имѣли громаднѣйшее значеніе въ проявленіи религіозной жизни польскаго народа, это доказывается тѣмъ фактомъ, что до 1843 года онѣ выдержали 19 изданій. Въ предисловіи, посвященномъ королевѣ Аннѣ, Скарга открываетъ какъ причину, такъ и цѣль своего труда: „поляки, говоритъ онъ, оставили глубокую преданность своей вѣрѣ; они забыли требованія ея и добрые примѣры своихъ благочестивыхъ предковъ... Я хочу возстановить въ памяти поляковъ забытое всѣми дѣло... и потому принимаю на себя трудъ составленія житій святыхъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего божественнаго на польскомъ языкѣ“... И дѣйствительно, житія святыхъ представляютъ собою образецъ чистой польской рѣчи въ самыхъ художественныхъ образахъ, какіе только возможны были для польскаго языка. Начиная съ сельскихъ пѣсенъ, колядокъ, повѣстей и легендъ и доходя до высшихъ моральныхъ типовъ, Скарга, какъ глубокий психологъ, раскрываетъ передъ нами всѣ тайники человѣческой души. Языкъ и слогъ житій, благодаря неподдѣльнымъ чувствамъ, какія руководили авторомъ, производятъ на читателя самое глубокое впечатлѣніе. Мицкевичъ называетъ житія святыхъ самымъ поэтическимъ трудомъ (*najpoetyczniejszém*) трудомъ изъ всего того, что написано до сихъ поръ на польскомъ языкѣ... Если гдѣ работа Скарги носитъ на себѣ слѣды золотыхъ дней польской литературы, если она гдѣ-либо имѣетъ ту характерную черту, по которой всякій литераторъ узнаетъ извѣстную эпоху, то это мы найдемъ прежде всего въ „*Żywotach Świątych*“²⁾. Не менѣе интересную оцѣнку

¹⁾ Дословное оглавленіе этого труда таково. „*Żywoty świętych starego i nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok, wybrane z poważnych pisarzów i doktorów kościelnych, których imiona wyższej są położone. Do których przydane są niektóre duchowne obrok i nauki przeciw kacerstwom dzisiejszym tam, gdzie się żywot którego doktora starożytnego położył. Ktemu kazania krótkie na ty święta, które dzień w miesiącu mają, przez księdza Piotra Skargę, societatis Iezu przebrane, uczynione i w język polski przelożone. W Wilnie. Roku Pań. 1579*“.

²⁾ Мицкевичъ. „*Kurs literatury słowianskiej*“ за 1845 г., кн. 9.

„Житій“ Скарги находимъ у другого польскаго писателя и ученаго Тарновскаго. „Одинъ, не одинъ, а тысячи скажутъ, что это одна изъ наилучшихъ книгъ въ свѣтѣ... Здѣсь нѣтъ ничего субъективнаго и индивидуальнаго,—здѣсь ни человекъ, ни время не наложили своей печати... Все здѣсь объективно, все натурально... Никакихъ литературныхъ украшеній... У Скарги нѣтъ желанія окружить святого поэтическимъ ореоломъ или представить какое-либо чудо въ болѣе эффектномъ свѣтѣ или, наконецъ, описать жизнь мученика въ художественныхъ и драматическихъ образахъ... Здѣсь словъ столько, сколько ихъ нужно и то—самыя простыя... Въ такомъ духѣ писали лишь одни евангелисты... Когда Скарга писалъ свои „Żywoty Świętych“, то онъ дѣлалъ это во-первыхъ, во славу Божию и тѣхъ святыхъ, о которыхъ онъ писалъ и во-вторыхъ, потому, что польская литература не имѣла ничего подобнаго и сильно нуждалась въ такомъ трудѣ¹⁾. Не удивительно поэтому, что житія святыхъ послужили для іезуитовъ великой опорой въ дѣлѣ пропаганды среди разномысленцевъ латинскихъ убѣжденій и горячей привязанности къ костелу.

Но полное торжество политическихъ надеждъ и плановъ Скарги по отношенію къ разномысленцамъ начинается лишь съ августа 1579 года. Въ эту пору Баторій, въ силу даннаго имъ обязательства избирательному сейму, долженъ былъ начать Ливонскую войну. Трудно было ему исполнить свое слово: у него не было ни денегъ, ни регулярныхъ войскъ. Скарга понялъ положеніе Баторія и пришелъ къ нему на помощь. Мы уже говорили выше, что Литовскіе магнаты Радзивиллы, благодаря проповѣдническимъ трудамъ Скарги, отреклись отъ своихъ кальвинскихъ заблужденій и сдѣлались горячими поборниками іезуитскихъ интересовъ. Скарга является къ Радзивилламъ и склоняетъ ихъ, а черезъ нихъ и другихъ польскихъ магнатовъ присоединиться къ Баторію со своими войсками. Миссія Скарги принесла желанные результаты: литовскіе магнаты пришли на помощь своему королю,—тѣмъ болѣе, что всѣ они, какъ неопиты въ латинствѣ, радовались случаю начать богатую пропаганду католицизма среди нѣмцевъ и латышей. Но Скарга не остановился на этой помощи королю. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что всякая услуга, оказанная іезуитами королю въ походное время, не пройдетъ безслѣдно для интересовъ католической церкви. И мы видимъ, что походъ Баторія въ Ливонію и Бѣлоруссію противъ московскихъ войскъ не обходится безъ участія іезуитовъ; они вездѣ

¹⁾ St. Tarnowski. „Historia Literatury Polskiej“, т. I, стр. 332—336.

сопутствуютъ польскимъ войскамъ. Чтобы имѣть при особѣ короля постоянное довѣренное лицо, Скарга вызываетъ изъ Южной Россіи ревностнаго пропагатора латинскихъ идей іезуита Латерну и поручаетъ ему въ лагерь польскихъ войскъ миссію „oboznego karłana“. Мало этого. Когда Баторій, осадивъ Полоцкъ, находился въ затруднительномъ положеніи, то здѣсь мы видимъ уже и самого Скаргу. Рыхцицкій говоритъ, что онъ посѣтилъ лагерь Баторія совершенно случайно, проѣздомъ изъ Вильны. Но подобное объясненіе является болѣе, чѣмъ наивнымъ. Скарга долженъ былъ посѣтить лагерь польскихъ войскъ; ему нужно было доказать свою расположенность къ королю и самый живой интересъ къ политическимъ судьбамъ своей страны. И онъ является подъ Полоцкомъ весьма кстати. Осада этой русской твердыни, по причинѣ проливныхъ дождей, длилась очень долго; харчевые запасы войскъ были на исходѣ. Баторій потерялъ уже всякую надежду взять городъ, войска упали духомъ, не взирая на присутствіе среди нихъ іезуитскихъ „karłanów“. Могло ли все это не входить въ политическіе расчеты Скарги? Чтобы утѣшить Баторія и ободрить войска, Скарга оставляетъ свою Виленскую академію и спѣшитъ подъ Полоцкъ. Съ его пріѣздомъ начались въ лагерь моленія и обѣты. 28-го августа Скарга сидѣлъ въ гостяхъ у Баторія въ его лагерной избѣ. Вдругъ пуля, пущенная изъ Полоцкаго замка, пробивъ стѣну, падаетъ прямо въ миску, стоявшую предъ ними на столѣ. Суевѣрный король спрашиваетъ Скаргу: „что означаетъ этотъ случай“? Скарга, быстро оправившись отъ страха и, поднявъ глаза къ небу, отвѣтилъ ему: „завтра утромъ москвичи попросятъ насъ къ себѣ на ужинъ“ ¹⁾. Баторій, обрадованный такимъ предсказаніемъ, далъ передъ Скаргой обѣтъ, что онъ устроить въ Полоцкѣ такую коллегію, какой не было еще нигдѣ. Скарга немедленно уѣхалъ въ Вильну, а на другой день войска, ободренныя іезуитами надеждой на побѣду, храбро подступили къ городскимъ стѣнамъ и взяли приступомъ Полоцкую крѣпость. Радостямъ Баторія не было конца и онъ пишетъ Скаргѣ слѣдующее письмо: ...„зачѣмъ вамъ ѣздить въ Индію и Японію обращать (pawgasać) людей къ Богу, когда есть поближе земля Русская, именно городъ Полоцкъ, гдѣ народъ крайне невѣжественъ въ дѣлахъ вѣры“ ²⁾... Отрывокъ этого письма и описанный выше фактъ въ лагерной избѣ короля ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что Баторій прекрасно усвоилъ политическіе взгляды

¹⁾ Rychcicki, т. I, стр. 335.

²⁾ Rychcicki, I, стр. 335 и Rostowski, стр. 85—91.

Скарги на Русскую землю и его миссіонерскія идеи. Теперь король всецѣло предается на сторону іезуитовъ. Онъ даетъ Скаргѣ дипломъ на открытіе коллегіи въ Полоцкѣ и напередъ отчуждаетъ въ пользу ея все недвижимое имущество, принадлежавшее Спасовской православной церкви ¹⁾. Іезуиты, вызванные Скаргой, не замедлили воспользоваться призывомъ короля; они заняли не только опустошенную Спасовскую церковь, но и нѣсколько другихъ церквей съ ихъ имуществомъ, по собственному произволу. Слѣдуетъ замѣтить, что Баторій, оставаясь нѣкоторое время въ покоренномъ Полоцкѣ, каждый день посѣщалъ постройку коллегіи, высказывая самую нѣжную заботливость объ ея удобствахъ ²⁾. По возвращеніи своемъ въ Вильну, король выдаетъ Скаргѣ новую грамоту, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ. Въ прежнихъ грамотахъ, данныхъ на имя Виленской академіи, Баторій считалъ долгомъ короля заботиться о томъ, чтобы въ его царствѣ господствовала правда, умѣренность, благоразуміе и безопасность. Теперь же, въ новой грамотѣ, онъ указываетъ для себя и новыя обязанности короля: ...„я долженъ заботиться о спасеніи своихъ подданныхъ, каковое (спасеніе) возможно лишь въ латинствѣ, по ученію іезуитовъ“. Далѣе Баторій высказываетъ убѣжденіе, что латинство, распространяемое въ странахъ, зараженныхъ ересями, прогнать мракъ невѣжества, распространить страхъ Божій, образованіе ума, чистоту нравовъ и такимъ образомъ соединить всѣхъ не только въ одно царство, но и въ одну паству. „Мы твердо убѣдились, что латинскій обрядъ есть утвержденіе противъ всѣхъ опасностей, а монахи, особенно іезуиты, это стѣна неодолимая въ этихъ странахъ“ ³⁾. И вотъ этой-то стѣнѣ латинской цивилизаціи, для ея поддержки, вопреки всякой даже варварской справедливости, Баторій отдаетъ всѣ Полоцкіе православные монастыри и церкви, оставивъ изъ милости для людей греческаго закона одну лишь Софіевскую церковь! При этомъ іезуитамъ дано было въ полное владѣніе и шестнадцать тысячъ православныхъ крестьянъ ⁴⁾. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что грамота короля отъ 20 января 1585 года была редактирована Скаргой: въ ней высказаны всѣ тѣ же идеи, которыми онъ былъ проникнутъ и которыя во всей ихъ полнотѣ не могли такъ скоро привиться королю. Замѣчательнѣе всего то мѣсто, гдѣ рѣшается вопросъ: для чего от-

¹⁾ Rychcicki, стр. 336.

²⁾ Rostowski, стр. 93—99.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Пр. за 1871 г. Септ., стр. 9.

⁴⁾ Макарій. Ист. Рус. Цер., т. IX, стр. 405.

даются іезуитамъ всѣ Полоцкія церкви и монастыри. „Это дѣлается для того, чтобы іезуиты основали семинарію, чтобы распространили въ схизматическихъ странахъ католическую вѣру, чтобы устроили латинскіе приходы, а слѣдовательно, чтобы искореняли всѣ еретическія ученія, не согласныя съ духомъ католической церкви“... Кто можетъ отрицать здѣсь вліяніе Скарги, съ которымъ такъ дружелюбно былъ Баторій?

Естественно, что православные жители Полоцка отнеслись къ іезуитамъ весьма враждебно. Школа, открытая іезуитами, имѣла на первыхъ порахъ всего лишь 5 учениковъ ¹⁾. Впрочемъ, энергія педагоговъ нисколько отъ этого не пострадала. Черезъ 2 года та же школа сдѣлалась довольно многолюдной и въ числѣ ея учениковъ мы видимъ даже дѣтей мѣстнаго православнаго владки Теофана Рыпинскаго ²⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что и здѣсь дѣйствуетъ рука Скарги: со дня открытія коллегіи, онъ исполнялъ обязанности перваго ея ректора до 1583 года, не покидая въ то же время и Виленской академіи. Такимъ образомъ Полоцкія школы были для Скарги, по выраженію Рыхцицкаго, какъ бы колоніей, куда онъ наѣзжалъ для руководства остававшимися здѣсь іезуитами ³⁾. Послѣдніе не дремали. Они объѣзжали окрестныя села, города и мѣстечки и вездѣ исполняли обязанности миссіонеровъ.

Но пропаганда іезуитовъ подъ предводительствомъ Скарги не ограничивалась предѣлами Полоцка и Вильны. Въ мартѣ 1582 года побѣжденная Рига встрѣчаетъ Баторія, сопровождаемаго Петромъ Скаргой и Латерной. Нужно помнить, что Латерна, занявшій послѣ Соколовскаго мѣсто придворнаго духовника, дѣлается теперь какъ бы помощникомъ и правой рукой Скарги при дворѣ короля. На другой день по пріѣздѣ въ Ригу, Баторій вызываетъ къ себѣ представителей города и приказываетъ имъ возвратить всѣ костелы, отобранные раньше въ пользу разновѣрцевъ. Дѣло было представлено мѣщанамъ въ такомъ видѣ, что они сами избрали себѣ въ ходатаи Скаргу. Послѣдній, желая снискать расположеніе гражданъ Риги и показать, что умѣренность всегда была признакомъ истинныхъ Божіихъ слугъ, упросилъ короля отдать лютеранамъ каѳедральный соборъ и другія церкви, оставивъ за іезуитами всего лишь два костела съ принадлежащими къ нимъ службами и домами ⁴⁾.

¹⁾ Rychcicki, I, стр. 340.

²⁾ Макарій, т. IX, стр. 405.

³⁾ Рыхцицкій, т. I, стр. 340.

⁴⁾ Rychcicki, I, стр. 348.

Черезъ два мѣсяца былъ уже открытъ здѣсь „Kolegium“, при чемъ учителями были вызваны іезуиты изъ Брунсберга ¹⁾.—Ревность Скарги къ обращенію лютеранъ въ католицизмъ и къ проповѣданію слова Божія была такъ велика, что разновѣрцы, видя ежедневный переходъ своихъ единомышленниковъ въ латинство, возбудили противъ него рижскую чернь. Последняя осыпала Скаргу камнями, ругалась надъ нимъ и даже разъ оскорбила его въ самомъ костелѣ ²⁾.

При всѣхъ своихъ усиленныхъ трудахъ, Скарга не забывалъ въ то же время и Волана, напечатавшаго въ 1579 году свое сочиненіе (obrona“...), о которомъ мы говорили выше. Скаргу мучило сознаніе, что Воланъ дерзнулъ посвятить этотъ еретическій трудъ королю и что ложные взгляды его „obrony“ могутъ отразиться на религіозномъ міровоззрѣніи читателей этого сочиненія. Вотъ почему, не смотря на массу новыхъ обязанностей, соединенныхъ со званіемъ ректора академіи и двухъ коллегій, Скарга трудится надъ новымъ сочиненіемъ, которое и выпускаетъ въ 1582 году подъ такимъ заглавіемъ: „12 отступленій цвингліано-кальвинистовъ, которыми они отвергаютъ присутствіе тѣла Господа нашего І. Христа въ таинствѣ Евхаристіи и столько же доводовъ, которыми католики подтверждаютъ его“ ³⁾...

Для насъ важно содержаніе предисловія, посвященнаго королю. Здѣсь открывается возможность оцѣнить степень вліянія Скарги на Баторія во всемъ процессѣ противупротестантскаго движенія: онъ даетъ королю какъ бы планъ будущихъ дѣйствій „na dobro i wzrost“ католической религіи. Чтобы возбудить Баторія противъ Волана и всѣхъ разновѣрцевъ, чтобы внушить ему заботу о ревностномъ распространеніи строгой преданности костелу среди всѣхъ гражданъ Польши, Скарга ловко, путемъ силлогическихъ пріемовъ, доказываетъ королю ничтожество религіозныхъ убѣжденій Волана. Онъ вышучиваетъ доводы послѣдняго его же словами. „Воланъ просилъ тебя—дать каждому свободу исповѣдывать вѣру по своему желанію, если сдѣлать это, то сектъ и религіи намножатся столько, сколько явится ученій и взглядовъ. Такая свобода должна быть названа дьявольской, такъ какъ каждый, если захо-

¹⁾ Ibid., 349.

²⁾ Ibid., 351.

³⁾ „Dwanaście wybiegów sakramentarzów czyli Zwingliano-kalwinów, któremi przytomność ciała p. n. Jezusa Chrystusa w najś. sakramencie zaprzeczają, i tyleż dowodów, któremi katolicy onej bronią. Przeciw Jędrzejowi Wolanowi głównemu tej heretyckiej zarazy w Litwie przewodnikowi“...

четь, можетъ погубить себя“... „Волянъ домогается преслѣдованія такихъ сектъ, какъ аріане и новокрещенцы и въ то же время проситъ для кальвинистовъ свободы, какъ будто они не отступники отъ католической церкви!.. Оканчивай же свою заботу о набожности своего королевства и Богъ наградитъ тебя на всякомъ мѣстѣ!.. Пусть заботы о ростѣ религіи будутъ первымъ твоимъ дѣломъ и Богъ благословитъ тебя побѣдами не только надъ Москалями, но и надъ Турками и Татарами!“

Впрочемъ, Волянъ не остался въ долгу у Скарги. Въ слѣдующемъ (1583) году онъ издаетъ въ Вильнѣ довольно саркастическую отповѣдь Скаргѣ, назвавъ ее „опроверженіе пустословія Виленскихъ іезуитовъ и отвѣтъ на новыя ихъ возраженія“¹⁾. Но Скарга уже не хочетъ теперь считаться съ Воляномъ; онъ сознавалъ, что прежнихъ его полемическихъ сочиненій вполне достаточно для охраны вѣры (obronę wiary) отъ протестантскихъ посягательствъ и потому принимается теперь за болѣе важное дѣло. Онъ ѣдетъ къ Баторію и испрашиваетъ у него разрѣшенія на открытіе коллегіи въ Дерптѣ и на отчужденіе въ пользу Полоцкихъ школъ громаднѣйшихъ имѣній, обѣщанныхъ Тишкевичемъ, Смоленскимъ каштеляномъ. Въ этомъ же году началась у Скарги лихорадочная дѣятельность на Жмуди, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими іезуитами сталъ просвѣщать ея старое населеніе свѣтомъ католической вѣры. „Не было, говоритъ Лукашевичъ, ни одного уголка въ Литвѣ, куда бы ни проникли іезуиты съ проповѣдью католицизма,—особенно это нужно сказать относительно Бѣлой Руси, Новогрудска и Жмуди“²⁾...

Тѣмъ временемъ католическая ревность Баторія усиливается; ему кажется, что онъ еще недостаточно потрудился для славы Римскаго престола, что трехъ коллегій, основанныхъ въ Полоцкѣ, Дерптѣ и Ригѣ—слишкомъ мало для достиженія единства вѣры. Теперь онъ находитъ благовременнымъ поручить педагогической дѣятельности іезуитовъ и самую столицу Польши—Краковъ, тѣмъ болѣе, что они уже имѣли здѣсь свой костель на Степановскомъ плацу. 5-го февраля 1583 года Баторій отдаетъ іезуитамъ величественный костель св. Варвары. Для дѣятельности Скарги является теперь новое и обширное поле въ самой столицѣ Рѣчи Посполитой и онъ дѣятельно стремится остаться на высотѣ своего призванія. Какъ и слѣдовало ожидать, его встрѣчаютъ здѣсь съ величайшимъ восторгомъ и окружаютъ его такимъ ореоломъ почета, какой подо-

¹⁾ Balwochwalstwa Loyolitów Wileńskich zbicie: tudzież na nowe ich zarzuty odpowiedź, pierwszy raz na świat wydana p. Jędrzeja Wolana, roku 1583.

²⁾ Łukaszewicz, Dzieje kośc. wyz. Helw., т. I, стр. 53.

баеѣ лишь автору „Żywotów świętych“. Множество знатныхъ фамилій, преданныхъ католицизму, сплотилось и составило собою тотъ кругъ, откуда расходилось по всему Кракову вліяніе Скарги. При такомъ условіи ему не трудно было обновить и прекрасно реставрировать костель св. Варвары. Но и это казалось Скаргѣ не достаточнымъ для полнаго торжества католицизма. Желая склонить къ іезуитамъ симпатіи всѣхъ слоевъ населенія столицы, Скарга употребляетъ все свое вліяніе въ высшихъ кругахъ, чтобы открыть въ Краковѣ Братство Милосердія по образцу того, какое онъ видѣлъ нѣкогда въ Римѣ. Едва только было объявлено объ этомъ среди набожныхъ шляхетскихъ особъ, какъ уже мысли его были осуществлены: къ концу четвертой недѣли со дня открытія братства вписалось въ члены его столько богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, что Скарга вынужденъ былъ немедленно составить особый уставъ братства. Этого мало. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Скарга открываетъ при братствѣ „робоżny“ банкъ, или сокровищницу для бѣдныхъ (komora potrzebnych), цѣль которой была опредѣлена такими словами: „ссуда денегъ бѣднымъ людямъ подъ залогъ ихъ движимости, безъ всякихъ процентовъ, лишь-бы вырвать ихъ изъ тисковъ нищенства и ростовщиковъ“¹⁾. Популярность и нравственный авторитетъ Скарги росли въ Краковѣ непомѣрно. Вокругъ него и его братства стали группироваться всѣ, кто ожидалъ случая благотворить и кто ожидалъ благотворенія. Подъ его вліяніемъ и по его почину была открыта Зебржидовскимъ такъ называемая (skrzynka Św. Mikolaja“. Задачи этого учрежденія были чрезвычайно симпатичны: помогать бѣднымъ дѣвицамъ, выдавать ихъ замужъ и всякими мѣрами охранять отъ нравственной порчи. Не меньшей похвалы заслуживаетъ и уставъ Скарги для этого кружка. Какое общественное значеніе имѣли всѣ эти новшества Скарги, можно судить уже изъ того, что Краковскій банкъ насчитывалъ у себя въ 1600 году наличными деньгами болѣе 24 тысячъ золотыхъ! Идея Скарги принесла въ послѣдствіи богатѣйшій плодъ: „въ 1844 году всѣ операціи этого банка простирались уже до 902,563 złr.“²⁾. Такъ сильно было обаяніе личности Скарги! Такъ авторитетны были для шляхты его проповѣди и полемическія сочиненія, направленные противъ разновѣрцевъ! Неустанная дѣятельность іезуитовъ, шедшихъ по стопамъ своего учителя и провинціала,—самая широ-

¹⁾ „Pożyczanie osobom potrzebnym pieniędzy na zastawy ruchomości, bez żadnej prowizyi, do pewnego czasu, dby biédnych od lakomych lichwiarzów uwolnić a zniszczeniu ich zapobiedz“.

²⁾ Rychcicki, т. I, стр. 386—390.

кая педагогическая дѣятельность, выразившаяся въ открытіи семи новыхъ коллегій, сильно вліявшихъ на соціальныя и политическія убѣжденія цѣлаго края и, наконецъ, ревность Баторія къ интересамъ римской церкви, навѣянная ему Скаргой,—вотъ та почва, на которой созрѣла новая грандіозная эпоха католической реакціи въ Польшѣ.

Здѣсь кроется причина постепеннаго упадка реформаціоннаго движенія. Краснорѣчивыя полемическія сочиненія Скарги, не встрѣтивъ на своемъ пути достойныхъ оппонентовъ, породили въ умахъ разновѣрцевъ массу вѣроисповѣдныхъ сомнѣній и крайнее недовѣріе къ пропагаторамъ протестантскихъ идей; они, наконецъ, усилили и безъ того натянутую вражду между кальвинистами, лютеранами, соцініанами и послѣдователями братьевъ чешскихъ. Сандомірскій съѣздъ реформаторскихъ теологовъ 14 іюня 1585 года былъ послѣдней ихъ попыткой оживить замиравшее разновѣріе: результаты этого съѣзда съ очевидной ясностью для всѣхъ констатировали фактъ внутренняго разложенія всѣхъ протестантскихъ общинъ, ихъ полное противорѣчіе другъ другу и безусловную неспособность къ дальнѣйшей борьбѣ съ католическимъ движеніемъ, сильно охватившимъ всю Польшу. Если прибавить къ этому рѣшительный поворотъ Баторія въ пользу политическаго вліянія іезуитовъ на населеніе великой и малой Польши, если взвѣситъ, наконецъ, упорную дѣятельность семи новыхъ коллегій во главѣ съ Виленской академіей, при содѣйствіи вліятельныхъ магнатовъ, то для насъ станетъ понятной картина массоваго перехода богатыхъ и бѣдныхъ, простыхъ и ученыхъ изъ разныхъ сектъ въ лоно „*Starego kościoła*“. Какъ быстро распространилось среди поляковъ реформаціонное движеніе въ тридцатыхъ у сороковыхъ годахъ, такъ же быстро оно и исчезаетъ теперь подъ напоромъ дружныхъ усилій іезуитовъ, прекрасно руководимыхъ Скаргой, которому не напрасно дали имя Польскаго Златоуста. Много значитъ въ данномъ дѣлѣ примѣръ короля и вліяніе магнатовъ. Антипатія Баторія къ разновѣрцамъ дошла до того, что онъ изгналъ ихъ изъ сената и запретилъ имъ доступъ къ высшимъ военнымъ должностямъ ¹⁾.

Отдавшись всей душой католической церкви, Баторіи дѣлаетъ съ своей стороны все, что только могъ—и что служило въ пользу ся интересовъ. Покровительствуя духовенству, открывая новыя епископскія кафедры, Баторіи въ то же время и самъ не рѣдко уговаривалъ польскихъ и седмиградскихъ магнатовъ возвратиться къ

¹⁾ Rychcicki, т. I, стр. 428.

католической вѣрѣ. Достаточно сказать, что къ концу девяностыхъ годовъ почти всѣ административныя лица Польши (послы, сенаторы, бурмистры, воеводы и маршалки) были усердными сынами католической церкви ¹⁾).

Такъ совершился въ Польшѣ важный государственный переворотъ благодаря вліянію одного человѣка на всѣ слои общества, начиная съ хижины бѣдняка и кончая тронѣмъ короля. Пятнадцатилѣтняя дѣятельность Скарги убила жизнь реформаціоннаго движенія, возродила упавшій католицизмъ и внесла во взаимныя отношенія польскаго народа крайнюю религіозную нетерпимость ко всѣмъ иновѣрцамъ, не исключая и исповѣдниковъ схизмы.

Теперь посмотримъ, какъ развивалась политическая дѣятельность Скарги по отношенію къ православію и населенію западныхъ русскихъ областей и какъ отразилась она на политическихъ судьбахъ Польши.

¹⁾ Lukaszewicz, т. I, стр. 56 и Rychcicki, т. I, стр. 443 (по Цихоцкому).

Папскія притязанія на русскую церковь въ періодъ Московско-Польскихъ столкновений и участіе въ нихъ Скарги.

Въ ноябрѣ 1579 года, по взятіи Полоцка, Баторій распустилъ войска и самъ отправился въ Варшаву. Здѣсь назначенъ былъ сеймъ для рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли продолжать войну съ Москвой и на какія средства. Сеймъ рѣшилъ вопросъ о войнѣ въ утвердительномъ смыслѣ и Баторій снова двинулъ свои войска по направленію къ Пскову. Послѣ цѣлаго ряда мелкихъ побѣдъ при Лукахъ, Заволочѣ и другихъ мѣстахъ, 21 августа 1581 года взяли былъ, наконецъ, и Псковъ. Русскія войска были отброшены съ большимъ урономъ.—Съ этого времени открывается для Скарги безусловная возможность—развернуть предъ Баторіемъ свои дипломатическія способности, заслужить его безграничное довѣріе, поставить его дѣятельность въ зависимость отъ себя и своихъ идей и, наконецъ, проникнуть со своимъ вліяніемъ въ новую, великую страну, чтобы сдѣлать ее послушной папскому престолу.

Іоаннъ Грозный, сознавая себя безсильнымъ въ дальнѣйшей борьбѣ съ польскимъ королемъ, ищетъ съ нимъ міра и, не находя другого исхода, обращается къ посредничеству папы.—Давнишнія мечты римскихъ папъ—подчинить себѣ Москву, такъ долго не удававшаяся по разнымъ политическимъ причинамъ, теперь, повидимому, были близки къ своему осуществленію. Самъ царь проситъ папу въ посредники, а это даетъ полную возможность проникнуть въ эту завѣтную страну со своимъ ультрамонтанскимъ вліяніемъ.

Чтобы лучше раскрыть дѣйствія Скарги и его соучастниковъ во время Московско-Польскихъ столкновений, намъ необходимо по-

дробно остановиться на истиннымъ мотивахъ взаимныхъ сношеній Грознаго съ Римскимъ престоломъ.

Мотивы русскаго посольства къ папѣ, несомѣнно, лежали въ Московско-Польскихъ отношеніяхъ, но послѣднія въ грамотѣ Іоанна Грознаго чрезвычайно искусно были прикрыты посторонними, оттягивающими обстоятельствами. Не опасность со стороны Польскаго короля, а анти-оттоманская лига,—вотъ выставочная причина посольства. Іоаннъ Грозный писалъ: „Король Степанъ Баторій, заручившись союзомъ съ султаномъ и крымскимъ ханомъ, пришелъ въ нашу отчину въ Полоцкъ и по нынѣ, не переставая, разливаетъ кровь христіанскую. Желая прекращенія кровопролитія, мы опять отправили къ нему пословъ, а его люди въ то же время пришли на наши Украины и добиваютъ наши города... И вотъ мы, видя такую безмѣрную его гордость и союзъ съ невѣрными на пролитіе христіанской крови, посылаемъ тебѣ съ извѣщеніемъ, что желаемъ быть въ союзѣ и единеніи съ тобой и Цезаремъ Рудольфомъ противъ бусурманскихъ государей, дабы христіанство было въ тишинѣ и покоѣ и освободилось отъ мусульманскихъ рукъ. А посему ты бы Григорій, папа, Пастырь и учитель Римскіе церкви—къ Стефану еси королю отъ своего пастырства и учительства приказалъ, чтобы Стефанъ король съ бесерменскими государями не складывался и на кровопролитіе крестьянское не стоялъ“¹⁾... Грамота эта была поручена Истомѣ Шевригину, которому былъ данъ особый наказъ—не выходить изъ круга предметовъ, указанныхъ въ письмѣ: „опричь грамоты приказу нѣтъ никакого“, долженъ былъ твердить Шевринъ на всѣ распросы римскаго двора²⁾. Въ данномъ случаѣ папа могъ ориентироваться только при посредствѣ іезуитовъ, знавшихъ истинное положеніе дѣлъ Московско-Польскаго конфликта и вѣрившихъ не менѣе самаго папы, что наступилъ часъ подумать о всемірномъ господствѣ. Вотъ почему мы видимъ, что папа Григорій XIII посылаетъ въ Москву въ качествѣ примирителя іезуита Поссевина. Въ своемъ письмѣ къ Грозному, папа восхваляетъ его за то, что онъ по примѣру своихъ предковъ, рѣшилъ вступить въ сношенія съ Римомъ. Далѣе, выражая готовность поддерживать миръ и союзъ христіанскихъ государей, папа переходитъ къ завѣтной мечтѣ римскихъ первосвященниковъ—подчинить себѣ Востокъ. Онъ говоритъ, что единеніе между Москвою и Римомъ не можетъ

¹⁾ Успенскій. „Сношенія Рима съ Москвой“. Ж. М. Н. Пр. за 1885 г., № 8 стр. 292.

²⁾ Памят. Дипломат. Снош., т. X, стр. 12.

быть въ христіанской любви, въ союза съ Римскою церковью. Константинополь; говорить папа, потому и палъ, что не остался вѣрнымъ постановленіямъ Флорентійскаго Собора,—а потому, если Москва войдетъ въ союзъ съ Апостольской церковью, то для нея будетъ сдѣлано все со стороны Рима. Въ заключеніе папа рекомендуетъ особому вниманію царя своего посла Поссевина, которому дана была чрезвычайная инструкція ¹⁾. Ему поручено было увѣрить царя, что папа охотно принимаетъ на себя посредничество между Москвой и Польшей и что онъ вполне надѣется на успѣхъ. Но главная задача Поссевина въ Москвѣ состояла въ томъ, чтобы приблизить къ разрѣшенію вопросъ о единствѣ вѣры съ Римомъ. Поссевинъ долженъ былъ поставить на видъ царю, что ему униженительно подчиняться Константинопольскому Патріарху, который не есть истинный пастырь, но симоніакъ и рабъ султана. Если бы русское духовенство начало выражать слишкомъ сильно свое неудовольствіе, то Поссевину предоставлялось изыскивать всѣ мѣры, чтобы ихъ смягчить. Онъ долженъ былъ изучить вѣрованія Московитовъ, ихъ обычаи и обряды и подмѣтить какъ сходство, такъ и различіе послѣднихъ по отношенію къ католической церкви. Ему вмѣнялось въ обязанность—всѣ свои наблюденія немедленно доносить въ Римъ. Кромѣ того Нунцію рекомендовалось настоять на томъ, чтобы Грозный отправилъ въ Римъ новыхъ пословъ для переговоровъ объ уніи и чтобы позволено было устроить въ Москвѣ нѣсколько католическихъ церквей“ ²⁾.

Мы останавливаемся подробно на этой инструкціи, данной нунцію папой, какъ на такой, которая легла въ основу всей дальнѣйшей политики Рима по отношенію къ Россіи. Съ этого времени стремленія папъ—обратить Россію въ католическую страну пріобрѣтаютъ болѣе рѣшительный характеръ и закончились въ послѣдующей эпохѣ съ одной стороны Брестской церковной уніей и съ другой—неудавшейся попыткой посадить на Московскій престолъ королевича Владислава. А такъ какъ оба эти факта неразрывно связаны съ именемъ и политическою дѣятельностью Петра Скарги, то естественно, миссія Поссевина является въ то же время миссіей и Скарги. Мало того: миссія Поссевина служила какъ бы почвой, на которой созрѣли политическіе планы Скарги.

Изъ переписки Грознаго съ папой становится для насъ понятнымъ, что обѣ стороны, не довѣряя другъ другу и прикрываясь

¹⁾ Успенскій. Сношенія Рима съ Москвой (Ж. М. Н. Пр. 1885. № 8).

²⁾ Тамъ же.

личиною искренняго доброжелательства, упорно преслѣдуютъ свои личные интересы. Какъ ни старался Поссевинъ съ успѣхомъ разрѣшить завѣтные вопросы о вѣрѣ, но ему пришлось потерпѣть здѣсь полнѣйшую неудачу. Обстоятельные и пространные отвѣты бояръ на рѣчи Поссевина по вопросу о мирѣ съ Польшей, становятся чрезвычайно краткими и рѣшительными, когда ставился вопросъ о союзѣ съ Римомъ, о разрѣшеніи строить въ Москвѣ католическія церкви. „А чтобы Венетомъ къ намъ пріѣзжати и съ своими попы, и мы о томъ волю даемъ, а церквамъ римскимъ въ нашемъ государствѣ быти не пригоже, потому что до насъ прежде того обычая не бывало, а мы то хотимъ по старинѣ держать“ ¹⁾... Но стремленіе Рима—подчинить папскому престолу Московское государство нисколько отъ этого не ослабѣло. Скарга, Поссевинъ и вся іезуитская корпорація, поставившая впереди высокую цѣль покорить Риму весь Востокъ, остаются чрезвычайно вѣрными разъ избранному пути.

Вотъ почему мы видимъ, что не смотря на рѣшительный отказъ Москвы отъ союза съ Римомъ, Поссевинъ и Скарга принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить Баторію къ миру съ Московскимъ царемъ. Поссевинъ и Скарга, летая изъ обоза въ обозъ и упрашивая Баторію покончить войну миромъ, твердо надѣялись, что между Москвой и Римомъ скоро наступитъ „rojednanie“ (соглашеніе) ²⁾. Впрочемъ, и самъ Баторій по многимъ причинамъ охотно шелъ навстрѣчу желаніямъ Москвы ³⁾. Извѣстно, что дѣятельность Поссевина и Скарги въ этомъ отношеніи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: война окончилась Запольскимъ миромъ на 10 лѣтъ.

Какой же планъ выработали Поссевинъ и Скарга для успѣховъ католицизма въ Россіи?

Этотъ вопросъ разрѣшается на основаніи литературнаго памятника, какой Поссевинъ оставилъ послѣ себя. Когда въ 1584 году Баторій, пользуясь смертію Грознаго, хотѣлъ выступить въ новый Московскій походъ, Поссевинъ писалъ кардиналу ди-Комо: „по мнѣнію короля, пользуясь настоящимъ положеніемъ Московскаго государства, при содѣйствіи нѣкоторыхъ князей, можно въ три года завоевать Москву... Нужно всемѣрно остерегаться заронить

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1885 г., стр. 310.

²⁾ Rychcicki, т. I, стр. 343.

³⁾ Polkowski, „Sprawy wojenne króla St. Batorego, 335.

въ Москвѣ подозрѣніе, будто святой престолъ замышляетъ противъ Россіи какое зло“ ¹⁾...

Отсюда становится понятнымъ, что слуги папы энергично дѣйствовали, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи,—но дѣйствовали чрезвычайно осторожно. Они поняли, что идти прямымъ путемъ и ставить вопросъ объ уніи открыто,—это значитъ навсегда потерять всѣ свои надежды на Россію. Опытъ привелъ ихъ къ убѣжденію, что для обращенія русскихъ Московскаго государства въ римскую вѣру, надобно прежде всего обратить къ ней единовѣрцевъ. живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ, подъ властію короля—приверженца Латинской церкви. Скарга и Поссевинъ прекрасно понимали родство западной Россіи съ восточной, а равно и историческую важность Кіева для всего русскаго народа. Они поняли, что унія съ Москвой возможна будетъ лишь тогда, когда она введена будетъ въ западно-русскихъ областяхъ. Педагогическій опытъ въ коллегіяхъ и частныя сношенія съ западно-русскимъ дворянствомъ привели Скаргу къ тому убѣжденію, что многіе изъ русскихъ заражены латинскими понятіями, что они не радѣютъ о благѣ своей церкви и что такихъ дворянъ, владѣющихъ правомъ патронатства, легко расположить въ пользу завѣтной уніи съ Римскимъ престоломъ. Это казалось ему тѣмъ болѣе возможнымъ, что православная церковь въ эту пору находилась въ самомъ печальномъ состояніи.

Теперь перейдемъ къ очерку моральнаго и соціальнаго положенія западно-русской церкви ко времени іезуитскихъ посягательствъ Скарги на ея автономное существованіе. Подробное освѣщеніе этого вопроса ясно укажетъ намъ ту почву, на которой Скарга привилъ русскимъ унію съ Римскимъ престоломъ, а равно и то, какъ отразилась унія на судьбахъ Польши и западно-русскихъ областей.

¹⁾ Выдержки письма приведены въ Журналѣ М. Н. Пр. за 1885 годъ, книжка за Августъ, стр. 312.

VII.

Положеніе православной церкви Литовскаго великаго княжества наканунѣ іезуитскихъ посягательствъ II. Скарги на ея свободу.

Подъ именемъ Литовскаго великаго княжества, входившаго въ составъ Польской Короны, разумѣется не одна лишь Литва, занимавшая Виленскую и Ковенскую губерніи, но и всѣ русскія области, обнимавшія пространство девяти нынѣшнихъ губерній: Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Кіевской, Волынской и Подольской. Къ этимъ областямъ необходимо причислить и ту часть Галиціи, которая въ церковномъ отношеніи принадлежала къ Литовской митрополіи.—Во всѣхъ этихъ древнихъ русскихъ областяхъ цѣлые вѣка существовала православная вѣра. Она укрѣпилась здѣсь глубоко и прочно, покоривъ себѣ духъ народа и обнявъ всѣ стороны его политической и бытовой жизни.—Что касается латинской вѣры, которая стала проникать сюда лишь во дни Гедимины и Ольгерда (1320—1377), когда ее стали распространять здѣсь доминиканцы и францисканцы, то въ своемъ распространеніи она не имѣла подъ собою ровно никакой почвы, пока не вступилъ на престолъ сынъ Ольгерда, Ягелло.

Съ какимъ успѣхомъ подвигалось впередъ распространеніе латинской вѣры въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, можно видѣть изъ тѣхъ данныхъ, какія указываютъ на время открытія здѣсь костеловъ и латинскихъ епархій. Въ Кіевѣ учреждена епархія въ 1350 году, въ Львовѣ около 1370, въ Вильнѣ въ 1388, въ Перемышлѣ въ 1390, на Жмуди въ 1417 и въ Луцкѣ въ 1428 году ¹⁾. Впрочемъ, и эти епархіи учреждены не по нуждѣ, не по много

¹⁾ Макарій, т. X, стр. 4.

численности паствы, но исключительно съ цѣлью пропаганды. Со вступленіемъ же на престолъ Ягелло, подъ вліяніемъ его политическихъ видовъ въ церковь, положеніе православія совершенно измѣнилось. До этого времени всѣ короли, за исключеніемъ князя Миндовга, исповѣдывали православную вѣру и были лучшими ея представителями. Но Ягелло, вступивъ на престолъ въ весьма смутное время и опасаясь за прочность своего престола, при частыхъ тревогахъ со стороны ливонцевъ и татаръ, рѣшилъ обезопасить себя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ женитьбой на наслѣдницѣ Польскаго престола—Ядвигѣ и политическимъ союзомъ Польши съ Литвой. Фактъ этотъ, совершившійся въ 1386 году, имѣлъ роковое вліяніе на всю послѣдующую жизнь православнаго народа въ западно-русскихъ областяхъ. Ягелло, его братья и многіе литовскіе князья измѣняютъ своей вѣрѣ, принимаютъ латинство и что поразительнѣе всего допускаютъ надъ собой вторичное крещеніе¹⁾. Этотъ удивительный переворотъ въ жизни лучшихъ того времени литовцевъ нанесъ чувствительный ударъ успѣхамъ православія въ Литвѣ. Но это было лишь начало тѣхъ испытаній, какія суждено было перенести православной церкви въ послѣдующіе вѣки.

Возникаетъ вопросъ: въ чемъ же кроется причина враждебнаго отношенія поляковъ и латинства къ православно-русской церкви?

По соединеніи Литвы съ Польшей, поляки поставили для себя государственнымъ девизомъ подавленіе православія и безусловное распространеніе въ Литвѣ латинства. Введеніе въ жизнь этой политической идеи и началось съ короля Ягелло, который наканунѣ своего брака съ Ядвигой, далъ слѣдующую клятву: „буду стараться привести всѣхъ людей народа литовскаго., какой бы секты и религіи они ни были., къ вѣрѣ католической—латинской и святому послушанію римской церкви,—притянуть и всѣми способами ихъ присоединить“²⁾... Такова была задача Ягеллы и слѣдовавшихъ за нимъ королей. Они прекрасно сознавали, что тѣсный политическій союзъ, а тѣмъ болѣе полное сліяніе и подчиненіе литовско-русскаго народа Польшѣ немислимы при существованіи религіозной розни. Чтобы ополячить этотъ народъ, необходимо его прежде окатоличить. Такъ постепенно слагались у польскаго правительства мечты о церковной уніи литовскаго княжества съ Польшей. Мы не будемъ разсматривать притѣсненій и разныхъ недостойныхъ средствъ, къ

¹⁾ Wilno Krasz., т. I, стр. 73.

²⁾ Кояловичъ. Лит. унія, стр. 8.

какимъ прибѣгали польско-литовскіе государи для подавленія православія въ западно-русскихъ областяхъ. Скажемъ только то, что идея Польши, подчинить своей власти Литву и Западную Русь, не удалась такъ скоро, какъ думалъ Ягелло и какъ думали слѣдующіе за нимъ короли. Литовско-русскій народъ геройски отстаивалъ свою вѣру, національность и внутреннее автономное управление. Союзъ Польши и Литвы носилъ на себѣ конфедеративный характеръ до тѣхъ поръ, пока литовскій народъ не потерялъ права имѣть своего короля, пока не состоялся пресловутый люблинскій сеймъ, на которомъ была утверждена въ окончательной формѣ политическая унія этихъ двухъ государствъ. Съ этого времени самостоятельность Литвы была потеряна навсегда. Это была не унія, не соединеніе двухъ націй на равныхъ правахъ, но порабощеніе въ самомъ глубокомъ смыслѣ одного государства другому,—порабощеніе равносильное вѣковому моральному угнетенію, которое оканчивается для русскихъ литовцевъ утратой своихъ національных устоевъ, народности и языка. Традиціонныя попытки Ягелло и его преемниковъ отождествить политическую унію съ церковной и обосновать первую на послѣдней становятся теперь душою всего политическаго механизма Польской Короны. Обстоятельства неблагопріятствовавшія развитію тенденціозныхъ посягательствъ Польши на свободу и народность Литвы, теперь измѣнились въ худшую сторону для русскаго элемента и дали Польшѣ возможность осуществить свои давнишнія мечты.—Польскіе короли, будучи католиками, стали злоупотреблять своею властію во вредъ православной церкви. Они издавали стѣснительныя для православныхъ постановленія, лишавшія ихъ права на занятіе должностей въ Коронѣ; они запрещали православнымъ строить новыя церкви, распоряжались послѣдними по своему произволу, то стѣсня духовенство въ отправленіи торжественныхъ богослуженій, то отдавая ихъ церкви во власть латинскихъ прелатовъ. Вѣру православную стали дискредитировать публично, называя ее въ официальныхъ бумагахъ „схизмой“, приравнивая православные храмы къ еврейскимъ синагогамъ. Положеніе православія становилось еще болѣе тяжелымъ отъ злоупотребленія такъ называемымъ правомъ патронатства. Право патронатства, или „подаванья“, основывалось на владѣльческомъ правѣ литовскихъ государей раздавать по своему усмотрѣнію тѣ архіерейскія кафедръ, монастыри и церкви, которыя находились въ ихъ имѣніяхъ и на государственной территоріи, принадлежавшей королю. По примѣру государя и всѣ прочіе магнаты—владѣльцы имѣній усвоили себѣ традиціонное право патро-

натства по отношенію ко всѣмъ монастырямъ и церквамъ, бывшимъ въ ихъ земляхъ. Такая зависимость православнаго духовенства отъ свѣтскихъ лицъ послужила поводомъ къ тому, что избраніе епископовъ стало совершаться здѣсь не по практикѣ древне-восточной церкви, не соборомъ іерарховъ, но исключительно властью короля при самомъ слабомъ участіи князей, дворянъ и народа. Мало по малу и это участіе мірянъ постепенно отминаясь и назначеніе епископовъ перешло въ исключительную власть литовско-польскихъ королей. Пользуясь недобросовѣстно этимъ правомъ короли-инновѣрцы дѣлали съ своей стороны все, что только клонилось къ подавленію православія въ странѣ. Съ этою цѣлію они очень часто назначали на епископскія кафедры не духовныхъ лицъ, могущихъ съ честью понести святительское служеніе, а свѣтскихъ, искавшихъ лишь роскошной жизни, да монастырскихъ имѣній. — Не удивительно поэтому, что внутреннее состояніе православной іерархіи западно-русскихъ областей было крайне безотрадно въ описываемую нами эпоху. Не только низшее, но и высшее духовенство поражаетъ насъ своимъ умственнымъ убожествомъ и нравственнымъ безобразіемъ. Епископы и даже митрополиты, нисколько не думая о своей паствѣ и о религіозно-нравственномъ ея воспитаніи, занимались тяжбами и спорами изъ за церковныхъ имуществъ, окружали себя роскошной обстановкой, вели жизнь несоотвѣтствующую своему сану и грабили подвластные имъ монастыри. Сигизмундъ I. относившійся индифферентно къ идеѣ полонизма западно-русскихъ областей, писалъ однажды Макарію, Кіевскому митрополиту: „до насъ дошли слухи о несправѣ, какая ся дѣветъ межи духовенство вашего греческаго закону, такожь межи князей и пановъ и простыхъ людей въ законѣ вашомъ, грецкомъ, ижъ межи Владыка всѣхъ, какъ ни подлѣ правилъ св. отецъ и ни подлѣ права блуды и распутства ся великіе дѣють. а Твоя милость, яко старшій ихъ пастырь, много вѣдати и ни выстегати не хочеть“¹⁾...

Самымъ характернымъ выраженіемъ упадка религіозной жизни въ западно-русскихъ областяхъ можетъ служить поразительный фактъ пренебреженія къ церковнымъ канонамъ: Кіевскимъ митрополитомъ въ 1583 году поставленъ былъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, который, попирая практику восточныхъ церквей, разрѣшалъ епископамъ имѣть женъ и рукополагалъ сотни двоеженцевъ и троеженцевъ въ священническій санъ²⁾. Его дурное управленіе и не-

¹⁾ Акты Зап. Рос., т. 3-й, № 3-й.

²⁾ Акты Зап. Рос., т. 4-й, № 149 и Зубрицкій, Лѣт. Льв. Брат., годъ 1600 г.

радивое отношеніе къ интересамъ вѣры и церкви вызвали голоса обличенія даже со стороны его же паствы.—Вообще, судя по литературнымъ памятникамъ того времени, епископы православной церкви дошли до крайне унижительнаго состоянія. Это были тѣ же рыцари, любившіе грабежи и наѣзды, имѣвшіе вооруженную силу и даже пушки ¹⁾. Дворня епископа, желая услужить своему патрону, дѣлала нападенія на церкви и монастыри и силою забирала въ свои руки принадлежавшія имъ цѣнныя вещи и всякое движимое имущество. Какова была домашняя жизнь этихъ пастырей церкви, можно судить по слѣдующей характеристикѣ, дошедшей до насъ отъ современниковъ данной эпохи: „вчера со псы по полю за заяцемъ, а нынѣ святительская совершается... Древніе были сильны словомъ и дѣломъ,—сіи же... повары и красными трапезами, сластолюбія яденіемъ и питіемъ исполнены... ученикъ у нихъ много, паче же поваровъ и поводящихъ множество, а другая же студъ и глаголати“ ²⁾...—При такомъ нравственномъ состояніи высшей іерархіи, чего добраго можно было ожидать отъ низшаго духовенства? Умственное невѣжество и нравственное безобразіе низшаго клира въ эту мрачную эпоху стоитъ ниже всякихъ предположеній.

Знаменитый пришлецъ въ Западную Россію князь Курбскій, желая исправить недостатки книжнаго ученія въ православномъ духовенствѣ, стремился образовать общество для перевода святоотеческихъ твореній съ иностранныхъ языковъ на русскій, но всѣ его попытки въ этомъ дѣлѣ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: „искахъ помощи себѣ, говорить Курбскій, сѣмо и овамо обращая и никакоже обрѣтахъ“,—искахъ мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добрѣ умѣющихъ и не возмогахъ обрѣсти“ ³⁾.

Описанная нами картина крайне жалкаго состоянія западно-русскихъ церквей имѣла, однако, свои причины, которыя лежали съ одной стороны въ общественномъ и государственномъ строѣ польско-литовскаго королевства и съ другой—въ предшествующихъ и историческихъ условіяхъ политической жизни православнаго народа. Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить прежде всего—отсутствіе образовательныхъ средствъ среди православно-русскаго населенія. Единственнымъ типомъ православныхъ училищъ въ Литвѣ

¹⁾ Макарій, т. 9-й, стр. 339—340 (Іона Борзобогатый, Феодосій Лозовскій и др. епископы).

²⁾ Кіев. Стар. за 1882 г., кн. 3, стр. 568.

³⁾ Сливовъ. „О зловредныхъ дѣйств. іезуитовъ“, стр. 151.

и Юго-Западной Россіи были школы, существовавшія въ селахъ и городахъ при приходскихъ церквахъ. Но назначеніе этихъ школъ состояло не въ томъ, чтобы распространить въ народъ просвѣщеніе, но чтобы подготовить дьячковъ и кандидатовъ священства ¹⁾. Впрочемъ, образованіе, получаемое въ этихъ школахъ, не выходило за предѣлы простой начитанности въ сферѣ церковно-богослужебныхъ книгъ ²⁾. Могло ли подобное духовенство стоять на высотѣ своего призванія, а тѣмъ болѣе отражать вліяніе нахлынувшихъ съ запада протестантскихъ идей?

Другою не менѣе важною причиною нестроений и безпорядковъ въ западно-русской церкви необходимо признать чрезмѣрное участіе свѣтскихъ лицъ въ дѣлахъ церкви, или что тоже—злоупотребленіе патронатствомъ. Никто не станетъ спорить, что патронатство по своей идеѣ было учрежденіемъ чрезвычайно полезнымъ и благотворнымъ для православной церкви въ предшествовавшіе вѣка, когда Литва жила самостоятельною жизнію. Но когда патронатъ, какъ учрежденіе, перешелъ вмѣстѣ съ землями къ неправославнымъ владѣльцамъ, когда послѣдніе стали смотрѣть на него, какъ на предметъ доходныхъ статей, то естественно патронатъ принялъ такія формы, при которыхъ это учрежденіе стало источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій для западно-русской церкви. Въ царствованіе Сигизмунда-Августа королевскіе чиновники, старосты и помѣщики, завѣдывая извѣстными округами, всѣ духовныя должности и приходы держали на откупѣ, какъ бы нѣкую аренду и отдавали ее тѣмъ, кто дастъ побольше денегъ. Понятно, что при этомъ не обращали положительно никакого вниманія ни на нравственное состояніе кандидатовъ духовныхъ должностей, ни на ихъ способности и образованіе ³⁾.

Въ результатъ такого извращеннаго патронатства наблюдалось съ одной стороны крайнее неуваженіе прихожанъ къ пастырскому сану и служенію, а съ другой—въ самомъ духовенствѣ лѣсть и низкое угодничество предъ тѣми лицами, по милости которыхъ они получали свои приходы.

Но нигдѣ злоупотребленія патронатствомъ не доходили до такихъ ужасныхъ размѣровъ, какъ у подножія королевскаго престола,

¹⁾ Кондратовичъ. Ист. польск. литер., стр. 205.

²⁾ Къ концу 16 вѣка было открыто нѣсколько училищъ, гдѣ обучали діалектикѣ, риторикѣ, психологій и проч. общеобразовательнымъ наукамъ, но эти школы относятся къ той эпохѣ, которая начинается осуществленіемъ уніатскихъ плановъ Скарги (съ 1590—1596 г.).

³⁾ Чистовичъ. Очерки Ист. З. Р. цер., 179.

дававшего тонъ всѣмъ общественнымъ теченіямъ, направленнымъ противъ православной церкви. Въ первой половинѣ 16 вѣка вошло въ практику раздавать монастыри и епископскія мѣста свѣтскимъ лицамъ за тѣ или другія государственныя заслуги. Случалось, что епископы, жившіе въ сторонѣ отъ своихъ епархій и не имѣвшіе никакой расположенности къ духовному сану, продавали право своего епископства кому-либо другому ¹⁾. Лучшимъ образчикомъ пренебрежительнаго отношенія королей къ интересамъ церкви и епископской власти можетъ служить слѣдующая грамота Сигизмунда-Августа, данная Полоцкому боярину Корсаку: „Маючи ласковый взглядъ на пыльные и вѣрные службы боярина земли Полоцкое, пана Глѣба Ивановича Корсака, я, за жаданіемъ воеводы Полоцкаго Довойна и пановъ бояръ, дали есмо ему... владычество Полоцкое; маеть онъ въ тую архіепископію вѣхати и тую архіепископію съ монастыремъ св. Михаила—подаванья нашего въ справу свою взять“ ²⁾. Какъ видимъ, монастыри и епископіи давались королями „за разныя пыльные службы“ свѣтскимъ людямъ. До какой нелѣпости доходило право патронатства у королей, можно усмотрѣть изъ того, что Вознесенскій монастырь Минской епархіи при Михаилѣ Рогозѣ отданъ былъ королемъ во владѣніе нѣкоего Достоевскаго „человѣка закону не греческаго“ ³⁾. Понятно что примѣру короля слѣдовали и всѣ другіе владѣльцы „духовныхъ хлѣбовъ“, что церкви и мелкіе монастыри раздавались кому попало. Но этого мало. Право патронатства обратилось въ рукахъ католическихъ магнатовъ въ право имущественнаго владѣнія на общихъ основаніяхъ: церкви и монастыри продавались, отчуждались, закладывались и назначались въ приданное за дочерями магнатовъ. Въ 1533 году князь Сангушко промѣнялъ „свой монастырь св. Николы—Милецъ“ со всѣми селами и людьми за село Мостище ⁴⁾. Другой князь Чарторыйскій въ 1580 г. отдалъ въ залогъ монастырь „Честный Крестъ“ Владимірскаго повѣта пану Иваницкому за 400 копъ грошей ⁵⁾. Такое печальное состояніе православной церкви вызвало среди лучшихъ людей того времени голоса негодованія и даже отчаянія: „аще не устроится церковное развращеніе, въ конецъ разыйдемся въ отступленіе римскаго послушанія и въ покою безмятежно пре-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1871 г. Авг., стр. 194.

²⁾ Ак. Зап. Рос., т. 3-й, № 20.

³⁾ Ак. Зап. Рос., т. 3-й, №№ 89 и 110.

⁴⁾ Ак. Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 97.

⁵⁾ Чистовичъ, стр. 198.

будемъ ¹⁾.—Но церковное „развращеніе“ не могло устроиться само собой; для этого не доставало сдерживающей и объединяющей силы. Константинопольскіе патріархи, которымъ принадлежала высшая власть надъ западно-русской церковью, по дальности разстоянія, не могли надлежащимъ образомъ слѣдить за теченіемъ церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи. Все участіе ихъ въ этомъ отношеніи выражалось въ одномъ лишь утвержденіи митрополитовъ. Подобный режимъ внутренней жизни русской церкви, вкоренившійся вѣками и прикрытый лишь призракомъ высшей патріаршей власти былъ истинной причиной тѣхъ ужасныхъ бѣдствій и золъ, какія замѣчаются особенно къ концу 16-го вѣка.

Впрочемъ, какъ ни печальна была картина тяжелаго положенія литовско-русской церкви, тѣмъ не менѣе можно указать и на отрадныя стороны въ ея жизни. Чѣмъ менѣе оставалось ревнителей вѣры между магнатами, чѣмъ тяжелѣе было ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе стремились они сплотиться, тѣмъ дѣятельнѣе стремились заводить у себя школы и типографіи для распространенія въ народѣ свято-отеческихъ писаній. Съ другой стороны, подъ давленіемъ тяжелыхъ для православія обстоятельствъ, въ народѣ сложилась и развилась идея братскаго единенія въ дѣлахъ вѣры и оппозиціи врагамъ церкви. Такъ появились Братства: Львовское, Виленское, Брестское, Бѣльское, Могилевское и Минское. Это были тѣ центры, откуда всякое доброе движеніе получало и силу и направление. Что касается народа, низшаго клира и мелкой шляхты, то по свидѣтельству, какъ польскихъ, такъ и русскихъ очевидцевъ, это были люди, готовые на всякую жертву за вѣру своихъ отцовъ и самый незначительный обрядъ.

Вотъ краткій обзоръ событій, иллюстрирующихъ истинное положеніе православной церкви западно-русскихъ областей, въ эпоху появленія здѣсь протестанскихъ идей и того іезуитскаго вліянія Скарги, которое завершилось церковной уніей съ римскимъ престоломъ.

Въ то самое время, когда православная церковь доведена была до нравственнаго безсилія и самаго жалкаго состоянія, предъ нею является новый врагъ—протестанство, которое повидимому устремилось исключительно противъ латинства. Поражая католичество съ большимъ успѣхомъ на первыхъ порахъ своего появленія въ Польшѣ, протестанство начало дѣйствовать въ православной церкви со всею силою лишь въ половинѣ 16-го вѣка. Первымъ распростра-

¹⁾ А. З. Р., т. 3-й, № 33.

нителемъ лютеранизма въ Литвѣ былъ нѣкто Авраамъ Кульва, родомъ литвинъ, получившій въ одномъ изъ германскихъ университетовъ ученую степень доктора богословія. Прибывъ въ Вильну въ званіи кзєндза, Кульва сталъ открыто проповѣдывать лютеранское ученіе какъ съ церковной кафедры, такъ и въ открытой имъ школѣ. Черезъ два года Кульва вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Литвы,—но протестантскія идеи, поддерживаемыя дворомъ Сигизмунда, поселившагося съ 1545 года въ Вильнѣ, стали крѣпнуть и пролагать себѣ дорогу въ среду православныхъ магнатовъ. Но фактически протестанство стало открыто заявлять себя съ 1553 года, когда всесильный при дворѣ короля канцлеръ, князь Радзивиллъ-Черный, принявъ кальвинизмъ вмѣстѣ со своей женой, дѣтьми и даже дворней, выстроилъ молельню своего исповѣданія въ предмѣстьѣ Вильны, на Лукишкахъ ¹⁾. Черезъ 8 лѣтъ Радзивиллъ изъ прозелита превратился въ яраго пропагатора кальвинизма, не щадя при этомъ своихъ средствъ на возведеніе каменныхъ храмовъ въ Вильнѣ, Клецкѣ, Несвижѣ, Брестѣ и въ другихъ своихъ владѣніяхъ. Ученые пасторы сходились въ Литву цѣлыми толпами, рассчитывая на вѣрную добычу и милости всесильнаго вельможи. И магнаты, и шляхта, и простой народъ, привлекаемые Радзивилломъ то убѣжденіями, то лестью, то всякими приманками въ видѣ угощенія и подарковъ, спѣшили оставить вѣру своихъ отцовъ, чтобы заявить себя преданными новому ученію. Бурный потокъ реформаціоннаго духа сталъ вырывать изъ среды православнаго дворянства такія знатныя фамиліи, какъ Ходкевичей, Воловичей, Сапѣгъ, Горскихъ, Вишневскихъ и другихъ ²⁾. Какъ быстро распространялась эта зараза среди православной паствы, можно судить по количеству отпавшихъ отъ греческой вѣры въ Новоградскомъ воеводствѣ:.... „изъ 600 и даже болѣе шляхетскихъ домовъ греческой вѣры едва осталось шестнадцать, которые убереглись отъ „новокрещенской заразы“, такъ укорялъ Скарга православныхъ на Брестскомъ соборѣ ³⁾. Подъ именемъ „новокрещенцевъ“ здѣсь разумѣются антиринитаріи, отвергавшіе истинность православнаго крещенія младенцевъ и доказывавшіе необходимость крестить ихъ вторично ⁴⁾. Въ семидесятихъ годахъ, именно въ 1562 году появились уже печатныя произведенія кальвинистовъ, пропагандировавшихъ свое ученіе среди православнаго населенія Литвы.

¹⁾ Макарій, т. 9-й, стр. 319.

²⁾ Ibid., стр. 322.

³⁾ Skarga. „Synod Brzeski“.

⁴⁾ Макарій, т. 9-й, стр. 326.

Въ такомъ положеніи мы застаемъ православную церковь въ первой половинѣ 1568 года, когда появилась новая сила, болѣе опасная, чѣмъ протестантство, въ лицѣ іезуитовъ. Въ слѣдующемъ году состоялось другое роковое событіе—люблинская политическая унія, имѣвшая для всего западно-русскаго края самыя гибельныя послѣдствія.—Давнія попытки польскаго правительства, еще со временъ Ягелла, насадить въ Литвѣ церковную унію, теперь, по окончательномъ соединеніи ея съ Польшей (12 авг. 1569 г.), переходятъ на реальную почву. Церковная унія, имѣвшая въ своей перспективѣ уничтоженіе вѣроисповѣдной розни, должна была стать средствомъ самаго тѣснаго политическаго единства двухъ государствъ, соединенныхъ теперь подъ одной короной. Стремленіе къ осуществленію такихъ высокихъ государственныхъ плановъ требовало для себя особой силы, энергій и разумныхъ тружениковъ, а этого именно и не доставало изнѣженному и невѣжественному польскому дворянству. Сила эта явилась въ лицѣ іезуитовъ, ставшихъ орудіемъ въ рукахъ Скарги для осуществленія давно задуманной уніи западно-русской церкви съ римскимъ престоломъ.

VIII.

Скарга, какъ иниціаторъ и руководитель уніатскаго движенія.

Въ первое десятилѣтіе по своемъ прибытіи въ Польшу (1568—1578), іезуиты прочно утвердились въ Вильнѣ и другихъ литовскихъ городахъ. Школы, диспуты, пышные крестные ходы и краснорѣчивыя проповѣди Скарги обезпечили имъ дальнѣйшее существованіе въ Литвѣ. Въ это же десятилѣтіе начались и первые успѣхи іезуитовъ между православными. Преимущественнымъ проводникомъ іезуитскаго вліянія въ среду православныхъ была школа, открытая въ Вильнѣ. Мало по малу, когда стали здѣсь привыкать къ іезуитамъ, когда увидѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, когда узнали, что дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты обучаютъ у себя бесплатно, школу іезуитовъ стали посѣщать и дѣти православныхъ. Какимъ вниманіемъ и авторитетомъ пользовалась среди православныхъ педагогическая дѣятельность іезуитовъ, видно изъ завѣщанія Брацлавскаго каштеляна Василя Заговоровскаго отъ 1577 года, гдѣ онъ требуетъ, чтобы малолѣтнихъ дѣтей его обучали грамотѣ и письму у какого-либо ученаго дьячка и подъ конецъ отдали бы ихъ „до Вильни къ езуитомъ: бо тамъ фалють дѣтямъ добрую науку“ ¹⁾. Впрочемъ, православные скоро поняли цѣль іезуитскаго воспитанія и боялись отдавать въ ихъ школы своихъ дѣтей. На это указываетъ намъ князь Курбскій въ своей перепискѣ съ княгиней Черторыжской, о которой мы говорили уже выше. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Скарги и его сподвижниковъ на этомъ не остановилась. Отъ школы и словесныхъ диспутовъ они переходятъ на почву литературно-полемическихъ сочиненій съ цѣлью повліять

¹⁾ Архивъ Ю. З. Рос., т. I, № 16, стр. 74.

на умы и совѣсть православныхъ и поколебать ихъ вѣру. Нужно замѣтить, что литературные нападки іезуитовъ на православіе не имѣли того рѣзкаго характера, какимъ отличались ихъ сочиненія, направленные противъ протестантовъ. По отношенію къ послѣднимъ у нихъ наблюдалась простая, религіозная полемика, тогда какъ въ сочиненіяхъ противъ православныхъ они преслѣдовали инныя, болѣе серіозныя цѣли. Дѣло въ томъ, что долговременныя наблюденія надъ православнымъ западно-русскимъ народомъ и усердное изученіе его религіозной жизни убѣдили Скаргу и другихъ іезуитовъ, что православіе крѣпко сплосось съ народною жизнію и что уничтожить православіе положительно невозможно. Скарга приходитъ къ необходимости — допустить на время сдѣлку со схизмой, устроить унію по образцу уніи флорентійской и затѣмъ поступать такъ, какъ покажетъ жизнь преобразованной церкви. Мы знаемъ, что мысль о церковной уніи явилась въ Польшѣ еще во времена Ягелло, что она горячо поддерживалась королями и патріотами видѣвшими спасеніе польской короны въ единствѣ вѣры, — но всѣ эти политическіе дѣятели, начиная съ Ягелло и кончая Гербестомъ, совершенно блѣднѣютъ передъ личностью Петра Скарги, который посвятилъ осуществленію этой идеи всѣ свои силы и который, сверхъ всякаго ожиданія, привелъ ее въ исполненіе.

Но прежде чѣмъ говорить о дѣятельности Скарги въ этой сферѣ, намъ кажется умѣстнымъ разсмотрѣть его религіозно-политическіе убѣжденія и планы.

Всѣ сочиненія Скарги ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что это былъ энергичный проповѣдникъ своихъ убѣжденій, что убѣжденія его перешли въ сознаніе главнѣйшихъ представителей тогдашней Польши, увлекаая подъ часъ и православныхъ своею видимою правдою. Религіозно-политическія убѣжденія Скарги сложились въ немъ очень просто. Скарга жилъ въ то время, когда смуты и набѣги со стороны турокъ и татаръ не прекращались, когда всѣ лучшіе умы задумывались надъ изысканіемъ мѣръ къ обезпеченію спокойствія въ своей странѣ. Этимъ, отчасти и объясняется гражданскій союзъ литовско-русскихъ областей съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ. Но Скарга видѣлъ, что политическая унія двухъ націй сама по себѣ, не имѣя почвы въ духѣ народа, чужда жизненной силы. Протестантство и православіе казались ему тѣмъ именно враждебнымъ элементомъ, который разъединяетъ Польшу и Русь въ духовномъ отношеніи; существованіе въ коронѣ разновѣрія дѣлаетъ не мыслимымъ дружный натискъ на враговъ христіанства. Къ такимъ выводамъ пришелъ Скарга, наблюдая жизнь и взаимныя отношенія раз-

новѣрцевъ. Будучи по своимъ дарованіямъ выше всѣхъ іезуитовъ, онъ зналъ, до какихъ предѣловъ доходить раздоръ и ненависть между единоплеменниками изъ за религіозныхъ убѣжденій. Онъ видѣлъ, что анабаптисты и социніане проповѣдуютъ крайнія идеи социализма и стремятся уничтожить не только католическую вѣру, но и весь гражданскій порядокъ Польши, что православные, чуждаясь католицизма, ведутъ въ государствѣ крайне обособленную и въполнѣ автономную жизнь. Поэтому онъ и пришелъ къ той рѣшительной мысли, что спасеніе Польши возможно только при условіи совершеннаго подавленія разновѣрія и всякихъ ересей. Какъ искренній и ревностный папистъ, Скарга склонился, конечно, къ тому убѣжденію, что религіозное единеніе возможно только въ латинствѣ и что послѣднее должно стать единственнымъ исповѣданіемъ обоихъ народовъ.

Принявъ глубоко къ сердцу эту идею, Скарга, какъ увидимъ ниже, посвятилъ ей всѣ свои силы, пока, наконецъ, не привелъ ее къ исполненію. Онъ сталъ душой всей тогдашней дѣятельности польскаго правительства, духовенства и магнатовъ, считавшихъ церковную унію высшимъ благомъ для Рѣчи посполитой. До Скарги— всѣ тенденціозныя попытки королей, бискуповъ и всей католической силы сводились къ молчаливымъ нападкамъ на людей греческой вѣры, къ совращеніямъ отдѣльныхъ лицъ и подростковъ путемъ диспутовъ, личныхъ внушеній и костельныхъ проповѣдей,—но открытой борьбы съ православіемъ, латинство пока еще не начинало. Все это были домашнія мѣры, зависѣвшія всецѣло отъ убѣжденій и взглядовъ тѣхъ лицъ, какія стояли во главѣ антиправославнаго движенія.

Скарга первый выступаетъ противъ православной вѣры во всеоружіи научнаго знанія и глубокаго убѣжденія и, какъ откровенно замѣчаетъ его біографъ Рыхцицкій, „сталъ въ этомъ дѣлѣ смѣлымъ и умнымъ руководителемъ для всѣхъ, кто шелъ по этому пути“ („stal dla wielu naśladowników śmiałym a wzorowym przewodzącą“) ¹⁾.

„Схизма, говоритъ Рыхцицкій ²⁾, была дверью, чрезъ которую проникало въ Польшу Московское вліяніе. Заслуга Скарги предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, а тѣмъ болѣе предъ польскимъ краемъ“ и заключается въ томъ, что онъ первый, подкапываясь подъ эти двери, выпустилъ якобы въ обличеніе заблужденій православной

¹⁾ Rychcicki, т. I, стр. 265.

²⁾ Ibid.

церкви свое знаменитое сочинение: „О единствѣ Божьей церкви подѣ однимъ пастыремъ и о Греческомъ отъ этого единства отступленіи съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ къ русскому народу Греческой вѣры; рѣчь краткая и раздѣленная на три части. Составлена и издана Петромъ Скаргой, членомъ Іисусова Братства. „Прошу Тебя, Отче, да будутъ всѣ едино, какъ и мы едино съ Тобой“ (Іоан. 17). Вильно. Типографія Его Княж. мил. Николая Христ. Радзивилла, Маршалка в. кн. Литовскаго. 1577 года“¹⁾. Чтобы сочинение это могло имѣть большій успѣхъ среди православныхъ, Скарга посвящаетъ его столпу православной церкви и знатнѣйшему ея сыну, князю Константину Константиновичу Острожскому. Предисловіе, обращенное къ князю, открываетъ намъ всю силу убѣжденій и энергій, съ какими Скарга приступилъ къ осуществленію своей идеи.— „Неужели мы станемъ ломать кости Агнца Божія, І. Христа?“ спрашиваетъ онъ князя. „Неужели будемъ раздирать Его нешвенный хитонъ—какъ символъ единства церкви? Вѣдь каждая секта, сохраняя при себѣ свое упорство, возстаетъ на другія и никогда не мирится съ ними; въ одномъ только и сходятся онѣ, это—въ борьбѣ съ Римскимъ костеломъ. Не это ли признакъ, что онѣ не могутъ противостоять папѣ, какъ и снѣгъ не можетъ устоять противъ солнца?.. Это есть единственная церковь, которая истребляетъ всякую ересь, удерживаетъ своихъ дѣтей въ твердой преданности себѣ и которая не допускаетъ рѣшительно никакихъ раздѣленій; это та церковь, которая, презирая всѣ человѣческіе вымыслы, утверждаетъ людей на единой истинной вѣрѣ... Эта церковь—есть истинная! она мать всего христіанства,—но нѣкоторые неспокойныя ея дѣти, отступивъ отъ нея, не заботятся о своемъ мірѣ, чтобы опять вернуться къ матери своей“... Вспомнивъ далѣе о раздѣленіи церквей и зная, какъ важна въ данномъ вопросѣ ссылка на историческіе факты, Скарга, путемъ искусной постановки нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ, силится доказать, что вся исторія съ ея научными выводами стоитъ на сторонѣ западно-римской церкви. „Кто изучаетъ, говорить онъ, церковную исторію, тотъ найдетъ доказательства, что всѣ секты и всѣ христіанскіе народы выдѣлились изъ подѣ суда

¹⁾ O jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckim o téj jedności odstąpieniu, z przestrogą i upominaniem do narodów Ruskich przy Grekach stojących: rzecz krótka na trzy części rozdzielona. Teraz przez k. Piotra Skargę zebrania pana Iezusowego wydana. „Proszę, Ojcze, aby byli jedno, jak i my jedno jesteśmy“. Svan. 17. W Wilnie, z drukarni S-go książęcej miłości Pan. Mikolaja Chrzystopha Radziwilla, marszałka w. księ. Litew. Roku 1577.

и власти Римскаго епископа. Что же касается нынѣшнихъ еретиковъ, то еще свѣжѣ воспоминаніе, какъ недавно они были съ нами. Но о Грекахъ, по причинѣ давности ихъ отступленія, нѣкоторые позволяютъ себѣ сомнѣваться въ томъ, что они были подъ судомъ и властью Римскаго Папы и что они составляли съ Римомъ одну церковь "... Извращая затѣмъ смыслъ историческаго единства церквей, составлявшихъ одно цѣлое не въ силу подчиненія римскому или восточному патріарху, а въ силу общности вѣрованій, остававшихся неприкосновенными до эпохи раздѣленія церквей, Скарга съ искренностью глубокаго паписта проникается негодованіемъ противъ упорства русскихъ и говоритъ князю: „но неужели русскіе не читають своей исторіи и не знаютъ того, что предки ихъ назадъ тому полтораста лѣтъ старались возобновить согласіе съ Римомъ и что послѣдній разъ, на восьмомъ (?) соборѣ, они признали надъ собою власть папы и соединились съ Римскимъ костеломъ? Объ этомъ я часто говорилъ съ церковной кафедры въ Вильнѣ и многіе православные, слушая мои рѣчи, просили, чтобы я изложилъ свои мысли на бумагѣ"... Послѣднее признаніе Скарги ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ и раньше въ своихъ проповѣдяхъ громилъ православную церковь и что проповѣди его, касаясь вопроса о давней подчиненности Греческой церкви Римскому престолу носили на себѣ характеръ такой же не научной мистификаціи, какой отличаются и приведенные выше намеки, будто русскіе „назадъ тому полтораста лѣтъ... признали надъ собою власть папы и соединились съ Римскимъ престоломъ. (posluzzenstwa wracali)"...

Тутъ же въ предисловіи Скарга открываетъ и цѣль своего труда: „сжалившись надъ народомъ русскимъ, обманутымъ со стороны грековъ, я пытаюсь достигнуть того, чтобы разрушить все злословія и клеветы, вредящія единству Божіей церкви... Твоя княжеская милость легко убѣдится въ томъ, что евангельская правда и наука св. богоносныхъ отецъ всегда при насъ... Я твердо надѣюсь на Бога, что сердце Вашей княжеской милости (слѣдуетъ цѣлый рядъ лстивыхъ эпитетовъ) будетъ очень желать скорѣйшаго соединенія русскаго народа съ Божіимъ костеломъ и спасенія столькихъ душъ (снова идетъ наборъ лстивыхъ фразъ)"... Таково предисловіе Скарги, посвященное Острожскому. Рѣчь убѣдительная, плавная, строго обдуманная, пересыпанная солью искренняго, неподдѣльнаго чувства любви къ русскимъ,—такая рѣчь не могла не вліять на умы православныхъ, никогда не слышавшихъ въ своихъ церквахъ живого проповѣдническаго слова.—Но перейдемъ къ разбору самаго сочиненія „o jedności kościoła Bożego" и посмотримъ,

какъ Скарга подготовлялъ православныхъ къ принятію пресловутой „jedności“.

Прежде всего ему необходимо было рѣшить для православныхъ вопросъ: гдѣ находится истинная церковь (prawdziwy kościół), въ союзѣ съ которой русскіе могли бы найти свое спасеніе? Какъ вѣрный сынъ папы, Скарга въ 1-й части своего сочиненія открываетъ ту истину, что свойства, опредѣляющія апостольскую церковь, находятся только въ римскомъ костелѣ и что только Западная церковь имѣетъ непрерывное преемство отъ Апостольскихъ временъ въ лицѣ своего папѣ. Доказательства въ пользу этого тезиса, носящія на себѣ чисто догматическій характеръ, не представляютъ собой ничего интереснаго по сравненію съ другими его полемическими сочиненіями на ту же тему.—Слѣдующая (2-я) часть представляетъ для насъ глубокий интересъ: она проливаетъ свѣтъ на отношеніе Скарги къ тому историческому матеріалу, какимъ пользуется онъ для доказательства отступленія Грековъ отъ единства церкви. Вся суть его доказательствъ сводится къ тому, чтобы повліять на умы православныхъ и заронить въ ихъ душѣ сомнѣніе на счетъ истинности восточной церкви. Какіе же приемы употребляетъ для этого Скарга? Онъ знаетъ, что православные смотрятъ на протестантовъ, какъ на еретиковъ, не думающихъ о своемъ спасеніи, что слово „еретикъ“ на языкѣ православныхъ означаетъ погибшаго человѣка. Имѣя все это въ виду, Скарга дѣлаетъ маленькій походъ въ область психологіи русскаго народа. Сравнивая схизматиковъ-отщепенцевъ съ иновѣрцами-еретиками и отдавая первымъ предпочтеніе предъ вторыми, Скарга говоритъ: „всякій еретикъ есть отщепенецъ, ибо отдѣляется отъ главы единой церкви,—но не всякій отщепенецъ есть еретикъ, ибо хотя не признаетъ единой главы Христовой Церкви, все же держится единой общей вѣры со всѣмъ христіанскимъ міромъ. Это-то именно и относится къ православнымъ. Впрочемъ, замѣчаетъ Скарга, и отщепенцы не могутъ имѣть надежды на спасеніе, такъ какъ внѣ римскаго костела нѣтъ этой надежды“...—Предположивъ, что подобные силлогизмы и особенно страхъ потери надежды на спасеніе будутъ дѣйствовать импонирующимъ образомъ на совѣсть православныхъ, Скарга увѣряетъ ихъ, что „Греческая и русская церковь не имѣютъ въ себѣ ни собора святыхъ, ни науки, ни истинныхъ пастырей и что все въ ней испорчено (zepsowane) благодаря отдѣленію отъ римскаго престола“... Далѣе Скарга опредѣляетъ причины отступленія восточной церкви и находитъ ихъ четыре: 1) гордость и высокоуміе царградскихъ патріарховъ, которые, домо-

гаясь первенства среди восточныхъ епископовъ и, встрѣтивъ на своемъ пути противниковъ въ лицѣ папъ, рѣшились сами отступить отъ нихъ; 2) ереси, вымышляемыя на востокъ самими же цареградскими патріархами; 3) тиранія и превышеніе власти царей, которые, не желая переносить за свои проступки внушеній и отлученій со стороны папъ, отторглись отъ Римской церкви и 4) мечь восточныхъ императоровъ за то, что папы отъ времени Карла Великаго короновали западныхъ монарховъ.—Происхожденіе и развитіе этихъ причинъ занимаетъ у Скарги почти весь отдѣлъ, именуемый 2-ю частью. Начиная перечень историческихъ событій съ 4-го вѣка, съ ересей иконоборческой и монофелитской, Скарга прежде всего ставитъ на видъ несправедливое отношеніе къ Риму Фотія и слѣдующихъ за нимъ патріарховъ, которые стали завидовать успѣхамъ латинскихъ миссіонеровъ среди Болгаръ и Славянскихъ народовъ. Далѣе, начиная съ 12 раздѣла, онъ описываетъ вытекавшія отсюда недоразумѣнія и тѣ непріятности, какія терпѣли латиняне въ Палестинѣ отъ Грековъ. Съ особенною силою подчеркиваетъ то обстоятельство, что до Михаила Палеолога литургія была общая по тому самому обряду, какой остается и понынѣ въ Римской церкви и что богослужебнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій. Описавши затѣмъ Флорентійскій Соборъ, Скарга касается догмата о Духѣ Святомъ, объ исхожденіи Его отъ Отца и Сына и въ доказательство истинности латинскаго ученія ссылается на цитаты лучшихъ столповъ церкви: Василия, Аѳанасія, Кирилла, Епифанія и другихъ. Потомъ обращаетъ вниманіе, что на Флорентійскомъ Соборѣ подчинились римской церкви Армяне, Сирійцы и Эѳіопы, религіозная жизнь которыхъ очевидно прекрасно знакома Скаргѣ. Въ 19 и 20 раздѣлахъ той же части Скарга съ особой силой распространяется о новомъ отступленіи Грековъ по примѣру Марка Ефесскаго и говоритъ такъ: „Исидоръ, Митрополитъ Кіевскій, возвратившись изъ Рима, привелъ къ единству съ Римской церковью всѣ русскіе народы, которые жили въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Но когда онъ пріѣхалъ до Москвы, нося съ собою миръ Христовъ, то тамъ уже были опередившіе его отщепенцы Греческой церкви: въ результатъ вышли большіе споры и Исидоръ присужденъ былъ къ строгому темничному заключенію“... Въ качествѣ эпилога къ этой же части, Скарга открываетъ ужасную картину Греческаго отступленія и при этомъ патетически восклицаетъ: „Византія пала вслѣдствіе схизмы и Греческая церковь подпала самому позорному рабству! Турокъ взводитъ и низводитъ патріарховъ! Какіе же это патріархи и какой клиръ возводится ими? Са-

мый необразованный, грубый и развратный... Какова же можетъ быть чистота вѣры и жизни въ той рабской церкви, которая служитъ больше султанамъ и султаншамъ, чѣмъ Христу?—Вдохновеніе не покидаетъ Скаргу и тогда, когда онъ переходитъ къ русскому народу: „русская церковь также стонетъ въ рабствѣ у Московскаго царя (Іоанна IV-го), который по своей прихоти низлагаетъ митрополитовъ и распоряжается церковью, какъ своею рабынею. Въ результатѣ—невѣжество духовенства и варварство, въ силу которыхъ русскіе не считаютъ грѣхомъ—убивать латинянъ... Нѣтъ, не та теперь въ Москвѣ вѣра, какая была у святителей русскихъ—Михаила, Петра и другихъ, жившихъ въ уніи (?) до схизмы при Еленѣ! Нѣтъ у нихъ теперь ни чуда Божія, ни духа любви, ни единенія! Москва и нашу Русь заразила схизмой: и у насъ теперь русская церковь въ рабствѣ, но не у турецкаго султана, а у каждаго пана, который что хочетъ, то и дѣлаетъ съ нею; у насъ рукополагаютъ священниками холоповъ и невѣждъ, которые сами не понимаютъ того, что они въ церкви читаютъ“...

Разсматривая этотъ историческій матеріалъ, скомбинированный опытной рукой Скарги въ стройную и послѣдовательную картину церковныхъ событій, якобы обличающихъ ложь восточной церкви,—мы приходимъ къ тому заключенію, что Скарга прекрасно знаетъ умственное убожество современныхъ ему православныхъ магнатовъ и читающей шляхты, если рискнуть въ доказательство мнимыхъ отступленій восточной церкви ссылаться на историческіе факты, видимо подтасованные въ пользу ихъ.

Третья часть, названная у Скарги „предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу“ и признанная его біографомъ „вдохновеннымъ и трогательнымъ казаніемъ“, представляетъ собою воззваніе, обращенное къ православнымъ. Здѣсь указаны и мѣры, какія необходимо принять къ соединенію русскихъ съ римскою церковью.

Полагая намѣченную унію не въ обрядовой сторонѣ, а въ строгомъ подчиненіи папѣ, Скарга обращается къ русскимъ съ такою рѣчью: „дѣло не въ церемоніяхъ, не въ обрядовой сторонѣ,—безъ этого вѣра можетъ остаться чистой и не поврежденной; дѣло не въ пѣніи аллилуіа, не въ установившихся обычаяхъ, не въ короткихъ или продолжительныхъ постахъ и, наконецъ, не въ бородѣ, которая можетъ быть короткой и длинной,—но вся суть въ вѣрѣ, какая ведетъ насъ къ спасенію... Но у теперешнихъ Грековъ вѣра далеко не та, какая была раньше, когда они жили съ нами въ jedności; теперь они создали для себя другую вѣру, называя насъ еретиками“...

Указавъ на Грековъ, какъ на виновниковъ новой вѣры и новыхъ обрядовъ, Скарга усматриваетъ въ жизни русской церкви три причины, мѣшающія доброму порядку и заботамъ о спасеніи людей: 1) Супружество священниковъ, 2) славянскій языкъ и 3) неповиновеніе духовенству свѣтскихъ людей. „Супружество священниковъ, допущенное восточною церковью, мы не хвалимъ, но въ то же время и не считаемъ его большимъ заблужденіемъ. Но по заповѣди нашего Пана („*na gade Papa*“—какого?), по примѣру святыхъ Божіихъ..., такъ полагаемъ и такъ учимъ, что безбрачное состояніе для священниковъ пристойнѣе и для церкви Божіей доходнѣе... Быть можетъ Греки дѣлали это съ добрымъ сердцемъ: они заботились, чтобы святой священническій чинъ не безчестилъ себя распутствомъ и позоромъ,—но все же они не мудро поступили... Отсюда заблужденія, отсюда небрежность къ церковной наукѣ и къ священному писанію“...—Ратуя за превосходство латинскаго языка предъ славянскимъ, Скарга обличаетъ Грековъ въ хитрости: „какъ жестоко обмануть греками русскій народъ! Почему они, давая имъ св. вѣру, не дали имъ своего греческаго языка? Это понятно. Они оставили ихъ на славянскомъ языкѣ съ тою мыслию, чтобы истинное разумѣніе никогда не давалось имъ... Вѣдь въ мірѣ всего два языка, на которыхъ вѣра проповѣдана по всей вселенной,—это греческій и латинскій. Въѣ этихъ языковъ не можетъ быть никакой науки, а тѣмъ болѣе духовной... Вся наука основана на этихъ двухъ языкахъ и переложить ее на другіе—не возможно... Поэтому человекъ, говорящій только однимъ славянскимъ языкомъ, никогда не можетъ быть ученымъ... Вѣдь другіе языки не имѣютъ у себя ни правилъ (?), ни грамматики и имѣть ихъ не могутъ (?“... Впрочемъ, по увѣренію Скарги, Греки передали русскимъ вѣру на славянскомъ языкѣ не безъ цѣли: они хотѣли скрыть отъ Руси свои заблужденія..., но Богъ наказалъ ихъ за непослушаніе римскому престолу: „на Руси Греческіе патріархи ставятся ни во что,—надъ ними даже издѣваются; Московскіе цари перестали посылать къ нимъ на утвержденіе своихъ митрополитовъ. Царь самъ поставляетъ, самъ наказываетъ, самъ и вмѣшивается во всѣ духовныя дѣла. То же самое и въ низшемъ клирѣ: никто не знаетъ своего мѣста... Вотъ что значить отступленіе отъ старшихъ! Кто старшаго не слушаетъ, тотъ вынужденъ поклониться и меньшему. Смотрите, какъ Цареградскій патріархъ, не пожелавшій поклониться папѣ, поставленному отъ Бога, вынужденъ теперь кланяться туркамъ, ибо безъ нихъ не можетъ быть и патріархомъ! Все это достойно глубокаго сожалѣнія... А тебѣ, русскій народъ, мы показы-

ваемъ все это съ тою цѣлью, чтобы ты, не ожидая ничего добраго отъ Греческой церкви, скорѣе соединился съ намѣстникомъ св. Петра... Этотъ союзъ принесъ бы вамъ много добра и въ дѣлахъ свѣтскихъ: короли польскіе станутъ вамъ больше довѣрять, а земля Литовская поручитъ вамъ свои суды“!...

Сказавъ все, чѣмъ можно было дискредитировать Цареградскаго патріарха и правительство Москвы, Скарга соблазняетъ православныхъ той чудной перспективой, какая ожидаетъ ихъ въ союзѣ съ Римскимъ престоломъ: „миръ и согласіе будутъ царствовать въ русской землѣ тогда, когда митрополиты будутъ поставляться отъ раріежа; тогда всѣ спорные вопросы въ дѣлахъ вѣры улягутся сами собой; тогда русскіе могутъ остаться при своихъ религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ“... Допустивъ русскимъ такую важную и неожиданную уступку, Скарга хладнокровно увѣряетъ, что это разнообразіе не только не мѣшало бы единству вѣры, но, напротивъ, служило бы къ лучшему украшенію церкви: „церковь Божія была бы украшена разнообразіемъ, какъ королева въ многоцвѣтныя одежды“. Приглашая литовско-русскій народъ къ союзу съ Римскимъ престоломъ, Скарга увѣряетъ ихъ, что и „самъ король... отъ всей души желаетъ имъ спасенія“. Всѣ данныя къ союзу на лицо: „языкъ у насъ общій, и милое сосѣдство и, наконецъ, политическое единство. Я знаю, что этому союзу будетъ мѣшать Москва,—но пора вамъ оглянуться и на себя, пора замѣтить, до какихъ злыхъ обычаевъ доходитъ Московское царство.—какъ оно, зараженное грубостью и невѣжествомъ, стоитъ, подобно сиротѣ, въ сторонѣ отъ наукъ,—какъ эта Московская церковь, оставаясь безъ всякаго высшаго надзора и безъ союза съ прочими церквами, покорилась окончательно свѣтской власти... очень легко ты можешь отвалить отъ себя этотъ негодный пенъ“!—Затѣмъ Скарга выражаетъ надежду, что скоро и Москва, обдумавшись, придетъ къ союзу съ Римомъ: „вѣдь дѣдъ нынѣшняго царя посылалъ къ папѣ своихъ пословъ съ заявленіемъ своей покорности и предлагая римской столицѣ нѣкую дань... Папскіе легаты не разъ собирались ѣхать изъ Варшавы къ царю, но къ сожалѣнію, война съ Польшей помѣшала этому союзу“.—Пославъ далѣе упрекъ по адресу прежняго правительства, мало заботившагося объ этомъ союзѣ, Скарга даетъ практическій совѣтъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, какъ Русь привести къ союзу съ Римомъ. „Весьма много подвинули бы мы дѣло соединенія, если бы у насъ было совѣщаніе, доброе обхожденіе, братство съ русскими владыками и сношенія съ панами греческаго обряда. Если бы мы были внимательны, то давно бы имѣли у себя русскія

школы, пересмотрѣли бы всѣ русскія книги и давно бы имѣли своихъ католиковъ, опытныхъ въ ихъ славянскомъ языкѣ. Стѣдовало бы переводить на польскій или русскій языкъ все то, что помогало бы дѣлу уніи и что открыло бы имъ путь къ правдѣ (?). Хорошо бы посылать нашихъ ученыхъ къ передовымъ панамъ русскаго обряда и показывать имъ ихъ заблужденія, а равно и опасность этихъ заблужденій. Необходимо также съ другой стороны, чтобы паны, митрополиты и прочіе владыки, испросивъ разрѣшеніе короля, собирались на сеймики и толковали объ этомъ дѣлѣ; къ нимъ нужно приглашать ученыхъ католиковъ, которые могли бы предложить свои указанія“.

Преподавъ совѣтъ и указавъ планъ, какъ дѣйствовать на пользу уніи, Скарга заканчиваетъ свое сочиненіе патетическою рѣчью, обращенною къ русскимъ отъ лица Греко-Византійской церкви: „О, если бы вы слышали голосъ лучшихъ грековъ, томящихся въ неволѣ! они закричали бы вамъ: вы, остатокъ греческой церкви, счастливые тѣмъ, что ушли отъ турецкой неволи,—не берите себѣ въ наслѣдіе нашихъ грѣховъ и нашего отступленія, ради котораго Богъ наказалъ насъ ужаснымъ плѣномъ! Не будьте такими упорными и гордыми, какими были мы! Покоритесь подъ крѣпкую руку того, кто избранъ самымъ Богомъ! Вѣдь лучше повиноваться намѣстнику Христа, чѣмъ быть въ неволѣ у поганныхъ и кланяться имъ. Смотрите, какъ имя христіанское попирается у насъ! Нѣтъ у насъ теперь ни короля, ни пана, ни пророка, ни доктора, ни свѣдущаго въ законѣ; все это осталось у латинянъ! Обращайте свои взоры туда, откуда раздается хвала Богу, гдѣ процвѣтаетъ богослуженіе, наука и вообще царство Христа... Идите же мои сыны туда, куда перенесена вся благодать Христа! А я, ваша оставленная мать, понесу за свои грѣхи двойное наказаніе—неплодіе и вдовство; грудь моя материнская изсохла, я не могу, больше питать васъ наукой о спасеніи“!...

Вотъ та восторженная рѣчь, какою закончилъ Скарга свое первое для русскихъ сочиненіе.

Здѣсь, повидимому, нѣтъ яснаго и отчетливаго представленія о томъ, въ чемъ именно должна состоять церковная унія съ Римомъ. Тѣмъ не менѣе сущность ея, по понятіямъ самаго Скарги, должна заключаться въ безусловной покорности папѣ и въ принятіи всѣхъ вообще членовъ Римской вѣры. Какъ іезуитъ и искренній папистъ, онъ высоко ставилъ всѣ изобрѣтенія папъ—целебатство, латинскій языкъ и прочія нововведенія, желая ихъ видѣть и у русскихъ людей,—но какъ патріотъ, ищущій для Польши поли-

тической силы и славы, онъ по необходимости допускаетъ возможнымъ оставить Руси ея вѣщныя обряды. Совѣтъ, какъ видимъ, искренній, открытый и обращенный ко всѣмъ. Прекрасно понимая духъ народа, онъ видѣлъ въ сеймахъ дѣйствительно полезную мѣру для взаимныхъ совѣщаній. Такой же мѣрой представляется и другой проектъ—научно-богословское убѣжденіе православныхъ. Расчетъ Скарги удивительно здѣсь вѣренъ: епископы и священники православной церкви, какъ люди, не имѣвшіе богословскаго образованія, неизбѣжно должны будутъ уступить въ научномъ спорѣ болѣе свѣдущимъ католическимъ ученымъ. Очевидно, здѣсь расчетъ не въ исторической или догматической правдѣ, а въ прививкѣ латинскихъ убѣжденій православному духовенству. Тѣмъ не менѣе совѣтъ Скарги является предъ православными въ чистомъ и благородномъ видѣ.

Если принять во вниманіе, что это сочиненіе Скарги и по работкѣ вопроса, и по научной силѣ доказательствъ и, наконецъ, по серьезному, благоразумному тону рѣчи стояло неизмѣримо выше всего того, что было напечатано до 1577 года, то мы не станемъ удивляться тѣмъ симпатіямъ и той популярности, какія Скарга сразу завоевалъ себѣ среди католиковъ и даже многихъ православныхъ. Черезъ 4 года потребовалось второе изданіе и при томъ на русскомъ языкѣ. И это понятно. Краснорѣчіе, кажущаяся историческая обоснованность, неподдѣльная любовь къ своему костелу и умѣнье затронуть наболѣвшія стороны духовной жизни русскаго народа,—все это производило на русскихъ глубокое впечатлѣніе. Ничего подобнаго они не находили въ своей русской богословской литературѣ. Впрочемъ, есть нѣкоторыя данныя полагать, что истинно-образованные русскіе люди дали настоящую оцѣнку труду Скарги. Мацѣевскій рѣшительно утверждаетъ, что „сочиненіе Скарги надѣлало много шума (wzawa); многіе, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Западной Руси читали его и давали на него отвѣды, критикуя далеко nie historycznie писаніе Скарги“¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о научныхъ достоинствахъ этого сочиненія, а равно и о томъ впечатлѣніи, какое оно произвело на современниковъ Скарги, мы должны сказать, что въ трудѣ Скарги довольно ясно начертана та программа, какая легла потомъ въ основу всей дѣятельности какъ самаго Скарги, такъ и всѣхъ сторонниковъ уніи русской церкви съ Римскимъ престоломъ.

Сочиненіе Скарги „o jedności kościoła“ послужило для польскаго католическаго духовенства сильнымъ толчкомъ къ пробужде-

¹⁾ Rychciński, т. I, стр. 289 + Архивъ, т. I, XIV.

нію отъ долгой, глубокой спячки; религіозный индифферентизмъ замѣняется фанатическою ревностью къ интересамъ и славѣ римскаго костела,—начинается серіозное униатское движеніе. Образъ дѣйствій, намѣченный Скаргой въ „jedności kościoła“, становится идеаломъ, къ которому стремятся всѣ, начиная съ Поссевина и кончая послѣднимъ членомъ societatis Jesu. Его сочиненіе становится какъ бы прототипомъ для другихъ такихъ же сочиненій, написанныхъ іезуитами для западно-русскихъ людей. Всѣ истинные паписты и патріоты Польши старались внести и свою лепту въ общую корвану на дѣло сліянія въ церковномъ отношеніи западно-русскихъ областей съ Польскою Короною.

Первымъ средствомъ для проведенія въ сознаніе православныхъ тенденціозныхъ идей латинства избирается печатное и устное слово. Церковная проповѣдь усиливается; главною частью всякаго kazania является полемика противъ православной церкви. Духовенство и іезуиты стараются проповѣдывать теперь не только въ костелахъ, но и на площадяхъ, на торжищахъ и на всякихъ общественныхъ собраніяхъ; вездѣ и всегда іезуиты стараются вызывать православныхъ на открытое собесѣдованіе о предметахъ вѣры,—всѣхъ охватило страстное желаніе наставить схизматиковъ на истинный путь. Пальма первенства и въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ Скаргѣ, внесшему въ гомилетическую польскую литературу самый богатый вкладъ.

Взвѣсивая всѣ стороны жизни и политической дѣятельности Скарги, мы должны сказать, что это былъ человѣкъ по преимуществу Польскій національный проповѣдникъ—kaznodziea. Читая многочисленныя проповѣди Скарги, нельзя не удивляться и въ настоящую пору тѣмъ полетамъ мысли, изяществу слога и той силѣ впечатлѣнія, какими онѣ дѣйствительно обладаютъ. Трудно сказать, долго-ли эти проповѣди сохранятъ за Скаргой славу перваго проповѣдника въ средѣ Польскаго духовенства, но въ настоящее время католическая церковь равнаго ему указать не можетъ. Чтобы понять всю силу проповѣдей этого Польскаго Златоуста и оцѣнить размѣры того вліянія, какое онѣ имѣли на всѣ слои Польскаго королевства, нужно ясно представить себѣ всѣ подробности социальнаго, бытового и политическаго строя Польши конца 16 вѣка. Одинъ изъ современниковъ Скарги, Кромеръ, описываетъ время Сигизмундовъ такими мрачными чертами: раздоры и своеволие шляхты, увеличиваясь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, лишаютъ судебную власть всякой возможности дѣлать свое дѣло, обезпечиваютъ полнѣйшую безопасность бродягамъ и ведутъ Рѣчь По-

сполитую на путь вѣрной гибели. Шляхта не хочетъ знать границъ для своей власти: ни король, ни сенатъ не смѣютъ безъ ихъ позволенія дѣлать никакого постановленія; мало этого они присвоили себѣ право контроля даже надъ самымъ королемъ и задумали устанавливать свои законы въ обрядахъ и церемоніяхъ христіанской вѣры“¹⁾... Никогда, кажется, Польша не переживала болѣе тяжелыхъ временъ, чѣмъ въ эпоху Баторія и Сигизмунда III-го.— Протестантство, усиливая и безъ того вольный духъ народа, породило въ придачу вражду и религіозныя несогласія; вокругъ болѣе знатныхъ магнатовъ группируются вѣронсповѣдныя и политическія кружки,—словомъ Польша, какъ говоритъ Мартинъ Кромеръ, была накануне анархіи. Въ виду этого положеніе проповѣдника, который пожелалъ бы коснуться язвъ своего народа въ эти смутныя времена, было очень тяжелымъ и опаснымъ. Нужно было начать съ домашнихъ дѣлъ и частной жизни и кончить сеймами, сенатомъ и королями. Скарга всецѣло удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ идеальнаго проповѣдника и священника-патріота. Его пламенная любовь къ отчизнѣ и розовыя политическія надежды придавали ему много смѣлости въ борьбѣ съ православіемъ; онъ прекрасно зналъ сочиненія лучшихъ христіанскихъ мыслителей—апологетовъ и не менѣе былъ знакомъ съ ученіями древнихъ греческихъ философскихъ школъ. Но при всей своей научной эрудиціи, при всѣхъ своихъ талантахъ и глубокой памяти, Скарга, по словамъ его біографа, никогда не выступалъ на церковную кафедру безъ подготовки. Всякое свое казаніе онъ тщательно обдумывалъ, переписывалъ и передѣлывалъ по два и по три раза²⁾. Наконецъ, Скарга, какъ видно изъ его рѣчей, былъ глубокий психологъ. Неудивительно поэтому, что его рѣчи производили на слушателей глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Всякій слушатель находилъ мысли Скарги вышедшими* какъ бы изъ тайниковъ собственного сердца; онъ познавалъ самого себя, свои слабости и почерпалъ въ рѣчахъ оратора силу бороться съ собой. Даже и тѣ, которые ненавидѣли его, уважали въ немъ великаго человѣка; кто не могъ терпѣть его убѣжденій, тотъ съ удовольствіемъ противъ своей воли, слушалъ его рѣчи. Вотъ почему сами разновѣрцы прозвали его тираномъ душъ (psychotyranus).—Слѣдуетъ отмѣтить достоинство Скарги, какъ проповѣдника, еще и въ томъ, что его обличительныя рѣчи не знали никакихъ сословныхъ градацій: онъ всѣмъ го-

¹⁾ Rychcicki, т. 2-й, стр. 159.

²⁾ Rychcicki, т. 2-й, стр. 167.

ворить въ глаза правду,—былъ-ли то король, дворяне, послы, бискупы, военные,—всѣмъ онъ указывалъ на ихъ обязанности открыто, прилично и безъ всякихъ обиняковъ. Всякій грѣхъ онъ обличаетъ смѣло и у всѣхъ одинаково возбуждалъ вниманіе къ слушанію священнаго писанія. „Къ слушанію Слова Божія, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, мы должны приступать не съ такимъ расположеніемъ, какъ къ какой нибудь ораторіи, комедіи или лекціи, но какъ къ великому таинству, какъ къ слушанію великаго посла отъ найвысшаго Владыки всего міра“¹⁾... Не было, кажется, ни одной черты въ жизни Польскаго народа, чтобы Скарга не затронулъ ее въ своихъ рѣчахъ; предметы вѣры и нравственности тѣсно переплетались у него съ интересами короля и всего края; всѣ слои общества находили для себя глубокий интересъ въ его проповѣдяхъ,—всѣ спѣшили добратъся до кафедры Скарги, чтобы послушать его,—такъ было сильно впечатлѣніе его рѣчей! Ему обязана вся высшая шляхта своимъ возвращеніемъ къ костелу, ему обязана вся Польша своимъ освобожденіемъ отъ разновѣрцевъ,—ему, наконецъ, принадлежитъ и вся сила того разнообразнаго вліянія на западно-русскій народъ, которая привела его къ уніи—этому любимому дѣтищу политическихъ мечтаній Скарги.—Достаточно вспомнить исторію обращенія въ католицизмъ Радзивилловъ, Дульскаго, Сапѣги и другихъ знатнѣйшихъ фамилій, чтобы понять, какъ Скарга своимъ вліяніемъ на умы передовыхъ людей подготовлялъ почву для прочнаго взохода первыхъ вѣстниковъ религіознаго порабоженія литовско-русскаго православнаго народа. Что въ числѣ слушателей Скарги было не мало православныхъ, что проповѣди его имѣли сильное вліяніе на колебаніе ихъ религіозныхъ убѣжденій, это подтверждаетъ и самъ Скарга въ предисловіи къ своему сочиненію „o jedności kościoła“: „когда я говорилъ проповѣди въ Вильнѣ, то въ костелъ приходило много людей Греческаго Закона,—и вотъ нѣкоторые изъ нихъ выразили свое желаніе, чтобы я далъ имъ свои проповѣди на письмѣ“... Если Скарга имѣлъ такое вліяніе на православныхъ, то что же сказать о шляхтѣ, о знатныхъ магнатахъ, которые имѣли подъ своею властію десятки и даже сотни тысячъ православнаго народа? Фанатическая ревность богатаго шляхтича. наэлектризованнаго горячимъ призывомъ Скарги къ соединенію *narodów Ruskich z kościołem Bożym*, не знала границъ для своего удовлетворенія.

Не здѣсь ли кроется причина того фанатически-враждебнаго отношенія властей и богатой шляхты къ духовенству и православ-

¹⁾ Kazania na niedziele i święta—60-e.

ному народу, когда послѣдніе упорно отстаивали свои схизматическія убѣжденія? Нѣтъ сомнѣнія, что религіозное и политическое положенія западно-русскихъ областей въ концѣ 16 вѣка во многомъ зависѣли отъ Скарги. Онъ поднялъ упавшій духъ польскаго духовенства и укрѣпилъ шляхту въ предданности своему костелу,— онъ сплотилъ всѣхъ въ одну группу и указалъ имъ грандіозную задачу—подавленіе православія и религіозное сліяніе русскихъ съ римскимъ костеломъ. Это казалось ему неизбѣмымъ фундаментомъ политическаго единства той польской короны, которая „имѣетъ двѣ матери—костель Божій и отчизну, соединенныя w jednymъ kościu“¹⁾.

Не удивительно поэтому, что православные магнаты и весь литовско-русскій народъ чутко прислушивались къ рѣчамъ Скарги. Изъ очерковъ западно-русской церкви, приведенныхъ нами выше, мы выдѣли, до какого печальнаго и унижительнаго состоянія доведено было православно-русское духовенство. Оно было невѣжественное, полуграмотное и вполне безконтрольное со стороны цареградскихъ патріарховъ. Слово Божіе и проповѣдь его въ православныхъ храмахъ были въ эту пору въ полнѣйшемъ забвеніи. Высшая іерархія была въ крайнемъ упадкѣ и нисколько не радѣла о паствѣ. Монастыри, разливавшіе нѣкогда въ народѣ религіозный свѣтъ, опустѣли или наполнились шляхтой, разорявшей ихъ угодія и вотчины. Очень естественно, что при такомъ упадкѣ православнаго духовенства многіе сельскіе приходы оставались долгое время безъ пастырей. Между тѣмъ религіозное настроеніе народа, подъ впечатленіемъ постоянныхъ страданій отъ татарскихъ набѣговъ и особенно отъ гнета и тираніи шляхты, достигло высшаго своего развитія. Скарга воспользовался такимъ настроеніемъ православнаго народа: своими рѣчами и примѣромъ онъ воодушевилъ іезуитскихъ миссіонеровъ и польское духовенство на самую усиленную пропаганду католическихъ идей среди русскаго народа. Послѣдній сбѣгался къ миссіонерамъ и съ жадностью слушалъ давно не слышанное имъ Божіе слово. Онъ спѣшилъ исполнить совѣтъ миссіонеровъ—исповѣдываться у нихъ и пріобщаться,—благо, іезуитамъ разрѣшено было отъ папы совершать таинство причащенія по православному обряду. Іезуиты расхажившіеся по селамъ и городамъ, совершали для православныхъ и всякія другія требы. Это случилось особенно въ дни великаго поста, когда народъ былъ усиленно настроенъ къ благочестію и молитвѣ. Народъ видѣлъ превосходство латинскихъ миссіонеровъ предъ своими сельскими іереями,

¹⁾ Przedmowa do kazania na niedziele i święta całego roku (1595).

едва умѣвшими читать славянскую книгу,—онъ удивлялся торжественной обстановкѣ католическаго богослуженія,—онъ слышалъ за всякой службой проповѣди іезуитовъ,—спрашивается: могъ ли онъ не колебаться на счетъ истинности своей церкви?

Такъ подъ давленіемъ опытной руки Скарги, благодаря стараніямъ іезуитовъ, готовилась унія среди православныхъ въ Литвѣ, на Волыни и на Украинѣ. Что касается православной шляхты и аристократовъ, то они легко поддавались вліянію іезуитовъ и еще легче влекли за собой цѣлыя тысячи крестьянъ, населявшихъ ихъ имѣнія. Такъ совратились въ латинство князья Вышневецкіе, Збаржскіе, Олельковичи, Сѣмашки и другіе.

Вліяніе Скарги на подготовку умовъ въ средѣ православнаго народа не ограничилось сферой іезуитскихъ миссіонеровъ и латинскаго духовенства. Ему нужно было воодушевить надеждой и возбудить къ серьезной дѣятельности многихъ вліятельныхъ особъ, имѣвшихъ значеніе какъ при дворѣ, такъ и среди знатнѣйшихъ магнатовъ. И онъ достигъ этого съ большимъ успѣхомъ.—Первымъ дѣятельнымъ помощникомъ и ученикомъ Скарги выступаетъ Поссевинъ. Мы видѣли уже, какъ онъ, потерпѣвъ неудачу при дворѣ Грознаго въ Москвѣ, не терялъ все таки надежды на то, что схизматики бросятъ свое упорство и признаютъ надъ собою власть папы. Помогая Скаргѣ въ его литературныхъ трудахъ, онъ успѣлъ напечатать въ Вильнѣ нѣсколько униатскихъ сочиненій,—такъ напри-
мѣръ: а) Исповѣданіе вѣры—Геннадія Схоларія, б) Катехизисъ іезуита Канизія, в) Возраженія Өомы Аквитанина противъ схизмы, г) Буллу Евгенія IV на Флорентійскую унію; наконецъ, ему же приписываютъ инициативу исправленія и передѣлки по латинскимъ образцамъ русскихъ богослужебныхъ книгъ и патериковъ. Впрочемъ, трудно доказать, чтобы послѣднее было сдѣлано подъ редакціей одного и того же лица; здѣсь сказалось общее направленіе тогдашняго іезуитскаго вліянія, захватившаго всѣ слои какъ католическаго, такъ и православнаго общества.—Вліяніе Скарги сильно сказалося и на планѣ Поссевина объ уніи. Разница лишь въ томъ, что Скарга въ своемъ сочиненіи „o jedności kościoła“ выступаетъ какъ полякъ, патріотъ и папистъ, а Поссевинъ строить свои планы только какъ папистъ. „Кажется, говоритъ Поссевинъ, выгодно постепенно привлекать русскихъ къ католической вѣрѣ, дозволивъ имъ удержать свои обряды и богослуженіе, а впослѣдствіи убѣдить къ принятію богослужебныхъ обрядовъ римской церкви. Епископы юго-западной Россіи могутъ совѣтывать священникамъ не вступать въ бракъ,—но если бы эти послѣдніе не соглашались

на это, то можно дозволить имъ бракъ по греческому обряду; дозволено, если они примуть ученіе католической церкви“¹⁾. Далѣе Поссевинъ говоритъ: „можно попустить въ западной Россіи на время богослуженіе на греческомъ языкѣ,—еще лучше на славянскомъ; это будетъ тѣмъ удобнѣе, что дастъ возможность мало по малу незамѣтно перевести русскихъ отъ собственныхъ ихъ обрядовъ и несовершенныхъ къ болѣе совершеннымъ латинскимъ²⁾. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку проэкта Поссевина, скажемъ лишь то, что онъ дѣятельно хлопоталъ о мѣрахъ соединенія церквей—католической и православной и на этомъ поприщѣ шелъ рука объ руку со Скаргой. Впрочемъ, у Скарги кромѣ Поссевина были еще и другіе помощники. Такъ, ректоръ Ярославльскаго іезуитскаго коллегіи, Гербестъ издалъ ученые, увѣсистые фоліанты о Флорентійскомъ соборѣ; князь Альбрехтъ Радзивиллъ взялся переводить сочиненія какого-то французца о томъ же соборѣ;—проповѣдникъ Баторія Мартинъ Латерна раздѣлялъ труды Скарги при костелѣ св. Варвары,—словомъ, пропаганда латинства въ видѣ всякихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій съ предисловіями и послѣсловіями была въ это десятилѣтіе (1576—1586) въ большомъ ходу. Страсть писать, переводить и вообще трудиться на пользу просвѣщенія западно-русскихъ людей въ духѣ католической церкви охватила не только іезуитовъ и духовенство, но даже магнатовъ и небогатую шляхту. Такъ образовалась католическая коалиція, объявившая православію рѣшительную и ужасную войну. Не удивительно, что эта тайная и явная латинская рать, призванная къ жизни силою воли одного человѣка, достигла, наконецъ, той цѣли, какая была поставлена впереди: православные люди, не твердые въ своей вѣрѣ, прониклись іезуитскими взглядами на унию; они смотрѣли на нее, какъ на древне-историческое достояніе своихъ предковъ, какъ на лучшую форму церковной жизни. Въ этомъ состояли подготовительныя работы къ униі, начатыя Скаргой чуть ли не за 20 лѣтъ до ея осуществленія. Труды Скарги и его помощниковъ въ царствованіе Стефана Баторія, какъ увидимъ ниже, даромъ не пропали. Но прежде чѣмъ раскрыть дальнѣйшую дѣятельность Скарги на пользу униі до Брестскаго собора, мы должны дополнить картину соображенія православныхъ въ латинство разсмотрѣніемъ тѣхъ средствъ, къ какимъ прибѣгали іезуиты для перерожденія христіанина въ паписта.

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Акад. за 1865 г. Апр., стр. 537. Дахновичъ. „Іезуитъ Ант. Поссевинъ“.

²⁾ Журн. Мпн. Нар. Пр. за 1871 г. Сент., стр. 29.

Мы видѣли, какъ Скарга и его помощники проповѣдями, рѣчами, сочиненіями и всякими переводами возбудили въ шляхетскомъ населеніи духъ исключительнаго латинства. Но этотъ духъ и это фанатическое рвеніе къ латинству поддерживались и усиливались не отдѣльными личностями, а цѣлой корпораціей іезуитовъ, для дѣятельности которыхъ была выработана Скаргой особая педагогическая система. Въ то время, когда столпы этого братства—Скарга, Варшевицкій, Латерна и другіе, давая тонъ и направленіе всему уніатскому движенію, проникали въ дома богатѣйшихъ магнатовъ для совращенія ихъ въ латинство (Сапѣгъ, Ходкевичей и множ. другихъ),—всѣ члены іезуитской корпораціи, числомъ около ста должны были работать среди народа и мелкой шляхты. Это былъ своего рода крестовый походъ противъ вѣры и народности западно-русскихъ людей. Они не ограничивались совращеніемъ извѣстныхъ лицъ въ латинство,—они проникали въ семью, дѣлались ея духовниками, совѣтниками, утѣшителями и друзьями,—они управляли всѣмъ строемъ ихъ домашней жизни и, главное,—все это у іезуитовъ носило строго-религіозный колоритъ. Воспитаніе шляхетскихъ семействъ іезуиты начинали съ матерей семействъ, какъ болѣе впечатлительныхъ и мало образованныхъ въ данное время. Вся цѣль ихъ вліянія сводилась къ тому, чтобы жизнь этой семьи протекала въ извѣстныхъ рамкахъ, неизбежно развивавшихъ крайній религіозный фанатизмъ. Тутъ примѣнялись обѣты, усиленные молитвы, духовныя экзерциціи и всякія епитиміи. Дѣло подобнаго воспитанія заканчивалось веригами, желѣзами, бичеваніями и сѣченіями до крови, до изнуренія силъ. Чтобы поддержать истинно-латинскій духъ въ совращеніяхъ, іезуиты развозили по городамъ и селамъ всякія реликвіи и частицы какихъ-то мощей, приписывая имъ силу амулетовъ и талисмановъ. При всѣхъ іезуитскихъ коллегіяхъ, открытыхъ Скаргой, стали изготовлять массу лѣпныхъ изображеній и статуэтокъ съ приложеніемъ различныхъ стишковъ, чтеніе которыхъ давало исцѣленіе отъ недуговъ и избавляло отъ напастей и бѣдъ ¹⁾. Главное зло всѣхъ этихъ мѣръ заключалось въ томъ, что онѣ прокладывали для іезуитовъ дорогу къ вмѣшательству во всѣ политическія дѣла, въ раздачу должностей и чиновъ и что такимъ путемъ былъ созданъ въ Польшѣ крайній религіозный фанатизмъ. Результаты послѣдняго въ западно-русскомъ шляхетствѣ обнаружили очень скоро: 1590 годъ даетъ сразу три факта самаго лютаго фанатизма. Аристократка Екатерина Мацѣвская, въ

¹⁾ Rostowski, 52.

порывѣ латинскаго благочестія, заставила всю мелкую шляхту и крестьянъ перекрещиваться у патеровъ, выгнала изъ своихъ земель православное духовенство, отнимала у родителей дѣтей, крещенныхъ по православному обряду и выжигала на ихъ тѣлахъ православное миропомазаніе раскаленнымъ желѣзомъ. Этотъ фактъ подтверждаютъ сами же іезуиты ¹⁾. Другая же аристократка Анна Ходкевичева, изъ фамиліи Острожскихъ, воспитывала у себя православныхъ дѣвицъ въ латинскихъ подвигахъ специально съ тою цѣлью, чтобы, выдавши ихъ замужъ за русскихъ, совращать послѣднихъ въ латинство. Третья—крадетъ гробы своихъ православныхъ предковъ и переноситъ ихъ въ іезуитскіе костелы лишь потому, что іезуиты увѣрили ее въ желаніи этихъ покойниковъ быть въ мирѣ съ римскимъ престоломъ ²⁾.

Не меньшее вниманіе Скарга обратилъ и на преобразование латинскаго клира въ католическихъ приходахъ западно-русскихъ областей. Въ житіи святыхъ, на день 3 Stycznia, мы находимъ открытое обличеніе пороковъ тогдашняго католическаго духовенства: „мы желаемъ снискать въ средѣ прѣстоломъ народа великое вниманіе, мы желаемъ считаться великими теологами и ищемъ не душъ, испушенныхъ кровію Христа, а своихъ личныхъ интересовъ ³⁾... И дѣйствительно, мы видимъ, что іезуиты мало по малу проникали въ управленіе всѣхъ значительныхъ епархій Литвы; они скоро подняли энергію епископовъ и возбудили у нихъ интересъ къ пропагаторскимъ цѣлямъ латинства. Ничто въ польской церкви не оставлено Скаргой безъ особаго вниманія, все подвергалось въ ней самымъ существеннымъ переменамъ. Ревность Скарги была изумительна: онъ могъ въ одинъ день произносить нѣсколько проповѣдей, выслушивалъ десятки исповѣдниковъ, бывалъ въ совѣтѣ епископовъ, велъ корреспонденцію съ резиденціями и подчиненными ему коллегіями, управлялъ академіей, писалъ сочиненія и находилъ время для посѣщенія вліятельныхъ магнатовъ. Энергія Скарги сообщалась и всему католическому духовенству: оно стало смотрѣть на латинство, какъ на государственную вѣру, имѣвшую исключительное право на покровительство закона. Такъ возрасталъ религіозно-фанатическій духъ польскаго духовенства, доведшій ихъ до такихъ постыдныхъ дѣяній, какъ публичное сожженіе еретическихъ книгъ на площадяхъ и рынкахъ. Впослѣдствіи епископы Протасевичъ и Юрій Рад-

¹⁾ Niesiecki.

²⁾ А. Демьяновичъ. Ж. М. Н. Пр. за 1871 г. Сент., стр. 37.

³⁾ Żywoty świętych, na dzień 3 Stycznia.

живилъ стали даже запрещать протестантамъ нести по городу своихъ покойниковъ; въ результатъ происходили уличныя драки, схватки и даже убійства ¹⁾. Но никто не могъ сказать, что виновникомъ всего этого фанатизма былъ Скарга или корпорація іезуитовъ. Вездѣ, гдѣ только фанатизмъ оканчивался взрывомъ народныхъ страстей, тамъ іезуиты ступшевывались и тщательно скрывали свои слѣды. Въ своихъ проповѣдяхъ Скарга съ презрѣніемъ говорилъ о всякомъ насиліи совѣсти православныхъ,—онъ ратовалъ за свободное обращеніе въ латинство—но мы не находимъ въ его дѣятельности ни одного факта, которымъ бы онъ заявилъ себя дѣйствительнымъ поборникомъ правды и покровителемъ гонимыхъ за вѣру. Онъ былъ очень близокъ къ Баторію, а еще больше къ Сигизмунду; оба они относились къ Скаргѣ, какъ къ своему совѣтнику, наставнику и другу. Несомнѣнно, Скарга зналъ о тѣхъ насиліяхъ и притѣсненіяхъ, какія дѣлались сплошь и рядомъ въ западно-русскихъ областяхъ. Онъ, какъ вице-провинціалъ всѣхъ Польскихъ іезуитовъ ²⁾, какъ могущественный духовный сановникъ при дворѣ короля, могъ бы наложить свою руку на низкія дѣйствія іезуитовъ, могъ бы измѣнить или даже ослабить эту грубую травлю на православіе и русскую народность,—но онъ этого не дѣлалъ, да и не могъ дѣлать. Кто, какъ не Скарга воспламенилъ у іезуитовъ этотъ дикій патріотизмъ? Кто развилъ въ нихъ духъ религіознаго фанатизма и нетерпимости ко всему тому, что не подходило подъ режимъ іезуитскихъ идей? Кто какъ не Скарга своими рѣчами, артикулами, сочиненіями и отповѣдями объединилъ въ латинствѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ политическія надежды шляхты, связавъ ихъ самымъ тѣснымъ узломъ съ интересами Польши? Не себѣ и не своимъ убѣжденіямъ іезуиты обязаны тѣмъ религіознымъ насиліемъ какое они проводили въ западно-русскихъ областяхъ, а исключительно предначертаніямъ, указаніямъ и идеямъ Скарги. Іезуиты лишь добросовѣстно исполняли ту миссію, какую Скарга указалъ всѣмъ польскимъ патріотамъ въ „jedności sościola“ и какую широко раскрылъ въ своихъ проповѣдяхъ и мелкихъ статьяхъ. Онъ далъ идею,—іезуиты исполнили ее; онъ далъ планъ, они реализировали его. Кому, поэтому, какъ не Скаргѣ слѣдуетъ приписать мудрую инициативу и всю тактику подготовительныхъ работъ къ уніи въ западно-русскихъ областяхъ?

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. за 1871 г. Авг, стр. 223.

²⁾ Rychcicki, II, стр. 8.

Въ заключеніе дѣятельности Скарги въ царствованіе Баторія на пользу униі, намъ остается сказать еще о томъ, что сдѣлано Скаргой для болѣе пышнаго развитія своихъ церковныхъ обрядовъ. Благодаря сильному увеличенію матеріальныхъ средствъ, іезуитскій орденъ прекрасно обставилъ свои костелы богатыми иконами, чудными облаченіями и прекрасною утварью. Во всѣ большіе праздники стали совершаться пышныя церемоніи и крестные ходы. Въ такихъ случаяхъ допускалось все, что могло такъ или иначе вскружить голову схизматикамъ: салюты, колокольный звонъ, иллюминація, музыка, пѣніе, участіе ангеловъ, роль которыхъ исполняли переодѣтые ученики іезуитскихъ коллегій, наконецъ, величественныя статуи и разноцвѣтныя знамена. Все это невольно располагало не твердыхъ въ вѣрѣ православныхъ въ пользу пышнаго латинскаго богослуженія. Но этого мало. Іезуиты устроили въ Вильнѣ, въ четырехъ концахъ города четыре престола, украсивъ ихъ иконами, вензелями, цвѣтами, коврами и множествомъ зажженныхъ свѣчей. Были избраны особые, нарочитые дни въ честь этихъ престоловъ; церемоніальныя службы и крестные ходы привлекали сюда многочисленныя толпы православныхъ, протестантовъ и разныхъ иновѣрцевъ; даже евреи и татары выходили на улицы тысячами посматрѣть на небывалое чудо.

На чьей же обязанности лежало устройство всѣхъ этихъ церемоній? Кому принадлежитъ инициатива подобныхъ приманокъ?

Здѣсь выступаетъ на сцену новая корпорація, но во главѣ ея стоитъ тотъ же неизмѣнный Петръ Скарга. Онъ призвалъ къ жизни три новыхъ общества, назвавъ ихъ братствами Евхаристіи, Милосердія и Маріи; послѣднія два были учреждены при костелѣ св. Іоанна. Не меньшее участіе въ тѣхъ же церемоніяхъ принимали ученики Виленской академіи, управляемой Скаргой. Пѣніе, чтеніе, декламація стиховъ, діалоги, роль ангеловъ и херувимовъ,—всѣ эти нелегкія операціи съ удивительнымъ изяществомъ исполняли воспитанники Скарги. Мы уже говорили, что всѣ коллегіи, открытыя Скаргой имѣли своею цѣлью развитіе въ молодомъ поколѣніи болѣзненную привязанность къ латинству и фанатическую ненависть къ еретикамъ. Мы не станемъ останавливаться на тѣхъ учебныхъ и педагогическихъ приѣмахъ, которые были выработаны Скаргой для іезуитскихъ школъ,—не будемъ говорить и о тѣхъ мѣрахъ, какія ввелъ Скарга для привлеченія въ свои школы возможно большаго количества православныхъ дѣтей,—для насъ важенъ лишь тотъ процессъ, при посредствѣ котораго школы превращали православныхъ въ латынянъ. Чтобы уничтожить въ православныхъ дѣ-

тяхъ привязанность къ вѣрѣ своихъ отцовъ, для этого была указана цѣлая система насильственныхъ мѣръ: въ школахъ насмѣхались надъ обрядами православной церкви, представляли ихъ въ комическомъ видѣ на сценѣ, унижали предъ ними православныхъ „хлопскихъ поповъ“, пускали въ среду учениковъ пасквили на лучшихъ представителей православной церкви особенно на монаховъ и архіереевъ. Чтобы привлечь православныхъ дѣтей въ свои школы, іезуиты прибѣгали иногда къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ учебныхъ предметовъ. Такъ въ Полоцкѣ и Вильнѣ они открыли бесплатныя школы ruskiego czytania, гдѣ „съ науками и черезъ науки старались привить дѣтямъ духъ католической набожности и вѣры“ ¹⁾... Несомнѣнно, что все это губительно дѣйствовало на впечатлительную натуру дѣтей; они отрекались отъ православія, презирали его и переходили въ латинство.

Таковы были плоды школъ и коллегій, открытыхъ стараніемъ Скарги въ лучшихъ городахъ Литвы! Эти школы выпустили цѣлую армію искреннихъ фанатиковъ, вошедшихъ въ ряды враговъ и притѣснителей русской народности и православной вѣры.

¹⁾ Zalewski, Iezuici w Polsce, т. I, ч. I, стр. 377.

IX.

Дѣятельность II. Скарги на пользу уніи въ царствованіе Сигизмунда III-го.

Приступая къ обзорѣннѣ дѣятельности Петра Скарги на пользу уніи въ царствованіе Сигизмунда III-го, мы должны замѣтить, что всѣ историческія данныя, уясняющія личное и непосредственное участіе Скарги въ этомъ дѣлѣ, тѣсно связываютъ имя его съ именемъ новаго короля Сигизмунда III-го. Воспитанникъ іезуитовъ и другъ Скарги, Сигизмундъ является ближайшимъ помощникомъ и вѣрнымъ исполнителемъ всѣхъ его начинаній. Отсюда вытекаетъ для насъ необходимость представить личную характеристику Сигизмунда и его отношеній къ іезуитамъ: это окажетъ намъ не малую услугу въ дѣлѣ критической оцѣнки всякаго рода архивныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи Скарги на ходъ уніи до и послѣ Брестскаго собора.

По смерти Баторія началась тяжелая пора безкорольевья, продолжавшаяся болѣе шести мѣсяцевъ. Избирательный сеймъ раздѣлился на три партіи. Одна, состоявшая преимущественно изъ диссидентовъ, желала видѣть на престолѣ Московскаго царевича Теодора, полагая, какъ говоритъ Рыхцицкій ¹⁾, воспользоваться его слабостью волей для расширенія своихъ диссидентскихъ правъ. Вторая партія, предводимая Зборовскими и Гуркой, прочила на польскій престолъ Австрійскаго принца Максимилиана; она руководствовалась исключительно ненавистью къ старой придворной партіи и стремленіемъ создать ей оппозицію и, наконецъ, третья, во главѣ съ Замоискимъ, видѣла спасеніе отчизны въ избраніи Шведскаго коро-

¹⁾ Rychcicki, т. 2-й, стр. 6.

левича Сигизмунда, какъ истиннаго потомка Ягелловъ. Іезуиты, безъ сомнѣнія, хотѣли видѣть Сигизмунда на королевскомъ тронѣ,—но время третьяго безкоролевья было слишкомъ для нихъ тревожно. На сеймахъ стали раздаваться сильные голоса противъ іезуитовъ и въ пользу ихъ изгнанія изъ Западной Россіи. Естественнo, іезуиты должны были притихнуть, занять нейтральное положеніе и не обнаруживать къ той или другой партіи ни малѣйшихъ симпатій.—Печальный конецъ этого безкоролевья—извѣстенъ: въ августѣ на Варшавскомъ сеймѣ были избраны два короля—Сигизмундъ и Эрцгерцогъ Максимилианъ. Конецъ борьбы этихъ двухъ партій и ихъ кандидатовъ прекрасно рисуешь дикіе нравы шляхты тогдашней Польши. Въ эту борьбу энергично вмѣшалась Анна Ягеллонка и употребила все мѣры, чтобы отстоять права Сигизмунда. Замойскій, стоявшій на сторонѣ Сигизмунда, собралъ сильное войско и въ предѣлахъ Силезіи подъ Бычиной нанесъ Максимилиану рѣшительное пораженіе. Максимилианъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Сигизмундъ, успѣвшій въ Краковѣ короноваться, возшелъ на польскій престолъ.

Личность этого короля, опозореннаго всеми писателями, дѣйствительно носить на себѣ отпечатокъ самаго отвратительнаго іезуитскаго вліянія, какое только можетъ отразиться на заурядной и небогатой отъ природы натурѣ. Извѣстно, что мать Сигизмунда, королева Екатерина Ягеллонка, отдавшаяся въ безусловное повиновеніе іезуитамъ, находила все счастье своей жизни въ сферѣ іезуитскихъ экзерцицій. Неудивительно поэтому, что и Сигизмундъ сталъ жертвой тѣхъ же іезуитовъ. Съ трехъ лѣтъ началось его воспитаніе въ духѣ крайняго фанатизма подъ руководствомъ цѣлаго ряда знаменитѣйшихъ іезуитскихъ учителей—Высоцкаго, Мацѣевскаго и Варшевицкаго. Отроческіе годы Сигизмунда протекли вполне безотрадно: вмѣсто семьи отца и матери его окружали іезуиты; онъ не зналъ ласкъ своего отца, который чуждался всякаго вліянія на воспитаніе своего сына. Мать, изнуренная непомѣрными экзерциціями іезуитовъ, потерявшая всякій интересъ къ жизни и молившая на своихъ учителей,—могла ли эта мать вмѣшиваться въ пріемы воспитанія и образованія своего сына и вліять на складъ его душевной жизни? Прекрасную характеристику Сигизмунда мы находимъ у Рыхцицкаго. Онъ описываетъ его такими словами: „добрый сердцемъ и очень набожный, онъ былъ человѣкомъ честнымъ,—но при этомъ замѣчались у него слѣдующіе пороки: чрезвычайно флегматичный, лѣнливый, въ важныхъ дѣлахъ не рѣшительный, не увѣренный въ самомъ себѣ и неимовѣрно упрямый въ своихъ взгля-

дахъ. Это былъ человѣкъ не сообщительный и замкнутый въ самомъ себѣ; онъ производилъ на окружающихъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Замойскій въ первое свиданіе называетъ его пѣвымъ дьяволомъ (*nieme dyable*)¹⁾. Его симпатіи къ іезуитамъ Рыхцицкій опредѣляетъ такими словами: „онъ до того любилъ *towarzystwo Jezusowe*, что слово іезуитъ стало какъ бы необходимою принадлежностью его имени“²⁾. Не удивительно поэтому, что Сигизмундъ, будучи 13-лѣтнимъ мальчикомъ, присягнулъ Высоцкому на св. дарахъ, что онъ никогда не станетъ принимать причащенія подъ двумя видами, т. е., что онъ навсегда останется крайнимъ папистомъ. Таковы были убѣжденія, привычки и характеръ Сигизмунда, когда онъ былъ избранъ на польскій престолъ. Іезуитамъ не нужно было теперь хлопотать о томъ, чтобы заслужить довѣріе и расположеніе новаго короля; тѣмъ не менѣе они отпраздновали его вступленіе на престолъ самымъ торжественнымъ богослуженіемъ и приготовили ему чрезвычайно пышный вѣздъ въ Вильну. Съ башенъ триумфальныхъ воротъ, устроенныхъ на этотъ случай, студенты академіи, нарядившись ангелами, съ восторгомъ встрѣчали вѣзжавшаго короля пѣніемъ и стихами. На парадной аудіенціи, данной академической корпораціи, послѣдняя сказала королю великолѣпную рѣчь, въ которой были приписаны Сигизмунду и мудрость Соломона и доблести Александра и другія безчисленныя геніальныя черты. На другой день Сигизмундъ, посѣщая академію, былъ очень польщенъ написанными въ честь его по стѣнамъ стихами на различныхъ древнихъ и новыхъ языкахъ. Все это чрезвычайно радовало Сигизмунда и онъ не зналъ, какъ выразить іезуитамъ свою благодарность. Съ этихъ поръ Сигизмундъ окончательно предался въ руки іезуитовъ и до самой смерти оставался ихъ покорнымъ слугою. Но лица, окружавшія Сигизмунда и располагавшія его въ пользу іезуитовъ (Голынский, Латерна, Соколовскій и другіе) совершенно блѣднѣютъ и исчезаютъ предъ личностью Петра Скарги, который въ теченіе 24-лѣтъ лѣтъ своей жизни при Сигизмундѣ (1587—1611) является безсмѣннымъ сотрудникомъ его во всѣхъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ; онъ раздѣляетъ съ нимъ радости успѣховъ латинства и горечи частыхъ возмущеній, вытекавшихъ изъ недовольства существующимъ государственнымъ режимомъ. Скарга до того былъ близокъ къ королю, что послѣдній жилъ его идеями, мыслями и убѣжденіями. Достаточно прочесть

¹⁾ Rychcicki, т. 2, стр. 13.

²⁾ Ibid.

официальные акты, грамоты и письма, касавшіеся уніатскаго вопроса, чтобы понять, что они диктованы не Сигизмундомъ, а авторомъ *jedności kościoła*, что Скарга дѣйствительно былъ умомъ, словомъ и перомъ, а не проповѣдникомъ только своего короля. Воспитанный на іезуитскихъ началахъ, съ болѣзненно-религіознымъ складомъ мыслей и чувства, съ искреннею ненавистью къ иновѣрцамъ, Сигизмундъ не умѣлъ различать, гдѣ у него оканчивается патріотизмъ и гдѣ начинается крайнее папское латинство. Онъ быстро усвоилъ себѣ наставленія Скарги, что спасеніе Польской Короны и ея внутреннее процвѣтаніе возможны лишь тогда, когда уничтожены будутъ въ государствѣ всѣ нововѣрія и когда русско-литовскій народъ сольется съ Польскимъ, принявъ единую, истинную латинскую вѣру. Лучшимъ доказательствомъ вліянія Скарги на Сигизмунда въ свѣтскихъ дѣлахъ можетъ служить его же *odrzwiedz na artykul o jezuitach*¹⁾. Въ ней авторъ самъ разбираетъ четыре обвиненія, возводимыя противъ іезуитской корпораціи, иначе говоря, противъ самаго себя, какъ вице-провинціала всѣхъ польскихъ іезуитовъ. Обвиненія, бросаемыя шляхтой, заключались въ слѣдующемъ: 1) что іезуиты вмѣшиваются въ свѣтскія дѣла, 2) что они протезируютъ своимъ приверженцамъ при избраніи на государственныя мѣста, 3) что іезуиты касаются въ своихъ рѣчахъ не относящихся къ нимъ общественныхъ вопросовъ и 4) что они встаютъ противъ существующихъ въ странѣ порядковъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы еще коснемся этой рѣчи, когда будемъ анализировать вліяніе Скарги на теченіе общегосударственныхъ дѣлъ Польши. Теперь же мы отмѣчаемъ лишь тотъ фактъ, что всѣ эти обвиненія касались исключительно Скарги и его придворныхъ агентовъ, вмѣшивавшихся въ свѣтскія дѣла. Пользуясь близостью и защитой короля, Скарга открыто съ 1590 года возбуждаетъ у шляхты ненависть къ еретикамъ, ловко прикрываясь туманно-сотканнымъ фразерствомъ на счетъ духовной войны. Вотъ образчики его рѣчей: „О, бискупы, о святые отцы; Встаньте на войну противъ еретиковъ, которые губятъ васъ въ Божьемъ костелѣ! Готовьте войско, дайте ротмистрамъ деньги, одѣньте своихъ каедральныхъ и коллегіальныхъ прелатовъ въ броню чистоты... Это наше войско, къ этой войнѣ мы возбуждаемъ и весь людъ“¹⁾. Въ другой разъ на Варшавскомъ сеймѣ, Скарга, нарисовавъ слушателямъ мрачную картину совмѣстной жизни съ разновѣрцами, такъ говоритъ о нихъ:

¹⁾ Upominanie do Ewangelikow, стр. 413 (*Kazania przygodne...* 1610. Krakow).

„единство вѣры усиливаетъ государственное согласіе, а ереси и разныя нововѣрія раздѣляютъ королевство и, раздѣляя, губятъ его... Мы знаемъ, что Израильское царство погибло вслѣдствіе отступленія Іероваама отъ вѣры отцовъ,—то же мы можемъ сказать и о своемъ королевствѣ; если вы дадите свободу многимъ вѣрамъ, то раздѣлите свое королевство и обезсилите его“ ¹⁾... Какъ ловко Скарга сводилъ свои проповѣди на политическую почву, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: „Не наводите на насъ Божьяго гнѣва и гибели на отчизну и на наше королевство! такъ обращается Скарга къ разновѣрцамъ. Вспомните, какъ аріане и всякіе отщепенцы привели на древнюю христіанскую церковь сарацинъ! Почему теперь Греція, Азія, Египеть, Африка и другія великія королевства (?) бѣдствуютъ во власти невѣровъ? А потому, что люди, именующіе себя христіанами, отступились отъ христіанскаго Бога и избрали себѣ Аріанское, Македонское, Несторіанское и другія лжеученія и отступленія отъ единства церкви“ ²⁾...

Какъ видимъ, рѣчи Скарги чрезвычайно безыскусственны и просты; въ нихъ чувствуется суровая жизнь автора и его непреклонная воля. Мягкая, ласкающая и трогательная въ призывахъ къ латинскому „nabożenstwu“, рѣчь Скарги становится вдругъ грозной и беспощадной, когда онъ касается разновѣрцевъ и ихъ отступленій отъ Рима. Касаясь вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, онъ придавалъ имъ общественный смыслъ; бичуя народныя страсти, онъ стремился въ то же время поднять въ полякахъ и ихъ національный духъ. Въ этихъ случаяхъ онъ становился истинно-краснорѣчивымъ. Отличительной чертой всѣхъ рѣчей и проповѣдей Скарги къ концу девяностыхъ годовъ является его способность ловко и чрезвычайно удачно выводить всѣ недостатки государственнаго строя изъ множества религіозныхъ ученій, какъ слѣдствіе изъ многихъ причинъ. Гражданскія смуты, вражду и несогласія на сеймахъ,—все это Скарга ставилъ въ зависимость отъ одной причины и этой причиной были секты и отщепенства (*herezye i odszepieństwo*). „О, милые и славные паны! взывалъ Скарга на одномъ изъ сеймовъ; не раздѣляйте между собой трехъ настѣдій—религій, короля и отчизны. Вѣра должна быть одна, а не двѣ или три. Вы раздѣлили ее, а потому утратили и забыли, а безъ одной общей вѣры,—какъ можетъ быть согласіе въ государствѣ“ ³⁾? Чтобы лучше повліять на умы своихъ

¹⁾ Kazanie „jako katolicka wiara policyi i królestw...“ 64 стр. (Krakow, 1857).

²⁾ Kazania przygodne, т. I, 1608, Polock, стр. 179.

³⁾ „O Zgodzie Domowej“ (Krakow, 1857), стр. 40.

слушателей, онъ принялся строить на мистической почвѣ самыя грозныя пророчества о судьбахъ Польши, предсказывая ея близкое паденіе, какъ слѣдствіе религіозныхъ раздоровъ. Его рѣчи, въ духѣ ветхо-завѣтныхъ пророковъ, о цѣняхъ рабства, о неволѣ, о горькой долѣ женъ, мужей и матерей, поражали слушателей своей грозной картиной и наводили на нихъ неописанный страхъ. Скарга пользовался неестественнымъ настроеніемъ своихъ слушателей въ такія минуты и, наполняя душу страхомъ паденія своей отчизны, направлялъ всѣ помыслы ихъ къ религіозному единству. Послѣднее онъ ставилъ источникомъ счастья Рѣчи Посполитой. Заговоривъ о единствѣ вѣры, Скарга убѣждалъ поляковъ, что Господь ихъ избралъ, какъ новаго Израиля среди другихъ славянскихъ племенъ, что Богъ обѣщаетъ имъ великій жребій—быть оплотомъ христіанства отъ турокъ и татаръ и что Польша станетъ нѣкогда новымъ Іерусалимомъ, послѣднимъ великимъ королевствомъ Европы ¹⁾).

Такъ манилъ Скарга дворъ, шляхту и короля въ невѣдомую даль, показывалъ имъ сказочное царство и требовалъ отъ нихъ одного: объединить всѣ народности Польской Короны единой вѣрой и именно латинствомъ. Въ немъ вся сила Польши, въ немъ ея благополучіе и политическое единство! Доколѣ же нѣтъ этого латинскаго единства, дотолѣ Польша будетъ раздражаться внутренними и внѣшними врагами.—Вотъ мысли и желанія Скарги, этого истиннаго „*patriota karłana*“.

Патріотическія головы магнатовъ и особенно короля Сигизмунда были отуманены идеями Скарги; латинство стало для нихъ предметомъ особаго вниманія, въ немъ они находили спасеніе Польши.

Теперь, послѣ краткой характеристики личности Сигизмунда и проповѣднической дѣятельности Скарги въ концѣ девяностыхъ годовъ (1586—1590) для насъ станетъ понятнымъ, почему церковная унія, въ духѣ Скаргиной *jedności kościoła* показалаея королю, магнатамъ, шляхтѣ и даже многимъ русскимъ людямъ величайшимъ благомъ.

Первые видѣли въ ней единственную основу для будущаго величія Польши, а послѣдніе, особенно ревнители православія находили унію неизбѣжнымъ средствомъ для спасенія русской церкви отъ уничтоженія со стороны протестантовъ и латинства. Въ этомъ смыслѣ и начинаются попытки обѣихъ сторонъ устроить унію. Но какую унію? Кто далъ ея проектъ? Этотъ вопросъ чрезвычайно ва-

¹⁾ Kazania sejmowe, 1610.

женъ для насъ въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ возможность оцѣнить степень вліянія на унію всѣхъ причастныхъ къ ней лицъ.

Проектъ Поссевина, охарактеризованный нами выше, не могъ соответствовать узко-патріотическимъ взглядамъ короля, его двора, богатыхъ магнатовъ и прежде всего самаго Скарги. Могъ ли этотъ *karlan-patriota* допустить унію русской церкви при условіи сохраненія въ ней всѣхъ восточныхъ обрядовъ славянскаго языка и брака бѣлаго духовенства? По мысли Скарги, здѣсь не было бы *jedności* и такая унія не соответствовала бы всей его подготовительной работѣ въ пользу безусловнаго латинства. Но съ другой стороны проектъ Поссевина, сохраняющій обрядовую сторону православія во всей своей силѣ, могъ прійтись по душѣ тѣмъ православнымъ, которые должны были выбирать меньшее изъ двухъ золъ. Наконецъ, этотъ же проектъ былъ очень непріятенъ латинскому клиру и всѣмъ іезуитамъ: унія Поссевина, подчиняя русскій народъ папѣ, оставила бы эту церковь съ особымъ исповѣданіемъ, съ особымъ духовенствомъ, нисколько независимымъ отъ латинскаго клира,—а это никакъ не мирилось съ задачами Польской іерархіи.—Вотъ тѣ крайне запутанныя условія, въ которыя былъ поставленъ Скарга при выборѣ того или другого плана уніи для русскаго народа. Онъ видѣлъ, что русскіе не примутъ сразу чистаго латинства, что будущимъ уніатамъ придется оставить часть схизматическихъ обрядовъ и онъ вынужденъ былъ согласиться на эту тяжелую жертву. Впрочемъ, Скарга твердо былъ убѣжденъ, что чистое латинство, проводимое въ жизнь іезуитами и католическимъ клиромъ, уничтожить постепенно всѣ примѣсы схизматическихъ обрядовъ. Въ этомъ духѣ онъ и составляетъ планъ будущей *jedności*, издавъ его въ формѣ своего прежняго сочиненія „*o jedności kościoła Bożego*“... Полное заглавіе этого новаго сочиненія таково: „*O rządzie i jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem, i o Grecyckim i Ruskiem od tej jedności odstąpieniu. Pisanie k. Piotra Skargi, Societatis Jesu. (Ioan. 17. Proszę, Ojcze, aby byli jedno, jako i my jedno jesteśmy). W Krakowie u drukarniey Jędrzeja Piotrkowczyka. 1590*“.—На первый взглядъ кажется, что это сочиненіе Скарги есть ничто иное, какъ повтореніе стараго (*o jedności kościoła*), изданнаго въ 1577 году. Но такое заключеніе было бы поверхностнымъ и лишеннымъ всякаго основанія. Выше мы говорили, что въ старомъ сочиненіи Скарга горячо возставалъ противъ всего, что такъ или иначе не мирилось съ задачами латинства. Теперь, по истеченіи 13 лѣтъ, мы видимъ, что Скарга во многомъ измѣнилъ свои убѣжденія, касавшіяся уніатскаго вопроса. Изучая настроеніе русскаго народа и

взгляды нѣкоторыхъ представителей православной церкви на дѣло воссоединенія съ римскимъ престоломъ, Скарга пришелъ къ тому заключенію, что будущіе уніаты потребуютъ для себя многихъ уступокъ и что внѣ этихъ уступокъ дѣло уніи не мыслимо ни въ какой формѣ. И дѣйствительно, въ своемъ новомъ сочиненіи Скарга долго останавливается на главахъ о флорентійскомъ соборѣ и дополняетъ свой проектъ въ такомъ смыслѣ, какой былъ болѣе всего желателенъ и заманчивъ для русскаго народа. Но этого мало. Успѣхъ будущей уніи требовалъ отъ него еще двухъ жертвъ, немислимыхъ назадъ тому 13 лѣтъ: Скарга видѣлъ, что славянскій языкъ и бракъ духовенства должны быть оставлены уніатской церкви. Вотъ почему мы видимъ, что въ новомъ сочиненіи Скарга вычеркиваетъ саркастическія тирады объ этихъ двухъ статьяхъ, какъ не соотвѣтствовавшія тѣмъ планамъ, какіе были выработаны практикой подготовительныхъ работъ. Наконецъ, и четвертая статья стараго сочиненія о вмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви разсматривается теперь Скаргой подъ такимъ угломъ зрѣнія, какой былъ не мыслимъ въ царствованіе Баторія. Теперь ясно обозначилась надежда на содѣйствіе въ достиженіи уніи со стороны короля, магнатовъ, шляхты и всѣхъ свѣтскихъ властей, подпавшихъ сильному вліянію со стороны іезуитовъ. Въ виду этого вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ дѣло вѣры признано теперь Скаргой вполне нормальнымъ и желательнымъ для блага будущей уніатской церкви.—Такъ постепенно вырабатывалъ Скарга тотъ специальный уніатскій проектъ, который былъ поднесенъ Сигизмунду и который указывалъ всѣмъ патріотамъ и папистамъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе этого сочиненія произвело на православныхъ читателей болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ какое получалось при чтеніи стараго изданія 1577 года. Впрочемъ, Скарга и самъ въ предисловіи говорить, что это сочиненіе онъ выпускаетъ „на ловитву человѣческихъ душъ“.

Ту же мысль подтверждаетъ и Рыхцицкій, когда говоритъ о новомъ литературномъ трудѣ Скарги въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „всѣ мыслящіе русскіе съ великимъ нетерпѣніемъ (wyglądali) ожидали этого сочиненія и оно дѣйствительно принесло не малые плоды: оно открыло глаза менѣе свѣдущимъ, утвердило колеблющихся и стало планомъ для дѣятелей будущаго религіознаго единенія i stalo się nazzędziem dla przewódców religijnego przekształcenia“ ¹⁾.

¹⁾ Rychciński, т. 2, стр. 59.

Что Рыхцицкій не ошибается въ своемъ заключеніи, что названное сочиненіе Скарги дѣйствительно служило проектомъ уніи и какъ бы указателемъ общаго плана дѣйствій, въ томъ убѣждаютъ насъ многіе историческіе документы эпохи политической дѣятельности Петра Скарги: королевскія грамоты, универсалы, акты разныхъ братствъ и ихъ переписка съ патріархами и, наконецъ, рѣчи участниковъ Брестскаго собора. Но обо всемъ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ излагать исторію подготовительныхъ работъ къ уніи наканунѣ Брестскаго собора.

Прослѣдимъ теперь самый ходъ уніи настолько, насколько это необходимо для уясненія личнаго и непосредственнаго участія въ ней Скарги. Для этого прежде всего мы должны анализировать силу и значеніе Скарги при дворѣ и во всей католической Польшѣ со времени вступленія на престолъ Сигизмунда III-го. Первое время своего царствованія Сигизмундъ проживалъ въ Краковѣ. Скарга, исполняя должность придворнаго проповѣдника и вліяя своими рѣчами на короля, не чуждался въ то же время и общественной дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ открываетъ въ 1589 году сразу четыре братства: въ Люблинѣ, Варшавѣ, Пултускѣ и Познани; всѣ они имѣли значеніе крупныхъ католическихъ центровъ, откуда распространялось не малое вліяніе на окружающую среду православныхъ. Въ слѣдующіе три года, на деньги, пожертвованныя королемъ и панами, Скарга открываетъ въ Краковѣ и Варшавѣ еще двѣ новыхъ корпораціи, окрестивъ ихъ именемъ „Братствъ Св. Лазаря“. Нѣтъ сомнѣній, что всѣ эти религіозныя ассоціаціи имѣли громадное общественное значеніе, какъ благотворительные центры, способствовавшіе объединенію различныхъ сословій на почвѣ общихъ религіозно-политическихъ идей и задачъ. Авторитетъ и обаяніе личности Скарги росли непомѣрно. До какихъ размѣровъ доходило его вліяніе на высшую іерархію и на самого короля, видно изъ слѣдующаго факта. Когда открыто было въ Краковѣ Братство Милосердія, Сигизмундъ вписался въ члены его въ числѣ первыхъ,—но такое участіе короля въ дѣлѣ возвышенія католической церкви казалось Скаргѣ слишкомъ недостаточнымъ и малоэффектнымъ для роста католическаго вліянія въ средѣ иновѣрцевъ. Онъ убѣждаетъ короля дать своимъ подданнымъ живой примѣръ самаго глубокаго уваженія къ требованіямъ братскаго устава и Сигизмундъ, окруженный блестящей свитой, въ присутствіи кардинала, нунція епископовъ и знатнѣйшихъ магнатовъ, ходитъ въ торжественной процессіи по всѣмъ Краковскимъ костеламъ и собираетъ милостыню въ пользу своего Братства. Никогда католическая церковь въ Польшѣ, ни

раньше—ни послѣ, не имѣла на своихъ членовъ такого неимовѣрнаго вліянія, какъ въ эту пору. Король снисходитъ съ высоты своего величія, идетъ рядомъ съ подданными и не стыдится протягивать руку для полученія милостыни въ пользу страждущихъ и немущихъ. И этимъ величіемъ Польская церковь была обязана исключительно Скаргѣ. Проповѣдническимъ талантомъ, глубокимъ патріотизмомъ и своею кипучею дѣятельностью онъ пробудилъ во всѣхъ слояхъ глубокий интересъ къ судьбамъ своей отчизны; онъ зажегъ въ полякахъ потухавшую любовь къ католической церкви,—онъ заставилъ, наконецъ, всѣхъ истинныхъ патріотовъ сплотиться въ одну тѣсную общину, указавъ ей грандіозную задачу—усиленіе могущества своей Короны при посредствѣ полного религіознаго объединенія всѣхъ народностей, вошедшихъ въ ея составъ. Сочиненіе Скарги „o rządzie i jedności kościoła“, изданное въ 1590 году и разошедшееся по рукамъ шляхты и миссіонеровъ въ тысячахъ экземпляровъ несомнѣнно въ подробностяхъ было извѣстно всѣмъ интересовавшимся уніатскимъ вопросамъ и служило могущественнымъ призывомъ къ скорѣйшему осуществленію религіозно-политическихъ идей Скарги.

Вотъ общій эскизъ того грандіознаго механизма, который сооруженъ и приведенъ въ дѣйствіе Петромъ Скаргой для уніи православнаго народа съ римскимъ престоломъ.—Внутренняя работа отдѣльных частей этого механизма въ настоящее время для насъ почти не уловима. Что дѣлали тайные и явные помощники Скарги въ интересахъ осуществленія намѣченной имъ цѣли, когда и какими мѣрами старались они воздѣйствовать на православныхъ владыкъ западно-русскихъ областей, измѣнившихъ своей вѣрѣ, и кто, наконецъ, внушалъ короннымъ старостамъ, судьямъ, воеводамъ и другимъ административнымъ лицамъ преслѣдовать и дѣлать вопіющія притѣсненія православному духовенству и мірянамъ,—всѣ эти вопросы требуютъ для своего разрѣшенія строго-научныхъ историческихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, литературные памятники эпохи Петра Скарги, за весьма малымъ исключеніемъ, не даютъ намъ точныхъ и положительныхъ отвѣтовъ на предложенные выше вопросы ¹⁾. Тѣмъ не менѣе критическій ана-

¹⁾ Насколько еще живы симпатіи у нѣкоторыхъ писателей къ громкимъ дѣяніямъ іезуитовъ конца 16 вѣка нѣкогда, можно судить по взглядамъ Львовскаго ксендза Заленскаго, который позволяетъ себѣ и въ 20-мъ вѣкѣ вѣрить что и „wprawdzie ta ruska Cerkiew przez своего митрополита Исидора приняла Унію на Флорентійскомъ Соборѣ и что только благодаря крайней недалекости королей Казимира, Ольбрахта и Александра... эта bezmyślna греческая схизма успѣла

лизъ многихъ историческихъ фактовъ изъ жизни западно-русской церкви за послѣднее пятилѣтіе предъ Брестскимъ соборомъ даетъ намъ богатый матеріалъ, свидѣтельствующій о неустанной дѣятельности какъ исполнителей уніатскаго проекта, такъ и ихъ руководителя Петра Скарги.

Начнемъ этотъ анализъ съ рѣшенія двухъ существенныхъ вопросовъ: какова была западно-русская церковь въ послѣдній періодъ ея борьбы съ латинствомъ наканунѣ уніи и были ли въ ней пастыри, любившіе свою паству и ратовавшіе за православную вѣру? Лучшимъ отвѣтомъ на предложенные вопросы можетъ служить посланіе галицко-русскихъ дворянъ къ митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ отъ 14 февраля 1585 года. Здѣсь кратко, но очень ясно и картинно изображено печальное состояніе православной церкви въ данную пору. Заявивъ Онисифору о грубыхъ насиліяхъ надъ православными со стороны латинянъ по поводу новаго календаря, дворяне пишутъ ему такъ: „что сказать о порубаніи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ Божіей церкви, на потѣху имъ, къ большому поруганію нашего Закона и къ нашему, сожалѣнію. Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы и имѣнія, что были наданы на Божіи церкви, привернуты къ костеламъ... Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми и владѣютъ и правятъ церквами... Изъ того, что подано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святотворства и устрояютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей; изъ ризъ дѣлаютъ „саяны, изъ епитрахилей—брамы. Но что еще прискорбнѣе, ваша милость самъ одинъ поставляєшь епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ. И при такомъ незаконномъ постановленіи выводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые... на епископскихъ сѣдалищахъ живутъ безъ всякаго стыда съ женами и раждаютъ дѣтей... И множество иныхъ... великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы... теперь писать не можемъ. Епископовъ наставлялъ много, по два на каждую каеэдру, оттого и порядокъ сгибъ... Мы по своему долгу предостерегаемъ вашу милость и молимъ и просимъ: Бога ради, осмотрись, вспомни твоихъ предмѣстниковъ... Намъ жаль души твоей.. Особенно даемъ знать твоей ми-

снова распространить надъ Русью свои крылья“... (Jezuci w Polsce“, § 61, ч. 2-й, т. I-го).

лости, что архієпископія Кіевская (Софіевскій соборъ) отдана нѣ-
коему еретикѣ жолнеру, а архимандритія Уневская обѣщана такому
же еретикѣ“¹⁾...

Приведенное нами посланіе ясно указываетъ на тотъ несомнѣн-
ный фактъ, что печальное положеніе православной церкви во мно-
гомъ зависѣло отъ ея же недостойныхъ первосвященниковъ, изнѣжен-
ныхъ двоеженцевъ, отдававшихъ церкви въ аренду евреямъ и ере-
тикамъ и позволявшихъ женамъ игуменовъ дѣлать себѣ изъ ризъ
„саяны“ и изъ епитрахилей „брамы“. Это были не архипастыри, а
свѣтскіе паны, заботившіеся о собственныхъ интересахъ, искавшіе
только богатства и нисколько не дорожившіе принципами вѣры.
Имя Онисифора Дѣвочки невольно напоминаетъ цѣлую группу дру-
гихъ епископовъ, подвластныхъ Кіевскому митрополиту и вполне
похожихъ на него по характеру своей жизни. На Владимірской ка-
едрѣ официально пребывалъ епископъ Θεодосій Лозовскій, кото-
рый, съ разрѣшенія короля, заключилъ съ своимъ преемникомъ
Мелетіемъ Хрептовичемъ чисто коммерческую сдѣлку. Сдѣлка эта
заключалась въ томъ, что Лозовскій, считаясь какъ бы арендато-
ромъ Владимірской епископіи и пользуясь всѣми статьями дохода,
долженъ былъ платить своему преемнику въ качествѣ откупа ты-
сячу польскихъ золотыхъ ежегодно; при этомъ, управленіе епархі-
альными дѣлами было изъято изъ вѣдѣнія обоихъ епископовъ и
поручено нѣкому войту Михаилу Дубницкому²⁾.—Луцкимъ епи-
скопомъ въ данное время былъ Іона Борзобогатый-Красненькій, об-
ложившій своихъ священниковъ непомерными податями и грабив-
щій епархіальныя церкви и монастыри на усиленіе средствъ для
своей бурной жизни. Это былъ человѣкъ, который не стыдился на-
пасть съ вооруженнымъ отрядомъ на Жидичинскій монастырь и до-
пустить въ немъ насилія, поджоги и ужасное кровопролитіе. Слу-
чай этотъ далъ основаніе королю присудить его къ банниціи, т. е.
къ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и изгнанію изъ отечества³⁾.
Преемникъ Іоны по Луцкой каедрѣ епископъ Кириллъ Терлецкій
извѣстенъ по архивнымъ актамъ, какъ человѣкъ посвятившій всю
свою жизнь на расширеніе своихъ имущественныхъ правъ. Крайне
непокойный и не миролюбивый,—Терлецкій пожелалъ однажды

¹⁾ Ак. Зап. Рос., т. III, № 146.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, №№ 19—24. Въ этихъ актахъ прекрасно описаны
позорныя дѣянія какъ Дубницкаго, такъ и самаго Θεодосія Лозовскаго.

³⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, №№ 25, 29, 31, 32, 40 и 41.

отнять въ свою пользу замокъ Жабче, принадлежавшій Луцкому старостѣ Жаровицкому. Когда неоднократныя попытки его дворни— овладѣть замкомъ не увѣнчались успѣхомъ, Терлецкій не задумывается выслать противъ Жаровицкаго цѣлое войско изъ тысячи чело-вѣкъ, пригласивъ для этого Татаръ, Угровъ, Сербовъ и Воло-ховъ и давъ имъ нѣсколько пушекъ. Осада Жабче окончилась ужасной рѣзней и разграбленіемъ всего замка. По архивнымъ ак-тамъ Терлецкій рисуется не какъ духовное лицо, а какъ богатый магнатъ, любившій окружать себя многочисленной толпой слугъ, способныхъ на всякое дѣло по мановенію своего владыки ¹⁾. Для полной характеристики іерархіи православной церкви въ данную эпоху необходимо познакомиться еще съ двумя епископами—Львов-скимъ и перемышльскимъ. Въмѣсто біографическихъ свѣдѣній объ-этихъ лицахъ, мы приведемъ выдержки изъ историческихъ актовъ, сохранившихъ на своихъ страницахъ не мало любопытныхъ дан-ныхъ о каждомъ изъ нихъ. Патріархъ Іеремія въ 1587 году пишетъ Гedeону: „мы слышали, что ты сопротивляешься... и вредишь дѣ-лающимъ добро. Испытавъ все истинно, мы обрѣли въ тебѣ убійцу и ненавистника добра; ты поступаешь не какъ архіерей, а какъ врагъ Божій“ ²⁾. О другомъ епископѣ, Брылинскомъ, Галицко-русскіе дворяне писали Онисифору: „Перемышльская епископія от-дана тіуну, Стефану Брылинскому, подданному пана старосты Пе-ремышльскаго. Панъ староста распоряжается церковными имѣніями, какъ ему угодно, а тотъ негодный, нареченный епископъ не смѣетъ противъ него ничего сказать, ни сдѣлать, какъ подданный... А что этотъ тіунъ негоденъ къ епископскому сану, какъ чело-вѣкъ не учен-ный въ Божіемъ Словѣ и по другимъ причинамъ,—въ томъ мы свидѣтельствуемъ... и просимъ усердно, чтобы твоя милость не про-изводила его въ епископскій санъ до другого сейма, на которомъ шляхта и обыватели земли перемышльской и самборской покажутъ передъ королемъ и панами рады о негодности того тіуна... Не спѣши же производить его въ епископскій санъ!“... ³⁾ Такъ усердна была просьба дворянъ! Но Онисифоръ не внялъ мольбамъ своей паствы и черезъ нѣсколько недѣль послѣ полученія этого посланія руко-положилъ Брылинскаго въ епископскій санъ ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, № 73-й.

²⁾ Ак. Зап. Рос., т. III-й, № 167.

³⁾ Ак. З. Р., т. 3-й, № 146 (стр. 290).

⁴⁾ А. З. Р., т. IV, № 29 и прижѣваніе къ № 26.

Для насъ важно посланіе Галицко-русскихъ дворянъ въ томъ отношеніи, что оно проливаетъ свѣтъ на процессъ избранія и посвященія епископовъ въ данное время. Тиунъ Брылинскій избирается на епископію не архимандритами, игуменами и священниками, не обывателями и не православнымъ дворянствомъ, но исключительно какимъ-то паномъ старостой. Какъ смотрѣть на этотъ случай? Былъ ли это единичный фактъ грубаго насилія въ сферѣ церковныхъ интересовъ или онъ является однимъ изъ многихъ выраженій того издѣвательства, какое допускалось надъ православною церковью не безъ вѣдома короля? Отвѣтить на эти вопросы не трудно. Если бы поступокъ старосты выходилъ за предѣлы закона, то несомнѣнно галицко-русскіе дворяне не постѣснялись бы обратиться къ королю съ жалобой на вмѣшательство своего старосты въ дѣла церкви. Они не писали бы Онисифору слѣдующихъ много говорящихъ за себя строкъ: „если твоя милость имѣешь о томъ недостойномъ, нарѣченномъ епископы листы отъ короля и пановъ рады, не смѣши производить его во епископа“... Очевидно, дворяне были твердо увѣрены въ томъ, что панъ староста получилъ для своего „нарѣченнаго“ листъ отъ короля и пановъ рады и что посвященіе этого „негоднаго тиуна“ будетъ совершаться не безъ вѣдома королевскаго двора. Они прибѣгаютъ къ послѣднему средству—просятъ митрополита обождать съ посвященіемъ Брылинскаго до новаго сейма... Но могъ ли митрополитъ, „имѣя листъ отъ короля“, не исполнить его воли? Подобное отношеніе къ королевскимъ указамъ было не мыслимо въ тѣ времена.—Теперь является вопросъ: не такимъ ли точно порядкомъ были избраны на епископскія мѣста и остальные русскіе владыки, о которыхъ мы говорили выше? Не обнаруживается ли здѣсь злое, тенденціозное стремленіе обезсилить и принизить православную церковь западно-русскихъ областей? Изучая многіе историческіе акты, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что русскіе дворяне, мѣщане и низшее духовенство,—все они чрезвычайно дорожили интересами своей церкви. Слѣдовательно, они не могли избирать на епископскія кафедры такихъ порочныхъ лицъ, какими были Гедeonъ Балабанъ, Кириллъ Терлецкій, Іона Борзобогатый Θεодосій Лозовскій, Онисифоръ Дѣвочка и другіе.—Здѣсь явно сказывается вліяніе королевскаго двора, которому невыгодно было для цѣлей будущей уніи заботиться объ истинныхъ владыкахъ и объ удовлетвореніи назрѣвшимъ нуждамъ православной церкви. Могъ ли проектъ уніи, указанный Скаргой, мириться въ сознаніи пановъ рады, всякихъ старостъ и короля съ величіемъ и процвѣтаніемъ русской церкви?

Мы не станемъ приписывать Скаргѣ личнаго и непосредственнаго участія въ процессѣ избранія на епископскія мѣста такихъ недостойныхъ лицъ, какія отмѣчены нами выше. Доказать это мы не можемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ у насъ подъ руками положительныхъ фактовъ. Но мы рѣшительно останавливаемся на той мысли, что пагубная политика Сигизмунда по отношенію къ русской церкви есть прямой результатъ вліянія Скарги и его политическихъ идей ¹⁾. Зачѣмъ Сигизмунду понадобилось распоряжаться архіерейскими кафедрами съ неизбѣжными жалобами и волненіями Галицко-русскихъ дворянъ? Къ чему ему было вооружать противъ себя этихъ дворянъ и нарушать спокойствіе предстоящихъ сеймовъ? Не смѣшнымъ ли отзвукомъ этой эпохи слышатся и нынѣ живыя слова Сигизмундовскихъ грамотъ? „Жигмонтъ III, Божьею милостію .. по зостѣю съ сего свѣта Архіепископа Полоцкаго Афтаназея Терлецкаго, тые владычества Мы господарь постерегаючи, абы хвала Божья въ церквахъ и монастыряхъ... въ недостатку старшаго пастыря водле Закону Греческаго не уставала, зъ залецаніемъ намъ отъ ихъ милости пановъ рады и врядниковъ нашихъ великого князства Литовскаго, на тое пастырство... есмо дали человекъ статочнаго Богуша Сѣлицкаго, который... будучи ротмыстромъ... и т. д. ²⁾...—Съ какимъ это „залецаніемъ“ пановъ рады и „врядниковъ“? Не злой ли ироніей слышатся слова Сигизмунда о хвалѣ Божіей въ церквахъ „Греческаго Закону“ при такихъ епископахъ, какъ ротмистръ Богушъ? Станетъ ли этотъ ротмистръ-епископъ противодѣйствовать уніатскимъ тенденціямъ польскаго правительства и латинскаго духовенства? Нѣтъ,—всѣ факты подобнаго рода, указывающіе на печальный внутренній строй православной церкви, являются ничѣмъ другимъ, какъ только спокойнымъ и строго обдуманномъ исполненіемъ плановъ уніи, данныхъ Скаргой. Польскому правительству предстояло исполнить весьма трудную задачу: съ одной стороны нужно было обезсилить іерархію православной церкви и сдѣлать ее негодной въ глазахъ православнаго народа.—съ другой—усилить авторитетъ католическаго духовенства и пробудить въ русскихъ людяхъ самый глубокий интересъ

¹⁾ Не напрасно кс. Latęski говоритъ: „первый кто подаль руку помощи упавшей Русской церкви, былъ П. Скарга“. Несомнѣнно, что о. Заленскій оцѣниваетъ помощь Скарги съ точки зрѣнія іезуитовъ, но историческая правда въ его словахъ несомнѣнна, только въ обратномъ смыслѣ. (См. его „Iezuici w Polsce, § 61, т. I, 1901 г.).

²⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос. (за 1592 г.) № 201.

къ славѣ и величію римскаго костела. И оно вполне достигло своей цѣли. Господство надъ православною церковью всякихъ ротмистровъ и Брылинскихъ, возводимыхъ на епископскія мѣста Сигизмундомъ безъ вѣдома клира и паствы, довело эту церковь до весьма жалкаго и унижительнаго состоянія. Достаточно прочесть нѣсколько патріаршихъ грамотъ конца 16-го вѣка¹⁾, чтобы видѣть до какого распутства дошла жизнь какъ высшаго, такъ и низшаго православнаго духовенства. Казалось, что внутреннее разстройство этой церкви было неизбѣжнымъ. Но въ то самое время, когда православная паства готова была разойтись въ разныя секты, когда латинскому духовенству представлялась на этой почвѣ самая богатая жатва, въ русской церкви пробуждается новая сила, способная оказать могучее противодѣйствіе всякому злу. Этой силой былъ православно-русскій патронатъ. Вмѣшательства латинской власти въ дѣла русской церкви, вторженіе въ ея предѣлы іезуитовъ и, наконецъ, собственное зло въ лицѣ недостойныхъ іерарховъ, побудили лучшихъ сыновъ этой церкви стать на защиту интересовъ своей вѣры. Русскій патронатъ развертываетъ теперь свои могучія силы и оказываетъ своей церкви такія услуги, какихъ мы не находимъ въ исторіи никакой другой церкви. Это были богатые православные магнаты, горячо любившіе свой народъ и глубоко преданные своей церкви. Живую картину дѣятельности такихъ защитниковъ православія прекрасно изображаетъ князь Курбскій въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ²⁾. Но это не все. Рядомъ съ патронатствомъ вырастаетъ теперь и другая сила въ средѣ самой русской церкви, — такъ называемыя Братства. Это были тѣсныя религиозныя союзы всѣхъ сословій, входившихъ въ составъ русской церкви, кончая богатѣйшими чинами, патронами извѣстныхъ церквей.

Эти Братства, добившись отъ короля права на признаніе своего существованія³⁾, имѣли въ послѣдствіи сильное вліяніе на жизнь западно-русской церкви и въ исторіи уніи играли не послѣднюю роль.

Теперь прослѣдимъ слѣдующій фазисъ въ развитіи уніатскаго дѣла и посмотримъ, какъ постепенно осуществлялся проектъ Скарги при его личномъ и непосредственномъ вліяніи на судьбы православной церкви.

¹⁾ Многія патріаршія грамоты Мелетія и Іеремиі напечатаны въ приложеніи къ „Апокрисису Христофора Филарета“. Изданіе Кіев. Духов. Академіи 1869 года.

²⁾ Сказ. кн. Курбскаго, ч. 2, стр. 157—256.

³⁾ А. З. Р., т. 4, №№ 35, 36, 37, 38.

Выше мы отмѣтили тотъ фактъ, что православные дѣятели, не находя для себя выхода изъ смутнаго и запутаннаго положенія своей церкви, часто обращались къ Константинопольскому патріарху съ просьбой прійти къ нимъ на помощь. Нужно имѣть въ виду, что до 1588 года ни одинъ изъ патріарховъ не посѣтилъ русской церкви, хотя послѣдняя находилась подъ ихъ властью болѣе шести сотъ лѣтъ. Теперь патріархъ Іеремія II-й увѣдомляетъ князя Острожскаго, что онъ немедленно ѣдетъ въ Москву и что путь его будетъ лежать чрезъ Польшу и Литву ¹⁾. На обязанности Острожскаго и другихъ поборниковъ православной церкви лежала не легкая задача получить отъ Сигизмунда особый „королевскій листъ“ на проѣздъ патріарха въ Литву. „Королевскій листъ“ былъ посланъ Іереміи въ началѣ весны того же 1588 года. „Мы, говоритъ Сигизмундъ, симъ листомъ нашимъ позволяемъ Преосвященному Еремею, патріарху Константинопольскому вси sprawy церковные открывать, всихъ духовныхъ Закону Греческаго... судити, рядити, справовати и водлугъ выстунку каждаго... карати“ ²⁾. По полученіи этой грамоты патріархъ Іеремія отправился въ путь и 3-го Іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь православное населеніе встрѣтило своего владыку съ величайшимъ почетомъ. Члены недавно организованнаго Братства представили ему свой уставъ и послѣдній былъ утвержденъ за печатью патріарха. Кромѣ этого Братство испросило благословенную грамоту на открытіе собственныхъ школъ и „друкарни“ для печатанія книгъ. Разобравъ частныя жалобы епископовъ, судившихся изъ за права владѣнія монастырями и пробывъ въ Вильнѣ около двухъ недѣль, патріархъ уѣхалъ въ Москву.---Ровно черезъ годъ онъ снова возвратился въ предѣлы Литвы и здѣсь началъ исправлять дѣла православной церкви и судить ея недостойныхъ іерарховъ. Первымъ подпалъ суду патріарха Кіевскій митрополитъ Онисифоръ, какъ двоеженецъ. Іеремія низложилъ его и далъ окружную грамоту о запрещеніи богослуженія всѣмъ двоеженцамъ и троеженцамъ ³⁾. Такъ началъ исправлять патріархъ внутренній строй жизни русской церкви. И что же мы видимъ? Едва прошло пять дней со времени низложенія Онисифора, какъ Сигизмундъ даетъ „жалованную грамоту“ на Кіевскую митрополію архимандриту Минскаго Вознесенскаго монастыря, „шляхетнѣ урожоному“ Михаилу Васильевичу Рогозѣ. Въ грамотѣ

¹⁾ А. З. Р., т. 4, № 149 (стр. 205—206).

²⁾ А. Ю. и З. Рос., т. I, № 191.

³⁾ А. З. Р., т. 4, №№ 17 и 19.

говорится, что Михаилъ избранъ „панамі рады и рыцарствомъ великаго княжества Литовскаго, закону и послушенства церкви Греческой“ и что только по ихъ просьбѣ избранный удостоивается каѳедры Кіевскаго митрополита ¹⁾). Остановимся на этомъ фактѣ. Мы знаемъ изъ несомнѣнныхъ источниковъ, что Сигизмундъ имѣлъ намѣреніе въ началѣ Августа 1589 года поѣхать въ Ревель на свиданіе со своимъ отцомъ и что онъ отложилъ эту поѣздку по случаю прибытія патріарха; знаемъ также и то, что король пріѣхалъ въ Вильну съ очень незначительной свитой, но въ сообществѣ своего неразлучнаго совѣтника и друга Скарги ²⁾). Невольно возникаетъ на этой почвѣ цѣлый рядъ вопросовъ: почему король отложилъ свою поѣздку въ Ревель? что заставило его такъ поспѣшно, съ малой свитой, пріѣхать въ Вильну, гдѣ проживалъ въ это время патріархъ Іеремія? откуда, наконецъ, могли взяться въ теченіе четырехъ дней „панове рады и рыцарство великаго княжества Литовскаго для участія въ избраніи митрополита, когда для созванія сеймовъ требовалось тогда не менѣе двухъ—трехъ недѣль? Намѣренная ложь этой грамоты очевидна: Рогоза былъ избранъ самимъ королемъ и рѣшительно безъ всякаго участія со стороны западно-русскихъ дворянъ. Мы не знаемъ, чтобы въ Вильнѣ въ эту пору былъ созванъ какой либо сеймъ. Это была новая и неожиданная мѣра со стороны короля для обезпеченія дальнѣйшихъ успѣховъ въ уніатскомъ вопросѣ. Эта мѣра ясно обнаруживаетъ какъ въ Скаргѣ, такъ и въ королѣ крайнюю нетерпѣливость и безпокойство по поводу властныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій прибывшаго патріарха. Что патріархъ понялъ злыя намѣренія короля и что онъ былъ не мало удивленъ избраніемъ Рогозы въ санъ Кіевскаго митрополита, это доказывается слѣдующимъ фактомъ. Посвящая Рогозу въ санъ митрополита въ 1-й день Августа въ Виленскомъ соборѣ, патріархъ обратился къ собору Литовскихъ іерарховъ и къ представителямъ „защитныхъ людей“ съ такими словами: „аще достоинъ есть, по вашему глаголу буди достоинъ; аще же ли нѣсть достоинъ, а вы его достойна удаете, азъ чистъ есмь, вы узрите“ ³⁾). Очевидно Іеремія зналъ отъ близкихъ людей, какъ экстренно и незаконно состоялось избраніе Михаила, если публично въ соборѣ высказалъ свои сомнѣнія на счетъ истинно-православныхъ убѣжденій нареченнаго

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 19.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 16, стр. 20. Тѣ же свѣдѣнія находимъ и у Рыхцицкаго, т. 2, стр. 49.

³⁾ А. З. Р., т. 4, № 149, стр. 206.

митрополита. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что споръ, возникшій между польскими историками на счетъ іезуитскаго воспитанія Рогозы, не имѣетъ подъ собой никакой научной почвы, какъ основанный исключительно на догадкахъ¹⁾. Вмѣсто догадокъ и теоретическихъ предположеній обратимся къ фактамъ. Дальнѣйшія дѣйствія патріарха на Литвѣ служатъ прекраснымъ обнаруженіемъ того крайняго недовѣрія, какое онъ питалъ къ королю и къ тѣмъ епископамъ, которые были избраны имъ безъ участія западно-русскихъ дворянъ. Покинувъ Вильну вскорѣ послѣ посвященія Рогозы, патріархъ посѣтилъ Супрасальскій монастырь и затѣмъ пріѣхалъ въ Брестъ. Сюда послѣдовали за нимъ и всѣ епископы западно-русскихъ областей. 6-го Августа, въ день Преображенія, патріархъ совершалъ литургію. Вдругъ, въ концѣ службы, онъ выводитъ изъ среды собравшихся іерарховъ Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго и посвящаетъ его въ санъ своего экзарка. Этотъ неожиданный фактъ крайне поразилъ латинское правительство особенно послѣ того, какъ была объявлена патріаршая грамота на имя своего Литовскаго духовенства. Содержаніе грамоты таково: „объявляемъ вамъ, что, усматривая настоящую потребность въ томъ, чтобы паства стада Христова умножалась, а лѣнныя пастыри были побуждаемы къ славословію Божію... и избравъ для сего мужа разумнаго, духовнаго и искуснаго... Кирилла Терлецкаго..., мы даемъ его вамъ отъ себя Экзархомъ, что зовется по латыни кардиналомъ и благословили его соборно, какъ намѣстника нашего, совѣтываться съ вами..., небрегущихъ и студныхъ и безчинныхъ строителей вразумлять, низлагать невозбранно. Ваша любовь, всѣ вмѣстѣ, признавайте его за большаго, честію между вами, какъ насъ самихъ и считайте его уполномоченнымъ на строеніе церковное“²⁾... Такимъ образомъ патріархъ, уступая силѣ и власти короля, поставилъ избраннаго имъ митрополита, который долженъ былъ занять преимущественное положеніе среди Литовскаго духовенства. Но тутъ же, черезъ нѣсколько дней, показывая явное недовѣріе къ королю и къ Рогозѣ, онъ лишаетъ послѣдняго тѣхъ митрополичьихъ правъ, которыя имѣли важное значеніе для того или иного состоянія православно-русской церкви.—Изъ Бреста патріархъ переѣхалъ въ Замостье къ вельможному пану Замойскому, канцлеру Польши, у котораго онъ гостилъ и раньше при проѣздѣ въ Москву. Въ эту пору

¹⁾ Архіеп. Макарій, 9 т., стр. 484+Rychcicki, т. 2, стр. 53+Кояловичъ, т. I, 60+267.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, № 60 и А. З. Р., т. IV, № 20.

въ Литовско-Польскомъ государствѣ былъ очень распространенъ обычай испрашивать „грамоты-привилей“ въ обезпеченіе тѣхъ или другихъ имущественныхъ правъ. Къ патріарху стали обращаться многіе изъ духовныхъ лицъ за такими же грамотами, касавшимися церквей и монастырей. Нужно знать, что славянскій языкъ былъ неизвѣстенъ Іереміи и что содержаніе бумагъ, составленныхъ на этомъ языкѣ, ему докладывали особые переводчики и окружавшія его лица. Не удивительно поэтому, что Львовскій епископъ Геденъ Балабанъ успѣлъ подsunуть патріарху въ числѣ прочихъ дѣлъ и такія грамоты, которыя оказались потомъ крайне оскорбительными какъ для экзарха, такъ и для Кіевского митрополита ¹⁾.

Слухъ объ этомъ фактѣ сильно смутилъ защитниковъ православія, твердо убѣжденныхъ въ томъ, что поѣздъ патріарха будетъ источникомъ величайшей пользы для западно-русской церкви. Не менѣе были смущены и православные іерархи, когда увидѣли, что среди духовенства циркулируетъ много подложныхъ грамотъ. Наконецъ, въ народѣ стали распространяться очень не выгодные для патріарха слухи, что будто бы онъ требовалъ отъ Рогозы за посвященіе его въ санъ митрополита 15 тысячъ червонцевъ.

Такъ искусно враги западно-русской церкви сѣяли въ народѣ и духовенствѣ предубѣжденія и неудовольствія противъ цареградскаго патріарха! Имъ нужно было это потому, что обаяніе личности патріарха въ народѣ и его подозрительное отношеніе къ дѣйствіямъ короля, составляли повидимому неодолимую преграду для скорѣйшаго осуществленія уніатскихъ плановъ. Біографъ Скарги, Рыхцицкій, и теперь утверждаетъ, что патріархъ вымогалъ у Рогозы 14 тысячъ „за рошієсеніе ²⁾“, а между тѣмъ архивные документы представляютъ намъ это дѣло совершенно въ другомъ видѣ. Патріархъ, израсходовавъ на свою поѣздку по Литвѣ около 15 тысячъ аспрѣ, какъ человекъ бѣдный, потребовалъ отъ Рогозы, чтобы онъ возвратилъ ему эти деньги, сдѣлавъ раскладку на всѣ церкви Литвы ³⁾. Требованіе патріарха было вполне законно, тѣмъ не менѣе на этой почвѣ была создана цѣлая версія всякихъ толковъ о вымогательствѣ за посвященіе 15 тысячъ червонцевъ.

Пробывъ въ предѣлахъ Литвы около пяти мѣсяцевъ, патріархъ уѣхалъ въ среднихъ числахъ ноября въ Цареградъ. Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что наканунѣ своего отъѣзда изъ Каменецъ-Подольска

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 33, 1.

²⁾ Rychicki, т. 2, стр. 52.

³⁾ А. З. Р., т. IV, стр. 208—209.

онъ выдалъ Львовскому братству особую грамоту, въ силу которой всѣ его учрежденія—школы, типографіи и Онуфріевскій монастырь, ставились внѣ зависимости отъ епископа Львовскаго Балабана. Весь слѣдующій 1590 годъ прошелъ повидимому вполне благополучно для Литовскихъ церквей. Іерархія жила между собой въ мирѣ и была занята благоустроениемъ своихъ церквей. Впрочемъ, Львовъ представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Здѣсь кромѣ древняго братства, утвержденного Іереміей, стали возникать новыя—при разныхъ приходскихъ церквахъ. Эти послѣднія, соединившись съ епископомъ Гедеономъ, и ставъ во враждебныя отношенія къ старому братству, начали распускать о немъ самыя дурныя слухи въ народѣ.

Эта странная и ничѣмъ не объяснимая вражда закончилась соборнымъ судомъ. 20 іюля, по распоряженію Рогозы, въ Брестѣ состоялся соборъ, на которомъ присутствовали всѣ епископы, за исключеніемъ двухъ, не явившихся по болѣзни. Въ числѣ другихъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собора была рассмотрѣна и жалоба Львовскаго братства на притѣсненія со стороны Гедеопа. Братство и здѣсь было признано вполне свободнымъ отъ власти епископа Балабана ¹⁾. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ не напрасно: дѣятельность Львовскаго братства будетъ играть впослѣдствіи важную роль въ борьбѣ православія съ уніатскимъ движеніемъ.

Брестскій соборъ 20 іюня оставилъ по себѣ замѣчательный историческій документъ, содержаніе котораго можно назвать жалобой іерарховъ на плачевное состояніе своей церкви. „На нашу церковь происходятъ частыя гоненія и великое преслѣдованіе, а на насъ чрезвычайныя и неслыханныя отягощенія отъ разныхъ чиновъ; въ духовенствѣ великія нестроенія и между нѣкоторыми нашими христіанами развратъ, несогласія, непослушанія, безчинства“... Выразивъ затѣмъ свое сожалѣніе о такомъ печальномъ положеніи церкви, отцы собора сдѣлали нѣсколько постановленій, касавшихся внутренняго управленія и свидѣтельствующихъ о томъ, что они строго придерживались патріаршихъ опредѣленій ²⁾.—Для насъ важны начальныя слова этой грамоты, гдѣ говорится о какихъ-то „гоненіяхъ, преслѣдованіяхъ и неслыханныхъ отягощеніяхъ“. Мы видимъ отсюда, что отцы собора были очень озабочены своимъ жалкимъ и безпомощнымъ положені-

¹⁾ Зубрицкій. Лѣт. Львов. брат. подъ 1590 годомъ.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 22.

емъ; ихъ преслѣдуютъ и гонятъ не частныя лица и не какіе-нибудь паны, но административныя лица, агенты Польскаго правительства, которымъ они даютъ общее названіе „чиновъ“. Это первый по времени историческій документъ, гдѣ говорится о гоненіяхъ на русскую церковь со стороны правительственныхъ чиновъ. Впрочемъ, это явленіе легко объяснимо. Если вспомнимъ, что въ началѣ этого же года Скарга издалъ свое сочиненіе „o rządzie i jedności kościoła“, что оно выпущено авторомъ „на ловитву человѣческихъ душъ“ и, что Польское правительство, начиная съ короля, было проникнуто идеей необходимости религіознаго единства для всѣхъ польскихъ народовъ, то для насъ станутъ понятны и эти неожиданныя жалобы отцовъ Брестскаго собора. Видно, что слѣпые исполнители уніатскаго проекта Скарги принялись горячо за свое дѣло. Обращаясь къ фактамъ этого рода, намъ придется въ силу необходимости прослѣдить дѣятельность тѣхъ „чиновъ“, о которыхъ говорится въ грамотѣ отъ 20 іюня.—Какъ и слѣдовало ожидать, „гоненія и неслыханныя отягощенія“ на православныхъ іерарховъ не только не уменьшились въ 1591 году, но напротивъ усилились по сравненію съ предъидущими годами. Болѣе всѣхъ пришлось потерпѣть на долю патріаршаго экзарха, епископа Терлецкаго. И это понятно: среди православнаго духовенства онъ облеченъ былъ преимущественною властью со стороны патріарха; всѣ его дѣйствія по отношенію къ церквамъ носили на себѣ характеръ строгаго соотвѣтствія наказамъ Іереміи,—убѣжденія экзарха и его примѣръ въ сферѣ церковныхъ дисциплинъ имѣли въ глазахъ прочаго духовенства далеко не послѣднее значеніе. Слѣдовательно, личность экзарха была предметомъ особаго вниманія со стороны исполнителей уніатскаго проекта. Имъ нужно было залучить Кирилла въ свой лагерь или путемъ мирныхъ убѣжденій или путемъ гоненій и „неслыханныхъ отягощеній“, поручивъ послѣднія тому или другому „чину“. Такимъ „чиномъ“ для Кирилла является панъ Луцкій староста Александръ Семашко, человѣкъ русскаго и православнаго рода, но совратившійся въ латинство. Своеволіе этого человѣка и издѣвательства его надъ Терлецкимъ дѣйствительно носятъ на себѣ характеръ упорнаго и строгаго обдуманнаго преслѣдованія, вполне рассчитаннаго на полнѣйшую безнаказанность и на поддержку свыше. Такъ, съ наступленіемъ великаго поста, Семашко поставилъ у дверей собора своихъ солдатъ и велѣлъ требовать со всѣхъ молящихся по 2 гроша за входъ. Когда наступила страстная суббота, онъ окружилъ своими людьми соборъ и запретилъ входъ въ него рѣшительно всѣмъ, не исключая и духовныхъ. Народъ

остался на первый день Пасхи безъ богослуженія, а епископъ—въ теченіе трехъ дней безъ пищи и воды. Но этого мало. Потѣшаясь надъ православіемъ и Терлецкимъ, Семашко приводитъ въ соборъ музыку и заводитъ тамъ танцы; въ то же самое время его гайдуки изучаютъ стрѣльбу на иконахъ и на стѣнахъ собора. Этотъ же Семашко дѣлалъ притѣсненія и Львовскому епископу Гедeonу Балабану. По его распоряженію Луцкій подстароста 19 мая вторгнулся съ отрядомъ вооруженныхъ людей въ Жидичинскій монастырь и нанесъ тамъ убытка болѣе, чѣмъ „на тысячу золотыхъ.“¹⁾ Не меньшимъ преслѣдованіямъ подвергался въ одно и тоже время и Пинскій епископъ Леонтій Пельчицкій со стороны Литовскаго маршалка, князя Альбрехта Радаивилда.—Перечитывая акты о возмутительныхъ дѣйствіяхъ Семашки противъ епископовъ Кирилла и Гедeона и сравнивая ихъ съ своевольными поступками тогдашнихъ пановъ, не стѣснявшихся дѣлать нападенія на чужія имѣнія и монастыри, невольно приходится сдѣлать слѣдующее заключеніе: въ дѣйствіяхъ Луцкаго старосты усматривается ненависть не къ личности Терлецакаго, а къ православному епископскому сану, ненависть къ православной вѣрѣ, къ ея храмамъ и обрядамъ. Тутъ видно строго обдуманное намѣреніе довести Терлецакаго и Балабана до сознанія необходимости искать выхода изъ своего затруднительнаго положенія... Замѣчательнѣе всего въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что всѣ эти притѣсненія обрушиваются на Кирилла какъ разъ передъ тѣмъ временемъ, когда ему предстояла поѣздка на Брестскій соборъ, т. е. въ апрѣлѣ, маѣ и въ началѣ іюня. Расчетъ Семашки былъ сдѣланъ чрезвычайно мѣтко. Онъ зналъ, что Кириллу угрожаетъ опасность суда на предстоящемъ соборѣ за поборъ и насилія надъ митрополичьимъ протонаріемъ Григоріемъ²⁾ и что распоряженіе патріарха объ этомъ судѣ привлечетъ на соборъ массу мірянъ, какъ патроновъ, такъ и членовъ братствъ. Зналъ не меньше его и Кириллъ, что огласка о предстоящемъ судѣ подниметъ на ноги всѣхъ его многочисленныхъ враговъ и что послѣдніе не замедлятъ употребить всѣ мѣры къ его низложенію. Опасеніе Кирилла за свою судьбу усиливалось еще тѣмъ соображеніемъ, что князь,

¹⁾ Арх. Ю. З. Россіи, ч. I, т. 1-й, №№ 69 по 75-й... „Его милость, панъ Луцкій староста... танцы и иншіе игри себе ку воли, мѣлъ, на церковь Божію гайдукомъ своимъ на баню и на крыжъ стреляти казалъ, же ланцухи два отъ крыжа отбили, баню побили и образъ, который былъ намалѣванъ на муру церковномъ, также зъ ручницъ побили“... № 70, стр. 292—1859 г.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 208.

Острожскій стать относиться къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Дѣло въ томъ, что 13 мая этого же года нѣкто Боровицкій донесъ князю о важныхъ преступленіяхъ Кирилла. Князь не повѣрилъ доносчику, но тѣмъ не менѣе пригласилъ къ себѣ Кирилла въ надеждѣ, что онъ оправдается отъ возводимыхъ на него обвиненій. Результаты этого суда оказались слишкомъ позорными для Кирилла: Боровицкій постарался представить князю всѣхъ очевидцевъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ уличался его противникъ и этотъ послѣдній со стыдомъ и позоромъ долженъ былъ уѣхать со двора князя ¹⁾.—Если примемъ во вниманіе то ужасное душевное настроеніе, въ которомъ находился Кириллъ наканунѣ Брестскаго собора и которое значительно усиливалось преслѣдованіемъ со стороны Семашки, то для насъ станутъ понятными тѣ психологическіе мотивы, которые побудили Кирилла искать для себя выхода въ покровительствѣ латинянъ. Впрочемъ, положеніе Гедеопа, боровшагося со Львовскимъ братствомъ и еще двухъ такихъ же епископовъ—Леонтія Пинскаго и Деонисія Холмскаго было не лучше, чѣмъ положеніе Кирилла. Всѣ они испытывали теперь горькія послѣдствія обличеній на прежнемъ соборѣ за свою нечистую жизнь, —тѣ же обличенія со стороны Братствъ угрожали имъ и на предстоящемъ соборѣ ²⁾. Они были увѣрены въ томъ, что лучшіе представители западно-русской церкви добьются самаго строгаго надъ ними патріаршаго суда. Эта мысль наполняла страхомъ ихъ мелкія, эгоистическія души. Если присмотримся къ этимъ четыремъ лицамъ, то мы увидимъ въ каждомъ изъ нихъ много общихъ чертъ: всѣ они похожи другъ на друга своею беззаботною жизнію и крайнимъ неуваженіемъ къ церковнымъ правиламъ касательно чистоты жизни. Шаткость вѣры, порочность жизни, страхъ суда на предстоящемъ соборѣ, неудовольствіе противъ патріарха, давашаго ши-

¹⁾ Ibid., стр. 210, 2-й столбецъ: „свѣдѣки стали у очію и признали о двоеженствѣ о забитію Филиппа малара, о мѣшканью въ чужоложествѣ съ братовою роженою и о иншихъ сквернодѣйствахъ, о обцованью съ злодѣями..., о кованью фальшивыхъ червонныхъ золотыхъ и проч.“. Но для защитниковъ увін, какиимъ является и въ наше время всендзъ Заленскій, Кирилъ Терлецкій представляется, какъ „najświetniejszy z ruskiego episkopatu“ (ks. Załęski. Iezuici w Polsce, т. I, часть II, стр. 554.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 33 (4593 фев. 6 д.) 1-е посланіе патріарху Львовскаго братства: „непрестанными бѣдами томины есмы отъ Гедеопа... и много насъ понищаль... Епископъ же Холмскій, таже и Пинскій съ женами живутъ. еще же и Перемышльскій епископъ со женою на епископство возведенъ“... (стр. 43) изданія 1851 года.

рокія права Братствамъ, ненависть къ послѣднимъ, честолюбіе. жажда наживы и, наконецъ, весьма понятныя для нихъ „гоненія и отягощенія“ со стороны „разныхъ чиновъ“,—вотъ тѣ общія черты въ ихъ характерѣ и жизни, которыя приводили ихъ къ одинаковымъ задачамъ. Они не были слѣпы: они прекрасно понимали религиозно-политическія тенденціи латинянъ по отношенію къ православной церкви; они несомнѣнно знали содержаніе уніатскаго проекта Скарги „o rządzie i jedności kościoła“, сильно повліявшаго на православныхъ, не твердыхъ въ своей вѣрѣ ¹⁾. Имъ не трудно было догадаться, къ чему клонятся „преслѣдованія и отягощенія“ со стороны Семашки, Радзивилла и другихъ „чиновъ“ и они сразу пустились на такую мѣру, которая вполне гарантировала ихъ безопасность со стороны патріарха и мѣстныхъ соборовъ ²⁾: 24-го іюня они измѣнили своей вѣрѣ и подписали въ Брестѣ грамоту такого содержанія: „во имя Божіе да будетъ“. Мы нижепоименованные епископы объявляемъ, что, будучи обязаны заботиться не о своемъ только спасеніи, но и о стадѣ Христовыхъ овецъ, ввѣренныхъ намъ Богомъ, о мирѣ и соединеніи ихъ, желаемъ по милости Божіей wuznawać признавать нашимъ пастыремъ единого верховнаго пастыря и истиннаго намѣстника св. Петра, святѣйшаго папу и имѣть его нашею главою и ему подлежать и повиноваться... Мы wujmując sobie выговариваемъ себѣ только то, чтобы святѣйшій папа римскій оставилъ намъ до скончанія вѣка не отмѣненными и не нарушаемыми всѣ церемоніи и обряды, т. е., службу Божію и весь церковный порядокъ, какой издавна содержитъ наша церковь, а его королевская милость, панъ нашъ милостивый, обезпечилъ бы намъ своими грамотами наши вольности и утвердилъ бы артикулы, которые намъ были поданы“ ³⁾... Грамота оканчивается изло-

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 33: „Нѣкій же езуита Виленскій Петръ Скарга выдруковалъ книги о вѣрѣ своей и о греческомъ заблужденіи глаголюще, и кралеви сіе писаніе вручилъ, да всякая грады мірская власть потрясе насъ, и готовятся по своему хотѣнію съвершити“... (стр. 46).

²⁾ А. З. Р., № 149; „Вачучи Кирилль, ижъ южъ надежда обороны его устала, злость ея открыла, явиѣ почали о немъ мовити: шукалъ дороги яко бы могъ градуція бѣды уйти. Намовилъ до себе Гедеопа Львовскаго, который тежъ въ той часъ съ патріархомъ у гнѣвъ былъ за ставропигію Львовскую... „Перемышльскаго Михаила“ епископа до тогожъ притягли... (стр. 211).

³⁾ Αντιρρησις, або Apologia przeciw ko Krzysztoforowi Philalefowi, 56—57. Wilno, 1600. Впрочемъ, сохранилось одно свидѣтельство, что тѣ же епископы раньше Брестскаго собора съѣхались въ Сокаль: „съѣхалися до Сокаля, и тамъ

женіемъ уполномочія starszemu bratu Кириллу съ правомъ вести переписку и переговоры по этому дѣлу. Король, получувъ грамоту отъ четырехъ епископовъ, изъявившихъ желаніе покинуть патріарха и подчиниться папѣ, немедленно даетъ на ихъ имя особый „листъ привилей“. Здѣсь онъ благодаритъ ихъ за доброе дѣло и общаетъ оградить ихъ „отъ всякаго оскарженія, клятвы и оголашенія“. Называя ихъ своими „вѣрными подданными и Богомольцами“, онъ общаетъ имъ и „каждому, кто бы ся до такой едности прихилилъ, свободу и вольности римскаго духовенства“¹⁾. Такъ велика была радость короля и его совѣтниковъ по поводу совершившейся измѣны четырехъ епископовъ русской церкви! Онъ увѣренъ былъ въ томъ, что они сами теперь станутъ въ ряды тайныхъ и явныхъ исполнителей уніатскаго проекта Скарги и что дѣятельность ихъ будетъ лучшей гарантіей той *jedności kościoła*, какая стала теперь *idée fixe* всѣхъ государственныхъ плановъ.

Впрочемъ, и Скаргѣ и королю въ эту пору было не до православной церкви: на горизонтѣ ихъ безоблачной жизни показалась грозная туча: то были диссиденты, поднявшіе на Литвѣ и въ Польшѣ сильное народное волненіе. Всюду раздавались могущественные голоса противъ іезуитовъ съ требованіемъ изгнать ихъ изъ предѣловъ Польско-Литовскаго государства²⁾. Іезуиты вынуждены были на время притихнуть. Православные епископы, списавшіеся на унію, замѣтивъ новое теченіе въ государственной жизни, стали очень недовѣрчиво относиться къ общаніямъ короля; они сознавали еще себя членами православной церкви и по этой причинѣ сильно боялись патріаршаго суда. Этимъ и объясняется крайняя двуличность въ поведеніи епископовъ, когда наступило время окончательнаго осуществленія уніатскаго проекта.

Между тѣмъ трудъ Скарги, пущенный „на ловитву человѣческихъ душъ“, вполне оправдывалъ авторскія надежды: католическіе магнаты стали усердно притѣснять православный народъ за его преданность своей церкви. И этотъ народъ, преслѣдуемый панами и волнуемый разными слухами о позорной жизни своихъ іерарховъ, мало по малу сталъ приходить къ тому убѣжденію, что лучше подчиниться папѣ и принять какую-то унію, усердно навя-

потаенную раду на приплыль учинокъ намовили“: „отступимо отъ патріарховъ и приступимо до послушенства напежскаго“... Ак. З. Р., т. IV, № 149, стр. 148 149.

¹⁾ Апокрисисъ. Киевъ, 1870 г., стр. 57.

²⁾ *Obraz Litwy*, Jaroszewicz, т. 3, §§ 16 и 17.

зываемую „мірскою властію“¹⁾. Что подобное настроеніе умовъ было замѣтно среди простого народа, въ томъ порукой намъ — посланіе Львовскаго братства къ цареградскому патріарху отъ 7 сентября 1592 года. Въ „цедулѣ“ при особомъ листѣ братчики писали:... „Мнози же совѣтъ утвердиша предатися Римскому единоначалію архіерейству, утверждающе себе, да пребудутъ надъ папою Римскимъ, совершающе вся своя въ церкви по закону греческія вѣры... Нѣкій же іезуита Петръ Скарга выдруковалъ книги о вѣрѣ своей и о греческомъ заблужденіи глаголюще, и королеви-сіе писаніе вручилъ, да всякая грады — мірская власть потрясе насъ... Людіе же сіе разсудиша, яко можетъ Христова вѣра подъ Римскою властію правовѣрно исповѣдаться... Въ мѣстѣ нашемъ не было езуитовъ, которые много русскихъ церквей поосѣдали; а нынѣ живутъ во градѣ нашемъ, не имуще церкви, приножъ причинны назирающе, да возмогутъ отъ насъ похитити“²⁾. И не напрасно такъ тревожилось доблестное братство: самые лучшие люди того времени, какъ увидимъ ниже, пришли къ сознанію необходимости подчиниться римскому престолу. Вѣрнѣйшіе слуги и друзья Скарги идутъ теперь туда, гдѣ чувствуется импульсъ всей русской церковной жизни; Львовъ становится центромъ уніатскаго движенія и имя Мартина Латерны, этого знаменитаго (kaznodzie) сподвижника Скарги покрывается славой въ латинскомъ мірѣ. Изданная имъ во Львовѣ уніатская книжка „Арфа духовная“ выдержала 60 изданій³⁾. Такъ усердно работали іезуиты во Львовскомъ воеводствѣ, гдѣ былъ въ ту пору единственный оплотъ всей русской церкви — Львовское братство. Благодаря стараніямъ іезуитовъ, знаменитые православные магнаты того времени Олельковичи, Заславскіе и другіе „съ семьями и „*całym dworem*“ оставили православіе и перешли въ латинство⁴⁾. Но самымъ важнымъ дѣломъ латинской коалиціи, имѣвшимъ особенное вліяніе на дальнѣйшее осуществленіе уніатскихъ плановъ, слѣдуетъ признать назначеніе на епископскую кафедру Брестскаго каштеляна Адама Поцѣя. Вліяніе этой личности на судьбы православной церкви обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ о томъ участіи, какое онъ принималъ въ

¹⁾ А. З. Р., т. 4, № 33, см. прим. 1-е на 186 стр.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 33, стр. 46 и 47.

³⁾ Rychicki, т. 2, стр. 59 и 60.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 62 и А. З. Р., т. IV, стр. 42, актъ № 32-й: „Михаилъ, митрополитъ Кіевскій, слышаще великое обстояніе... и многое смущеніе отъ нновѣрныхъ и своихъ нерадивыхъ... и мнози отъ вѣрныхъ въ ересехъ погибша, аче же отъ благороднѣйшихъ пановъ“...

дѣлѣ уніи до полученія епископскаго сана. Поцѣй происходилъ изъ знатнаго дома, родственнаго князьямъ Острожскимъ; образованіе свое онъ получилъ въ Краковской академіи, гдѣ былъ ученикомъ Гербеста и, по всей вѣроятности, товарищемъ Скарги. По окончаніи воспитанія, Поцѣй долго служилъ при дворѣ князя Радзивилла и въ это время, измѣнивъ вѣрѣ своихъ отцовъ, сдѣлался протестантомъ ¹⁾. Отъ Радзивилла онъ перешелъ на службу ко двору короля, потомъ былъ Брестскимъ судьей и, наконецъ, удостоившись званія сенатора, занялъ важную должность Брестскаго каштеляна ²⁾. Въ протестантствѣ Поцѣй оставался не долго и въ 1574 году снова перешелъ въ православіе, которое исповѣдывали всѣ его предки. Сторонникомъ уніи Поцѣй становится со времени своего знакомства съ папскимъ нунціемъ Комендони и особенно въ бытность свою Брестскимъ судьей. Сохранилось письмо Луцкаго бискупа Бернарда Мацѣвскаго къ папскому нунцію архіепископу Аннибалу, изъ котораго видно, что Поцѣй былъ тайнымъ союзникомъ исполнителей проекта Скарги задолго до своего избранія въ епископскій санъ. Въ 1588 году, какъ сказано объ этомъ выше, патріархъ Іеремія, проѣзжая въ Москву чрезъ Польшу и Литву, останавливался здѣсь на нѣсколько дней въ Брестѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ. Уже въ эту пору, какъ свидѣтельствуется Мацѣвскій, Поцѣй заявилъ себя ревностнымъ поборникомъ уніи и даже училъ самихъ латинянъ, какъ вести имъ это дѣло. „Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда я отправился въ Подляхю, тамъ проѣзжалъ въ Москву цареградскій патріархъ Іеремія и, сверхъ моего ожиданія, весьма скоро переѣхалъ тотъ городъ, въ которомъ я находился. Наступившая ночь помѣшала мнѣ догнать его и я поспѣшилъ въ Брестъ, но и оттуда онъ уѣхалъ прежде моего прибытія. Чрезъ нѣсколько дней господинъ брестскій судья, хотя схизматикъ, но по авторитету, образованію и опытности человѣкъ недюжинный, и въ религіозныхъ дѣлахъ са-

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 149. На страницѣ 209-й говорится: „Мелетій Володымерскій умеръ, а на его мѣстѣ... сталъ Ипатій Поцѣй, который былъ вдовцемъ, а не всѣхъ вѣрѣ собою сробовалъ и въ каждой шчѣжѣ колыбекъ забавился, также и жидовской не хибилъ, а бодай и Турецкаго алкораву не учился“... Впрочемъ Поцѣй и самъ признается въ томъ, что онъ былъ протестантомъ: „Prawda jest, znam się do tego i wyznawam ten grzech mój na się, iżem czas niemaly był ewangelikiem“... (Письмо Ипатія къ Львовскому Доминиканскому провинціалу, — напечатано тамъ же въ Актахъ (№ 149).

²⁾ Біографія Поцѣй, составленная Львомъ Кишкой, напечатана послѣднимъ при изданіи потѣвыхъ проповѣдей: „Kazania i Homilie meża Bożego Hłrpatyusza Pocięja, metropolity Kijowskiego, — w suprastu, 1714“.

мый свѣдущій между своими, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ о религіи съ находящимся со мною здѣсь отцомъ іезуитомъ¹⁾, неоднократно приходилъ ко мнѣ, и съ величайшею настойчивостью убѣждалъ меня, чтобы мы съ другими епископами и богословами католическими старались объ уніи русскихъ съ римскою церковью, особенно въ настоящее время, когда представляется къ тому такой удобный случай, какой едва-ли когда можетъ повториться... Передавалъ еще добрый мужъ, что онъ... усердно будетъ наблюдать, пришелъ ли патріархъ, чтобы ограбить своихъ владыкъ и поповъ, или чтобы позаботиться о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Наконецъ, указалъ даже путь, какимъ должно слѣдовать къ достиженію этой уніи по вѣрѣ²⁾... И этотъ человѣкъ возводится теперь на кафедру православнаго епископа! Митрополитъ, вѣроятно, хорошо зналъ жизнь и убѣжденія Поцѣя и, какъ видно изъ грамоты короля, долго не соглашался посвящать его въ епископскій санъ. Имѣлъ ли Поцѣй раньше какія либо сношенія съ епископами, замышлявшими принять унію и давно ли онъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ,—мы не имѣемъ въ пользу этого опредѣленныхъ фактовъ³⁾; несомнѣнно лишь то, что онъ былъ очень нуженъ Скаргѣ, какъ инициатору и руководителю уніатскаго вопроса и что Сигизмундъ въ силу какихъ-то соображеній очень настоятельно требовалъ отъ митрополита немедленнаго посвященія Поцѣя въ епископы „не отговариваясь ничѣмъ“⁴⁾. Митрополитъ исполнилъ волю короля и посвященіе Поцѣя состоялось 24 марта 1593 года. Поцѣй на первыхъ порахъ своей новой жизни показалъ себя чрезвычайно ревностнымъ къ интересамъ православной церкви, къ изученію слова

¹⁾ Нѣкоторые склонны видѣть въ „іезуитѣ“ Петра Скаргу. По крайней мѣрѣ Кояловичъ утверждаетъ, что онъ былъ очень друженъ съ Поцѣемъ.

²⁾ Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III, № 46, стр. 41—42.

³⁾ Впрочемъ, кс. о. Заленскій, ссылаясь на Likowskiego (стр. 103) утверждаетъ, что Поцѣй и раньше былъ чрезвычайно преданъ уніатскому дѣлу ks. Załęski, Jezuita w Polsce, t. I, ч. II, стр. 554.

⁴⁾ А. З. Р., т. IV, № 44: „ознаймуемъ вѣрности твоей, ижъ мы маючи взглядъ на вѣрные и уставичные послуги... урожданаго Адама Поцѣя, каштеляна Берестейскаго, чоловіка фамилии старожицкой..., оному зъ ласки нашею господарскою владычество Володимерское дали есмо особливимъ листомъ нашимъ. О чомъ вѣрность твоя вѣдачи, абысь онаго посвятилъ ничимъ ся не вымовляючи“... (грамота короля Рогозѣ). Замѣчательно то, что здѣсь нѣтъ и упоминанія о „панахъ рады и врядникахъ“, участіе которыхъ признавалось необходимымъ при избраніи епископовъ русской церкви.

Божія и подвигамъ благочестія ¹⁾. Православные увлеклись его наружнымъ благочестіемъ и съ восторгомъ отзывались о немъ въ посланіи къ восточному патріарху ²⁾. Ту же личину благочестія Ипатій принялъ на себя и передъ княземъ Острожскимъ. Обманутый лицемѣрнымъ православіемъ Поцѣя, благочестивый князь вполне довѣрился своему новому епископу и сдѣлалъ его какъ бы повѣреннымъ своихъ тяжелыхъ думъ на счетъ печальнаго положенія православной церкви. Поцѣй видѣлъ, что творится въ душѣ князя, онъ зналъ его полное довѣріе къ себѣ и онъ строитъ на этой почвѣ смѣлую попытку убѣдить князя, что только союзъ съ Римомъ можетъ спасти православную церковь отъ окончательнаго паденія. Мысли и убѣжденія Поцѣя повліяли на князя: онъ соглашается на унію и самъ пишетъ къ нему письмо объ условіяхъ ея ³⁾. Судя по этому посланію, слѣдуетъ непременно заключить, что Поцѣй хитрилъ съ княземъ Острожскимъ, что онъ не открывалъ ему дѣйствительнаго смысла той уніи, какая предполагалась для русской церкви. Въ этомъ посланіи излагается унія православная, а не та, какую намѣревались ввести уніатскіе вожди вмѣстѣ съ Поцѣемъ. Вся унія Острожскаго состояла только въ признаніи папы главою русской церкви, при чемъ Острожскій требовалъ, чтобы за православной церковью оставались неприкосновенными всѣ догматы, обряды, обычаи и полная самостоятельность ея іерархіи ⁴⁾. Въ заключеніе своего посланія Острожскій проситъ Поцѣя постараться на

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 149: „Коли вже Потѣй на епископство совершился, показался барзо великимъ подвижникомъ, воздержникомъ, постникомъ, добрымъ и чуйнымъ до всѣхъ правъ церковныхъ и въ жадную рѣчь свѣтскую не вступующимся... Приспѣлъ часъ потомъ до открытія нечестія и отступленія... (стр. 210).

²⁾ *ibid.*, стр. 44, № 33.

³⁾ *ibid.*, № 45. Князь Острожскій, отправляясь „до тамъ-тыхъ краинъ, въ которыхъ неподалеку обрѣтается и папа Римскій для улѣченія здоровья своего“, соглашается принять на себя миссію—выяснить въ Римѣ вопросы объ условіяхъ религіознаго единенія съ Римскимъ престоломъ.

⁴⁾ Приложеніе къ посланію: 1) „Напервѣй, абыхмо при всѣхъ обрядахъ своихъ, якѣ Церковь Восточная держитъ, въ далѣ zostали. 2) ... 3) ... 4) абы духовные наши въ таковомъ же почоти яко и ихъ были... въ радѣ и на сеймыкахъ... 5) потреба же и патріарховъ обослать, жебы се до згоды склонили... 6) потреба и до Московскаго послати, жебы се на одно зъ нами згодили... (стр. 66) А. З. Р., т. IV. Отсюда мы видимъ, что князь Острожскій разумѣлъ подъ уніей дѣйствительно православное ссединеніе церквей, и притомъ не одной западно-русской, но и всей восточной. Но могъ ли Поцѣй исполнить порученіе князя? Хотя онъ былъ лучшимъ орудіемъ іезуитовъ, но онъ дѣйствовалъ очень осторожно, такъ какъ не былъ увѣренъ въ тѣхъ, кто „списался“ на унію съ Римомъ.

предстоящемъ соборѣ положить начало соединенію церквей съ общаго согласія какъ цареградскаго патріарха, такъ и всѣхъ восточныхъ іерарховъ. Поцѣй, какъ человѣкъ свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ, прекрасно зналъ, что унія въ такомъ обширномъ смыслѣ не осуществима, что ни на востокѣ, ни въ Москвѣ никогда не согласятся признать папу главой церкви. Поэтому онъ далъ посланцамъ князя чрезвычайно хитрый отвѣтъ: „если князь не написалъ объ этомъ митрополиту, то я не смѣю и слова молвить о такихъ вещахъ“ ¹⁾).

Наступилъ 1594 годъ. Князь Острожскій узналъ о замыслахъ Поцѣя, Терлецкаго и другихъ измѣнниковъ православной церкви „и до патріарха далъ знати о томъ не омѣшкаючи“ ²⁾. Патріархъ видѣлъ, что западно-русская церковь находится теперь въ крайней опасности, но онъ не имѣлъ возможности разобраться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія доходили до него. А такъ какъ митрополитъ Рогоза не давалъ въ Цереградѣ никакихъ извѣстій о состояніи ввѣренной ему церкви, то и вся вина за нестроенія въ этой церкви всецѣло обрушилась на него: патріархъ осудилъ его на временное запрещеніе ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ около того же времени патріархъ требовалъ отъ митрополита немедленнаго низложенія съ епископской кафедрѣ Гедеоны Балабана ⁴⁾. Обѣ эти грамоты вызвали весь остатокъ ревности Михаила Рогозы ко благу западно-русской церкви, но это было послѣднее и самое опасное возбужденіе дѣятельности человѣка, понявшаго, что онъ безсиленъ бороться съ теченіями, разрушающими благоустройство русской церкви. Рогоза немедленно созываетъ соборъ и назначаетъ его въ Брестѣ на 24 іюня. Соборъ имѣлъ быть многочисленнымъ и общалъ церкви много добрыхъ послѣдствій. Всѣ православныя братства прислали своихъ депутатовъ и теперь ясно обнаружилось, куда направляются эти лучшія силы русской церкви, появившіяся на соборѣ едва ли не въ

¹⁾ Антиррисисъ, стр. 46.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 212.

³⁾ Ектесисъ, на стр. 19: ... przed przeszłym rokiem (to jest temu mingło czwarte lato) dowiedziałwyszysię... Jeremiasz..., że ten Mitropolit Michal wiele bezzakonnych i nieprzystojnych spraw poczynił..., przez pisanie swe patryarsze excommunicując go do czasu karanie słuszne nań włożył... такъ говорили на соборѣ 1596 года,—слѣдовательно, грамота патріарха была прислана въ концѣ 1593 или вѣрнѣе въ началѣ 1594 года.

⁴⁾ А. З. Р., т. IV, № 51.. Рогоза говоритъ Замойскому, что противъ Гедеоны „повторилъ онъ самаго его милости святѣйшаго патріарха декреты для зрученія его зъ владыцтва на него суть выданы“... (стр. 75).

первый разъ въ полномъ своемъ составѣ ¹⁾. Латиняне поняли, что дѣйствія начавшагося собора пагубно отразятся на ихъ уніатскихъ планахъ и они нашли предлогъ къ закрытію собора: Краковскій архіепископъ прислалъ митрополиту письмо, въ которомъ напомнилъ, что по опредѣленію сейма 1593 года всякіе съѣзды и соборы въ отсутствіе короля строго воспрещены ²⁾. Нужно замѣтить, что въ это время Сигизмундъ былъ за предѣлами Литовско-Польскаго государства и что слѣдовательно соборъ, созданный въ Брестѣ, могъ заняться лишь тѣми дѣлами, какія носятъ на себѣ строго церковный характеръ. Замѣчательно, что Скарга, неизмѣнно сопутствовавшій королю во всѣхъ его поѣздкахъ, на этотъ разъ измѣнилъ своему обыкновенію и поѣхалъ не въ Швецію, а въ Литву. Его біографъ, Рыхцицкій не безъ основанія высказываетъ слѣдующее убѣжденіе: „Скарга не сопутствовалъ королю, но „udał się z Warszawy... do Jarosławia“... Быть можетъ онъ избралъ для себя это „Stanowisko“ съ тою цѣлю, чтобы лично наблюдать за приготовленіями къ тѣмъ великимъ религіознымъ перемѣнамъ, какія готовились въ этой сторонѣ“ ³⁾...

Мы не станемъ останавливаться на мелкихъ фактахъ, характеризующихъ дѣятельность измѣнниковъ-епископовъ, встрѣтившихъ сильное для себя препятствіе въ лицѣ различныхъ братствъ, князей—Острожскаго, Скумина и другихъ ревнителей православной вѣры. Вліяніе Скарги и его помощниковъ въ данный періодъ времени положительно неуловимо. Достоверно лишь то, что Поцѣй и Терлецкій составили отъ имени всѣхъ русскихъ іерарховъ декретъ о подчиненіи русской церкви Римскому престолу. Подписи составителей декрета—Поцѣя и Терлецкаго датированы 2 декабря 1594 года,—подписи же остальныхъ пяти епископовъ во главѣ съ митрополитомъ были собраны съ большимъ трудомъ лишь къ 1 іюня 1595 года ⁴⁾. Въ этомъ же мѣсяцѣ были подписаны подробнѣйшіе артикулы объ уніи для представленія папѣ и королю, а 12 іюня—

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 48, гдѣ пересчитываются послы отъ слѣдующихъ братствъ: „Виленскаго, Львовскаго, Берестійскаго, Красноставскаго, Гольшанскаго, Городецкаго, Галицкаго, Вѣльскаго... и проч. многихъ“... (стр. 67).

²⁾ Макарій, Арх., т. IX, стр. 544.

³⁾ Rychciński, т. 2, стр. 103.

⁴⁾ А. З. Р., т. IV, № 53. Въ концѣ грамоты „Кіевского Митрополита Михаила Рагозы и Литовскихъ православныхъ епископовъ“ сказано такъ: „... грамота эта въ подлинникъ за подписью только двухъ епископовъ, Владимірскаго Ипатія и Луцкаго Кирилла съ приложеніемъ ихъ печатей. Очень ветха (стр. 78).

соборное посланіе къ папѣ ¹⁾.—Изъ всѣхъ этихъ документовъ усматривается согласіе епископовъ принять такую унію, которая не измѣнила бы ни догматовъ, ни обрядовъ, ни учрежденій православной Церкви,—иначе говоря,—всѣ они впадали въ то же заблужденіе, какому подвергся было князь Острожскій, предположивъ, что въ Литвѣ возможна была унія съ Латинской церковью безъ нарушенія чистоты православной вѣры. Но лишь только разнеслась молва, что епископы подписали актъ объ уніи и шлютъ его королю, какъ раздались сильнѣйшіе протесты со стороны мірянъ. Первымъ на защиту православія, какъ и слѣдовало ожидать, выступилъ князь Острожскій. Онъ издалъ горячее воззваніе ко всѣмъ православнымъ Литвы и Польши въ такихъ словахъ: „наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, въ волки претворишася, и единыя вѣры святыя Восточныя церкви отвергшеся... и ко западнымъ преложишася... потаемиѣ согласившися зъ собою окаяннии, яко хриstopродавца Іюда съ жидовами, умыслили всѣхъ... хрестьянъ... съ собою въ погыбель врынути... Оповѣдамъ противъ... таковыхъ супостатовъ хотѣчи посполъ (союзъ) со всѣми вашими милостями за-едино стояти...“ ²⁾. Воззваніе произвело въ народѣ сильное впечатленіе. Прежде между простымъ народомъ носились лишь темные слухи о какой-то измѣнѣ своей вѣрѣ,—теперь всѣми уважаемый князь открыто и рѣшительно объявляетъ, въ чемъ заключается эта измѣна и указываетъ предателей, православной церкви. Братства—Львовское, Виленское, Новоградское и другія не замедлили откликнуться на призывъ князя: со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія о немедленномъ созваніи собора и о судѣ надъ епископами. Поцѣй и Терлецкій въ концѣ іюня поспѣшили въ Краковъ. Король былъ чрезвычайно обрадованъ согласіемъ владыкъ на унію и подъ вліяніемъ Скарги принялъ всѣ мѣры къ дальнѣйшему движенію этого дѣла. Въ одинъ и тотъ же день, 28 іюля, онъ издаетъ разомъ три грамоты: одну къ князю Острожскому, другую къ митрополиту и третью къ старостамъ пограничныхъ замковъ въ Польшѣ ³⁾. Что

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 68.

²⁾ *ibid.*, № 71.

³⁾ А. З. Р., т. IV, № 75: „Окружная королевская грамота... пограничнымъ старостамъ о томъ, чтобы они патріаршихъ пословъ... чрезъ границу не пропустили“... № 76: „Грамота... еп. Острожскому съ убѣжденіемъ его приступить къ Уніи и содѣйствовать въ семъ дѣлѣ духовнымъ властямъ“. № 77: „Грамота... митрополиту М. Рагозѣ, въ которой, выхваляя его за принятіе уніи, обѣщаетъ содѣйствовать въ семъ предпріятіи и убѣждаетъ довершить его безбоязненно“.

грамоты эти были диктованы Скаргой, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ грамотѣ, данной на имя князя, онъ увѣдомляетъ его „яко челоувѣка въ той религѣи въ панствахъ... передняго“ о согласіи владыкъ подчиниться папѣ и выражаетъ надежду, что князь, желавшій уніи (намекъ на его письмо къ Поцѣю), возблагодаритъ Бога и будетъ содѣйствовать ея успѣхамъ. Вся дальнѣйшая рѣчь короля представляетъ собою ничто иное, какъ краткое повтореніе тѣхъ же мыслей и убѣжденій, какія высказаны были Скаргой въ предисловіи, посвященномъ князю при изданіи сочиненія „o jedności kościoła Bożego“ въ 1577 году. Здѣсь можно видѣть такое же, какъ и тамъ ненаучное отношеніе къ историческимъ фактамъ, тѣже силлогизмы въ пользу намѣстничества папы,—даже любимая фраза Скарги (изъ сочиненія „o jedności“) „сама наука и сознаніе святыхъ докторовъ Кгрецкихъ переднихъ свѣдчитъ“ не забыта авторомъ грамоты къ князю. Грамота оканчивается совѣтомъ не вмѣшиваться въ дѣла церкви и не требовать участія мірянъ на предстоящемъ соборѣ; „мы, говоритъ король, яко за пастырни повинни есмы ити, не питаючисе, але чиняти яко они учать, которыхъ Духъ панскій намъ далъ тутъ за вожи до живота“¹⁾. Такъ и слышится отзвукъ того убѣжденія Скарги, которое онъ ясно и въ тѣхъ же фразахъ повторяетъ въ своемъ сочиненіи „Obrota Synodu Brzeskiego“!—Въ грамотѣ къ митрополиту король прежде всего хвалитъ его за твердую рѣшимость отказаться отъ послушанія царградскому патріарху и подчиниться папѣ. Затѣмъ убѣждаетъ его не смущаться никакими угрозами со стороны братствъ и патріарха,—при этомъ даетъ обѣщаніе исполнить всѣ его просьбы, предъявленныя чрезъ Терлецаго и Поцѣя. Казалось бы, что королю и его совѣтнику, Скаргѣ, можно было успокоиться послѣ такихъ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ ими въ цѣляхъ скорѣйшаго исполненія своихъ уніатскихъ плановъ,—но угрожающее поведеніе защитниковъ православія и безпокойная мысль, что отказъ того или другого епископа отъ уніи можетъ затянуть на долгое время окончательное разрѣшеніе уніатскаго вопроса, побудили ихъ издать 2 августа еще двѣ новыхъ грамоты на имя всего православнаго духовенства. Какихъ только милостей здѣсь не обѣщается „презвитеромъ церкви Восходнее“! „И ласку нашу неотмѣнно имъ обѣцуемъ, и завжды... у насъ вольное ухо и приступъ... и во всякихъ свободахъ, вольностяхъ, зацности, учтивости и прерогативахъ“²⁾... Одно только

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 76.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 78. Тоже и въ № 79.

требуется отъ нихъ—союзъ съ Римскимъ престоломъ!—Трудно представить себѣ то напряженное состояніе, въ какомъ находились король со Скаргой, эти два инициатора уніатскаго дѣла, не постѣснявшіеся издать въ теченіе трехъ дней пять грамотъ, почти съ одинаковымъ содержаніемъ! Лихорадочная поспѣшность во всѣхъ дѣйствіяхъ короля и радость по поводу побѣды надъ схизмой ясно сказались въ той щедрой суммѣ (600 zlotych), какая дана была (za wstawieniem się Skargi) по ходатайству Скарги Терлецкому и Поцѣю „na kosztą podróży“ до Рима ¹⁾.—Въ послѣднихъ числахъ сентября Поцѣй и Терлецкій, облаканные и обезпеченные королемъ и Скаргой уѣхали изъ Кракова и прибыли въ Римъ въ ноябрѣ того же года. Папа, извѣщенный напередъ о пріѣздѣ русскихъ владыкъ, постарался какъ можно болѣе высказать имъ свою благосклонность и величіе папскаго престола. Послѣ частной аудіенціи у папы для предварительныхъ соглашеній объ уніи, послы должны были утвердить ее въ торжественномъ собраніи всѣхъ кардиналовъ и другихъ сановниковъ папскаго двора. Поцѣй и Терлецкій безукоризненно исполнили ту миссію, какая была поручена имъ королемъ и Скаргой. Они дѣйствовали тамъ съ неограниченнымъ произволомъ и измѣняли своей церкви отъ высшаго догмата до самаго несущественнаго обряда. Исповѣданіе вѣры, произнесенное ими въ торжественномъ собраніи передъ папой, было ничѣмъ инымъ, какъ только краткимъ и точнымъ изложеніемъ всего ученія, обрядовъ и учрежденій Римской церкви: Поцѣй и Терлецкій приняли въ Римѣ отъ лица всѣхъ іерарховъ, духовенства и мірянъ западно-русской церкви самое чистое латинство ²⁾. Такъ совершилось то, что желѣялъ въ своихъ мечтахъ Скарга болѣе 20 лѣтъ! На радостяхъ о покореніи Востока римскому престолу, папа велѣлъ выбить медаль съ надписью: „Ruthenis receptis“ (на воссоединеніе Русскихъ),—а виновникамъ этого торжества, Терлецкому и Поцѣю, сановники папскаго двора устроили богатѣйшій пиръ ³⁾.

Между тѣмъ въ Литвѣ и въ Подоліи поднималось грозное волненіе, готовое подавить унію далеко прежде, чѣмъ она будетъ объявлена всенародно на соборѣ. Слухи объ измѣнѣ вѣрѣ всѣхъ владыкъ и объ уступкахъ Кирилла и Поцѣя въ Римѣ быстро разнеслись по всѣмъ русскимъ областямъ и приводили въ страшное

¹⁾ Rychcicki, т. 2, 106.

²⁾ Бантышъ-Каменскій „Ист. уніи“, стр. 43—48.

³⁾ Бантышъ-Каменскій, стр. 42—49 и А. З. Р., т. IV, № 149, на стр. 212 (2-й столб.).

негодованіе всѣхъ православныхъ, дорожившихъ своею вѣрою, какъ завѣтной святыней своихъ предковъ¹⁾. Православные магнаты, патроны церквей и члены братствъ дѣятельно поддерживали взаимную переписку, совѣщаясь о мѣрахъ спасенія православной церкви. Съ церковной кафедры стали раздаваться сильныя проповѣди на тексты объ антихристѣ и о послѣдней кончинѣ міра²⁾. Всюду поддерживалось убѣжденіе, что унія поведетъ за собой ниспроверженіе всѣхъ догматовъ и обрядовъ восточной церкви, и что теперь будетъ введено чистое латинство. Но самымъ страшнымъ бичемъ латинскаго правительства являются теперь запорожскіе казаки подъ начальствомъ Лободы и Наливайки. Эти люди, не знавшіе пощады туркамъ и татарамъ, возстали теперь на защиту своей православной вѣры и вторглись въ предѣлы Волыни и Литвы. Всѣ дома и имѣнія, принадлежавшія католическимъ магнатамъ и измѣнникамъ православія подверглись самому страшному опустошенію. Огонь и мечъ были расплатой за насилія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ русскихъ людей. Возстаніе казаковъ и волненіе въ народѣ продолжались около полугода, пока Жолкевскій не разбилъ казацкое войско подъ Лубнами. Полковникъ Лобода и гетманъ Наливайко поплатились своею жизнію за защиту вѣры: они были замучены въ Варшавѣ на торговой площади самой позорной смертію, какъ враги Христа³⁾. Таково было начало страданій русскаго народа за унію, прежде чѣмъ она была утверждена на Брестскомъ соборѣ.

Но возвратимся къ Ипатію и Кириллу, которые такъ радостно праздновали торжество своего подчиненія папскому престолу. Къ нимъ стали доходить (въ Римѣ) дурныя вѣсти о возмущеніяхъ братствъ, о волненіяхъ въ народѣ и объ отказѣ отъ уніи двухъ епископовъ—Гедеона Львовскаго и Михаила Перемышльскаго. Напуганные такими вѣстями, они обратились письменно къ Краковскому архіепископу, умоляя его принять самыя строгія мѣры къ ихъ безопасности по возвращеніи въ Литву⁴⁾.—Возвратившись изъ Рима и доставивши королю посланіе отъ папы, Поцѣй и Терлецкій приступили къ митрополиту съ мольбой и увѣщаніями не отставать отъ уніи⁵⁾. Между тѣмъ волненіе въ народѣ снова поднялось

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 213.

²⁾ *ibid.*, № 90.

³⁾ Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латинно-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности. Вильно, 1865 г., стр. 92.

⁴⁾ Антиприсисъ, стр. 85.

⁵⁾ А. З. Р., т. IV, № 149.

и, принявъ грозный характеръ, росло съ каждымъ днемъ ¹⁾). Со всѣхъ сторонъ раздавались требованія о созваніи всеобщаго собора. Король со Скаргой и Поцѣй съ Терлецкимъ глубоко были увѣрены въ благополучномъ исходѣ уніатскаго вопроса на предстоящемъ соборѣ и рѣшили допустить его. Между тѣмъ весною того же года (1596) въ Варшавѣ созванъ былъ генеральный сеймъ для рѣшенія текущихъ общественныхъ дѣлъ. Члены братствъ и депутаты отъ земствъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ и подали отъ имени всѣхъ своихъ избирателей просьбу королю о низложеніи Поцѣя и Терлецкаго съ епископскихъ кафедръ за ихъ измѣну отеческой вѣрѣ. Таковую же просьбу подалъ на сеймѣ королю и лично отъ себя князь Острожскій, торжественно объявивъ въ сенатѣ, что онъ и весь русскій народъ не станутъ признавать Терлецкаго и Поцѣя епископами своихъ кафедръ. „А въ тотъ часъ, говоритъ лѣтописецъ и очевидецъ Брестскаго собора, на... коронномъ сеймѣ у Варшавѣ, о той справѣ владыковъ отступныхъ много было сваровъ и трудностей“ ²⁾... Какъ же поступилъ въ данномъ случаѣ король? Чѣмъ отвѣтилъ онъ на настойчивыя просьбы кн. Острожскаго и земскихъ пословъ? Нетерпѣливый и упрямый по природѣ, не привыкшій безпристрастно взвѣшивать послѣдствія своихъ рѣшеній, онъ не могъ имѣть самостоятельнаго образа мыслей и дѣйствій: онъ думалъ и дѣйствовалъ такъ, какъ требовалъ того Скарга. Вѣдь не напрасно же послѣдняго называютъ умомъ, перомъ и словомъ Сигизмунда! Онъ видѣлъ бунты и рѣзню казаковъ, видѣлъ грозныя волненія въ народѣ, зналъ о безчисленныхъ „протестаціяхъ“ магнатовъ, православныхъ братствъ и земскихъ пословъ, но какъ маньякъ, поворачивавшійся подъ команду іезуитовъ, онъ не могъ освободиться отъ вліянія Скарги, счастливаго и трепещущаго надъ плодами своихъ двадцатилѣтнихъ трудовъ. И этотъ король, не стѣсняясь постановленіемъ Варшавскаго сейма 28 января 1573 года ³⁾, даетъ Терлецкому и Поцѣю жалованныя грамоты, которыми не только утверждаетъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но даже предоставляетъ имъ въ пожизненное владѣніе новые монастыри и богатѣй-

¹⁾ Ксендзъ Залевскій увѣряетъ, что „Русь была взволнована agitacjami schizmatyckimi кн. Острожскаго и его подчиненныхъ“... (Jezuici w Polsce, т. I, ч. II, стр. 556).

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 214.

³⁾ Конфедерація обязывала присягой всякаго короля строго наблюдать, чтобы у православныхъ людей былъ православный епископъ, выбранный духовнымъ духовнымъ соборомъ при участіи мірянъ.

шія имѣнія¹⁾. Наконецъ 24 іюня Сигизмундъ издалъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ греческаго закона слѣдующій универсалъ, въ которомъ и характеръ, и слогъ и самыя мысли несомнѣнно принадлежать его учителю, Скаргѣ: „...имѣя въ виду древнее соединеніе церквей восточной и западной, всегда способствовавшее возвышенію и процвѣтанію царства..., пламенно желаемъ и мы находиться въ одной вѣрѣ съ нашими подданными... Поэтому, среди другихъ нашихъ заботъ о государствѣ, склонили мы нашъ помыслъ и на то, чтобы людей греческой вѣры въ нашемъ государствѣ привести къ прежнему единству съ католическою церковью—римскою, подъ властію и судомъ одного верховнаго пастыря²⁾... Съ этою цѣлью, съ согласія высшихъ особъ греческаго духовенства, вашихъ старшихъ, отправлены были въ Римъ послами къ папѣ владыки Владимірскій и Луцкій, которые... не принесли оттуда съ собою ничего новаго и противнаго вашему спасенію, ничего различнаго отъ вашихъ обычныхъ церковныхъ церемоній... И какъ не мало знатныхъ людей греческой вѣры, желающихъ святой уніи, просили насъ, чтобы мы, для окончанія этого дѣла, велѣли созвать соборъ,—то мы и позволили нашему митрополиту, киръ Михаилу Рогозѣ созвать соборъ въ Брестѣ, когда признаетъ то съ другими вашими духовными наиболѣе удобнымъ“³⁾... Этотъ универсалъ, подписанный королемъ 29 мая (а по другому списку 14 іюня), немедленно былъ вписанъ „въ книги кѣродеские актыковіе“ и объявленъ по всѣмъ городамъ народу,—а между тѣмъ Рогоза, по какому-то соображенію, нашелъ для себя удобнымъ издать окружную грамоту о созваніи собора только 21 августа, при чемъ самый соборъ назначался на день 8-го октября⁴⁾.

Слухъ о принятіи уніи въ Римѣ русскими епископами скоро достигъ и отдаленнаго востока. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ написалъ Острожскому обширное посланіе съ горячимъ воззваніемъ къ русскимъ людямъ твердо стать на защиту бѣдствующей восточной церкви. Посланіе Мелетія, напечатанное Острожскимъ въ тысячахъ экземпляровъ и разосланное по городамъ и се-

¹⁾ А. З. Р., т. IV, № 96 и А. Ю. и З. Рос., I, № 218, стр. 265.

²⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто выражено такъ: „pod sprawę rządem i hetmanstwem biskupa Rzymskiego“—это буквальное повтореніе того, что сказано въ сочиненіи „o jedności“ 1577 (przedmowa do k-cia Ostrogskiego).

³⁾ Арх. Ю. З. Рос., ч. I, т. I, № 120. Мы приводимъ универсалъ короля въ переводѣ на русскій языкъ.

⁴⁾ А. З. Р., т. IV, № 100, стр. 137.

ламъ Литвы, сильно подняло упавшій духъ народа ¹⁾. Въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Мелетія пріѣхалъ протосинкель александрійской церкви, ученый Кириллъ Лукарисъ, о которомъ даже Скарга отзывался съ великой похвалой ²⁾. Кромѣ него прибылъ еще уполномоченный отъ Цареградскаго патріарха „мѣстоблюстителъ“ его престола „протосинкель“ архидіаконъ Никифоръ, бывшій „ректоромъ въ Падвѣ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ“ ³⁾. Насталъ, наконецъ, и соборъ, котораго такъ сильно желали православные магнаты и различныя церковныя братства. Торжественность этого собора, его необычайный составъ, многолюдство и, наконецъ, та важная цѣль, для которой онъ открытъ,—все это дѣлало его выдающимся въ ряду всѣхъ соборовъ, какіе только были въ западно-русской церкви. Лица, съѣхавшіяся въ Брестъ и преслѣдовавшія совершенно противоположныя цѣли, тотчасъ, по пріѣздѣ на мѣсто, раздѣлились на двѣ половины, крайне враждебныя другъ другу. Представителями латинянъ были ближайшіе пособники Скарги: Луцкій бискупъ Мацѣвскій, Львовскій—Соликовскій, Хелмскій—Гомолинскій, Кіевскій митрополитъ—Рогоза и епископы: Владимірскій—Поцѣй, Луцкій—Терлецкій, Полоцкій—Германъ, Пинскій—Іона Гоголь и Холмскій—Зборуйскій. Кромѣ нихъ на той же сторонѣ присутствовали три архимандрита и нѣсколько пословъ короля, пріѣхавшихъ почему-то только на второй день собора. Это были: гетманъ Литовскій, князь Христофоръ Радзивиллъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, староста Брестскій Димитрій Халецкій и множество другихъ лицъ, имена которыхъ остаются неизвѣстными ⁴⁾. На сторонѣ православныхъ, кромѣ вышеназванныхъ—Никифора и Лукариса, находились слѣдующія лица: Лука, митрополитъ Велиградскій, два архимандрита изъ Аѳонской горы—Макарій и Матѣей, какъ уполномоченные отъ епископа Мукачкаго и Веноцкаго, епископъ Львовскій—Гедеонъ, епископъ Перемышльскій—Михаилъ и съ ними девять архимандритовъ важнѣйшихъ русскихъ монастырей, множество игуменовъ, монаховъ, священниковъ и протоіереевъ; кромѣ нихъ всѣ земскіе послы или депутаты отъ воеводствъ, братствъ, повѣтовъ и городовъ. Въ числѣ государственныхъ сановниковъ на сторонѣ православныхъ были: князь Острожскій съ сыномъ Алек-

¹⁾ Апокрисисъ, стр. 265—280.

²⁾ Rychcicki, т. II, стр. 133 и Ekthesis, стр. 23.

³⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 214.

⁴⁾ *ibid.*, № 103 о представителяхъ латинской половины и № 105 о представителяхъ православныхъ.

сандромъ, воевода Волынскій князь Полубенскій, Каштелянъ Новогродскій, стольникъ Волынскій Андрей Боговитинъ и многіе другіе знатные вельможи ¹⁾.—Нужно замѣтить, что князь Острожскій и другіе православные паны, зная напередъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, явились съ цѣлыми толпами вооруженныхъ людей,—къ нимъ присоединились протестанты и жители Бреста и этимъ какъ бы нарушили королевскую грамоту, строго воспрещавшую доступъ иновѣрцамъ и вооруженной силѣ. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе: шатры и пушки покрывали собою окрестности Бреста. Латиняне, увидѣвъ перевѣсъ физической силы на сторонѣ православныхъ, пришли въ ужасъ и обратились съ тревожными вопросами къ князю Острожскому,—но благородный князь увѣрилъ ихъ, что вся эта военная сила приведена сюда лишь для сохраненія спокойствія и безопасности присутствующихъ на соборѣ ²⁾.—Православные, собираясь ежедневно вокругъ своихъ епископовъ и патріаршихъ экзарховъ, спокойно ожидали; пока митрополитъ по установившемуся обычаю не укажетъ имъ мѣста для собора въ той или другой церкви ³⁾. Но тотчасъ оказалось, что латинская половина и тутъ не обошлась безъ іезуитскихъ хитростей и козней. Перечисляя въ лицахъ силу латинянъ, мы опустили имя Скарги не безъ цѣли. Теперь скажемъ, что душой, или лучше сказать, мозгомъ этой половины былъ самъ инициаторъ уніатскаго дѣла—Петръ Скарга. Онъ явился сюда въ обществѣ трехъ своихъ друзей: Іуста Роба, kaznodzieja Максима Латерны и крещеннаго татарченка іезуита Нагая. То, о чемъ мечталъ Скарга въ теченіе тридцати лѣтъ своей политической дѣятельности въ Польшѣ, къ чему такъ неутомимо клонилъ всѣ свои письменные труды и сеймовыя рѣчи, что внушала Сигизмунду съ первыхъ дней его вступленія на польскій престолъ, то дѣлалось теперь предметомъ обсужденія въ окончательной формѣ на Брестскомъ соборѣ. Здѣсь, на этомъ соборѣ рѣшалась судьба той идеи, которая была единственной цѣлью всей его жизни. Спрашивается: могъ ли онъ не явиться въ Брестъ? могъ ли онъ не принять послѣднихъ усилій для осуществленія своей завѣтной мечты? Какъ драматическій писатель не можетъ и не долженъ оставаться дома въ ту пору, когда на сценѣ театра впервые

¹⁾ Кромѣ акта № 105 (А. З. Р., т. IV) православная половина подробно перечислена въ Ектезисѣ, гдѣ упоминается, что на соборѣ православныхъ было болѣе 200 пресвитеровъ, явившихся въ качествѣ пословъ отъ „крылосовъ“ и братствъ.

²⁾ Антиррисисъ, стр. 27 и Бант.-Камецъ, стр. 53.

³⁾ Апокрисисъ, л. 2—3.

ставится плодъ его творческаго таланта—трагедія или драма,—напротивъ, онъ спѣшитъ сюда, чтобы руководить исполнителями той или другой существенной роли,—такъ и виновникъ *jedności kościoła* для русскаго и польскаго народовъ не могъ не явиться на Брестскій соборъ, гдѣ ставился на карту гигантскій трудъ его продолжительныхъ усилій и гдѣ имѣлъ осуществиться предметъ вѣковыхъ надеждъ вѣрныхъ слугъ папскаго престола. И Скарга является въ Брестъ, не какъ посторонній зритель судебъ русскаго народа, а какъ руководитель своей латинской половины. Онъ былъ объявленъ секретаремъ этого собора, онъ является и проповѣдникомъ и агентомъ въ сношеніяхъ съ православной половиной ¹⁾. Планъ дѣйствій, порядокъ засѣданій и характеръ отношеній къ православной сторонѣ,—все это въ мельчайшихъ подробностяхъ было обдуманно Скаргой и строго рассчитано на вѣрный успѣхъ. Его тактика по отношенію къ православнымъ прекрасно можетъ быть раскрыта лишь тогда, когда мы представимъ болѣе или менѣе подробный очеркъ этого собора на основаніи тѣхъ документовъ, какіе имѣются у насъ подъ руками ²⁾.

Чтобы лишить соборъ православныхъ приличнаго мѣста и тѣмъ повліять на умы простого народа, придумана была чисто іезуитская хитрость: отъ имени Поцѣя, какъ мѣстнаго епископа дано было распоряженіе запереть всѣ Брестскія церкви ³⁾. Православные, связанные словомъ князя—не употребляютъ силы и вынужденные необходимостью избрать для своихъ засѣданій приличное мѣсто, по неволѣ останавливаютъ свое вниманіе на одномъ обширномъ домѣ,

¹⁾ „... był sekretarzem Synodu, a, jak mówi Wielewicki, bardzo tam był czynnym“, Рыхцицкій, т. 2, стр. 137.

²⁾ О Брестскомъ соборѣ мы имѣемъ историческія, современныя извѣстія, записанныя какъ латинской стороною, такъ и православной. Къ извѣстіямъ перваго рода относятся: *Synod Brzeski* Скарги и „*Antyrpisy*“ 1600 года. Православной половиной изданы: 1) Синодальный универсалъ, подписанный 9 октября 1596 года православными, присутствовавшими на соборѣ; помѣщенъ въ Архивѣ Ю.-З. Рос., ч. I, т. I, № 123, стр. 518—532. 2) Протестъ кн. Острожскаго, тамъ же, стр. 533—537. 3) *Ekthesis*, або *krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to est, pomiastnym Synodzie w Brzesciu Lttewskim, w Krakowie*, 1596. 4) „Вѣстовыя отписки неизвѣстныхъ лицъ, о происшествіяхъ, бывшихъ на Брестскомъ соборѣ по случаю провозглашенія Уніи“, октябрь 8 и 9 дня, 1596 года (2 отписки), напечатанныя въ А. З. Р., т. IV, № 106, стр. 144—146. 5) Перестрога, написанная Львовскимъ священникомъ, „ниже при томъ былъ тамъ“ (А. З. Р., т. IV, стр. 214—236). и 6) „Апокрисисъ Христофора Филалета 1597 г. (изданіе Кіев. Дух. Академіи, Кіевъ, 1570 года).

³⁾ Апокрисисъ, л. 22.

принадлежавшемъ протестантамъ¹⁾. Освятить залу собора соотвѣствующимъ молитвословіемъ и установивъ порядокъ предстоящихъ засѣданій, православные начали свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ Никифора, патріаршаго экзарха, представившаго грамоту восточныхъ іерарховъ объ утвержденіи его въ семь званій²⁾. Первымъ дѣйствіемъ Никифора тотчасъ по открытіи собора было предложеніе митрополиту Рогозѣ явиться на судъ собора. Посланные, послѣ долгихъ розысковъ, нашли его въ кругу латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на судъ православныхъ³⁾. Тогда соборъ постановилъ—судить Рогозу и его единомышленниковъ заочно. Виновость ихъ, какъ измѣнниковъ православной вѣрѣ, не подлежала никакому сомнѣнію. Но прежде чѣмъ составить актъ объ ихъ осужденіи, члены собора занялись разсмотрѣніемъ самаго вопроса объ уніи и составленіемъ ея опроверженій⁴⁾. 8-го октября Никифоръ, придерживаясь соборныхъ правилъ, потребовалъ мнѣнія по этому поводу отъ православныхъ мірянъ. Представители послѣднихъ, прочитавъ инструкціи отъ разныхъ областей и городовъ, единогласно выразили свое твердое мнѣніе, что унія ненавистна всему Литовско-русскому народу⁵⁾. Послѣ этого соборъ православныхъ сдѣлалъ свое окончательное постановленіе: митрополита и епископовъ, виновныхъ въ уніи низложить съ епископскихъ кафедръ, послать имъ объ этомъ соборное опредѣленіе, составить письменный протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее и, наконецъ, просить короля о назначеніи имъ новыхъ епископовъ⁶⁾.

¹⁾ Ектезисъ, ст. 3—4.

²⁾ Апокрисисъ, л. 22 и „Грамота патріарховъ Константинопольскаго Іереміи и Александрійскаго Мелетія и другихъ восточныхъ святителей дидакалу Никифору на урядъ протосинкеллскій“ въ Ак. Ю. и З. Р., т. I, № 210 и въ Апокрисисѣ, изд. К. Д. А., стр. 485.

³⁾ (стр. 5—8) Ekthesis подробно описываетъ три посольства къ Митрополиту и тѣ увѣщанія, какія были предложены Рогозѣ.

⁴⁾ тамъ же, стр. 17—18.

⁵⁾ тамъ же, стр. 21—23. Въ какомъ духѣ были написаны „инструкціи“, данная земскимъ посламъ, можно судить по слѣдующему ихъ содержанію: „Мы не желаемъ никакой новой вѣры, мы не отрекаемся православія и набоженства предковъ нашихъ. Мы не отступаемъ отъ обычаевъ и догматовъ св. восточной церкви, которая и освятила и до познанія Бога привела насъ и нашихъ предковъ... ради этихъ обычаевъ, обрядовъ и догматовъ не только имущества, имѣній и всего богатства этого міра, но даже женъ и дѣтей и самой жизни не пожалѣемъ. Не выступимъ съ границъ вѣчныхъ, которыя положены нашими отцами, не отдадимъ послушенства папѣжови“... и т. д.

⁶⁾ тамъ же... „св. восходная церковь, отрекаясь отъ такихъ владыкъ требуетъ отъ насъ, а равно и нынѣшній синодъ, чтобы Митрополитъ Михаилъ и

Уніатская сторона открыла свой соборъ въ кафедральной Никлаевской церкви, которая для безопасности со стороны православныхъ была окружена военной силой ¹⁾. Въ число членовъ собора, какъ и слѣдовало ожидать отъ Скарги, вошли, вопреки грамотѣ короля, и иновѣрцы: латинскіе бискупы, отцы іезуиты и католическіе вельможи. Не стѣсняясь такимъ нарушеніемъ королевскаго универсала и церковныхъ правилъ и подражая православнымъ въ порядкѣ соборныхъ дѣйствій, уніаты прислали къ православнымъ свое посольство съ предложеніемъ войти съ ними въ союзъ. Тутъ-то и сказалось все петербургіе Скарги и его недовѣріе къ способностямъ и силамъ всѣхъ своихъ коллегъ. Онъ стаѣтъ во главѣ уніатскаго посольства и идетъ самъ на соборъ православныхъ. Въ то время, когда королевскіе послы заняли вниманіе православныхъ чтеніемъ королевскихъ грамотъ, Скарга употребляетъ хитрость: улучивъ минуту, онъ вызываетъ Острожскаго съ сыномъ въ особую боковую комнату и здѣсь, собравъ всѣ силы своего ораторскаго таланта, убѣждаетъ ихъ склониться въ пользу уніи и подчиненія папѣ. Къ сожалѣнію, никто не оставилъ намъ изложенія той бесѣды, какая происходила между Острожскимъ и Скаргой, но видно, что она была продолжительна и навела на князя глубокое раздумье, если протосинкелтъ Никифоръ вынужденъ былъ рѣзко замѣтить Скаргѣ: „Что вы приходите въ секретную комнату и толкуете со свѣтскими о религіозныхъ дѣлахъ? выходите открыто и при всѣхъ выступайте въ духовный съ нами споръ“ ²⁾! Скарга, убѣдившись, что вѣра Острожскаго не поколебима, поспѣшилъ вмѣстѣ съ послами уйти въ свой лагерь, чтобы окончить давно рѣшенное дѣло. Соборъ православныхъ немедленно избралъ восемь депутатовъ, которые и отправились къ королевскимъ посламъ вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ, нѣсколькими священниками и двумя епископами. Канцлеръ Литовскій Сапѣга говоритъ къ нимъ длинную рѣчь, составленную Скаргой. По словамъ Рыхницкаго, это была чудная

вышеназванные владыки были облачены всякаго архіерейскаго достоинства“... Таково было опредѣленіе собора. Тамъ же, стр. 31, изложено объявленіе уніатскимъ епископамъ о ихъ низложеніи и протестаціи „сенаторовъ, дикгнитаровъ-урядниковъ и рыцарства“, подписанная 9 октября 1596 года.

„Православные послали до господаря двухъ православныхъ зъ народу шляхецкого оповѣдуючи: же шго-кольвекъ Луцкій и Володимирскій учинили, тое все зрада и фальшь..., абы король митрополита и владыкъ дать нипнихъ... А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 214, столб. 2-й.

¹⁾ Апокрисисъ, л. 22.

²⁾ Ekthesis, 23—25 + А. З. Р., т. IV, № 106 + Макарій, Арх., т. IX, стр. 665.

рѣчи: „полная умѣренности, достоинства и силы, она напоминала намъ и недавнюю попытку Острожскаго хлопотать объ уніи (намекъ на его посланіе къ Поцѣю), и ихъ враждебное поведеніе, и самый прїѣздъ съ громадной военной силой, и союзъ съ протестантами, и ихъ пребываніе въ диссидентскомъ сборѣ и, наконецъ то, что они избрали себѣ главой шпіона Волосскаго Господаря Никифора“ ¹⁾... Последняя выдумка Скарги послужила роковой причиной для преслѣдованій Никифора со стороны королевской власти: онъ былъ посаженъ въ тюрьму и тамъ замученъ голодной смертью ²⁾. Объ этой рѣчи Рыхцицкій отзывается съ восторгомъ: „вся она проникнута его духомъ и наполнена тѣми доводами, какіе разбросаны по всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ противъ схизмы“ ³⁾. Но какъ ни убѣдительно была рѣчь Скарги въ устахъ Льва Сапѣги, какъ ни основательны повидимому были доводы послѣдняго о незаконности православнаго собора, депутація дала латинянамъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „зъ гисторен мы бачимо, что святое согласіе (церквей) очень часто было нарушаемо... мы же приступимъ къ соединенію съ римскимъ престоломъ, когда согласится на то вся ориентальная церковь, а особливе патриархове, когда для этого избраны будутъ пристойные сродки (законные пути) и надлежащіи мѣры, когда соглашены будутъ въ самомъ основаніи (съ фундаменту) всѣ разницы зъ стороны веры и церемоній между восточной и западной церквами и когда такимъ образомъ проложится дорога до крѣпкого и трвалаго зъєдноченья (соединенія)“ ⁴⁾... Этотъ разумный отвѣтъ православнаго собора, выражающій собою рѣшительный протестъ противъ измѣны уніатскихъ владыкъ и грубаго насилія со стороны королевской власти, былъ крайне непріятенъ Латинскому собору и Скарга, издавая свое сочиненіе „Synod Brzeski i jego obgona“, не постѣснялся представить въ немъ отвѣтъ православныхъ депутатовъ въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: „соединеніе церквей—греческой и латинской дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія,—поэтому ни во что входить мы не желаемъ. Пытались (kusili się) достигнуть этого великіе короли и не могли однако довести до конца; а мы тѣмъ бо-

¹⁾ Rychcicki, т. 2, стр. 137.

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 290: „а Никифора за вѣзня, въ невинности до Малборку (тюрьма) отослали и скільки лѣтъ у вѣзенью держали, наконецъ ажъ уморили постомъ“.

³⁾ Rychcicki, т. 2, стр. 137.

⁴⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, № 126, стр. 525; здѣсь отвѣтъ депутатовъ переданъ на ломанномъ польско-славянскомъ нарѣчїи.

лѣе не въ состояніи этого сдѣлать....—te byly słowa ich“, заключа-
етъ Скарга ¹⁾).

Когда неожиданная и крайне не тактичная попытка Скарги склонить Острожскаго на сторону латинства не удалась, когда получень былъ отъ православнаго собора уже извѣстный намъ отвѣтъ на предложеніе королевскихъ пословъ—быть въ союзъ съ римскимъ престоломъ, латиняне рѣшительно и поспѣшно закончили свой соборъ слѣдующимъ замѣчательнымъ актомъ. Бискупы и уніатскіе владыки, облачившись въ свои полныя, церковныя облаченія, вмѣстѣ съ другими духовными, примкнувшими къ лагерю латинянъ, отправились въ церковь св. Николая при колокольномъ звонѣ и въ сопровожденіи множества пановъ и простого народа. Въ церкви прежде всего было отслужено молебствіе о соединеніи христіанскихъ народовъ и затѣмъ духовенство заняло свои мѣста: на одной сторонѣ сѣли панскіе и королевскіе послы, а на другой епископы—измѣнники во главѣ съ митрополитомъ. Тотчасъ выступилъ на амвонъ епископъ Полоцкій Гермогенъ, и держа въ рукахъ грамоту, подписанную Роговой и прочими епископами, громко, во всеуслышаніе прочелъ актъ объ уніи. Какъ только окончилось чтеніе Гермогена, тотчасъ бискупы западной церкви бросились къ епископамъ восточной—и, обѣщая другъ другу миръ, согласіе и любовь, облобызались и радостно воспѣли хвалебную пѣснь Трои-постасному Богу.

Какъ видимъ изъ этого краткаго разсказа, взятаго нами почти дословно у Скарги,—члены латинскаго собора сочли для себя невозможнымъ и нецѣлесообразнымъ разсуждать объ уніи, о ея мотивахъ, о желаніяхъ народа; очевидно, совѣщательное участіе мірянъ, требуемое 103 правиломъ Карпагенскаго собора, не могло войти въ программу дѣйствій Скарги. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ, ни въ одномъ актѣ, упоминанія о томъ, что на этомъ соборѣ присутствовали православные земскіе послы. Не удивительно, поэтому, что латинскій соборъ, вмѣсто всякихъ разсужденій объ уніи, объявляетъ ее дѣломъ окончательно рѣшеннымъ, утвержденнымъ папой, желательнымъ королю и любезнымъ для всего польскаго народа. И мы видимъ, что уніатскій соборъ оканчиваетъ свои дѣйствія тѣмъ же актомъ, какой замѣченъ былъ у православныхъ, т. е. представляетъ отъ себя королю протестъ противъ не принявшихъ уніи съ просьбой низложить виновныхъ епископовъ и принять стро-

¹⁾ Synod Brzeski.

гій мѣры противъ народа ¹⁾. На другой день Рогоза издалъ соборную грамоту, которой объявлялось духовнымъ и мірянамъ, что всѣ не принявшіе уніи предаются проклятію, лишаются сана, отлучаются навсегда отъ церкви и, что мѣста духовныхъ, непринявшихъ уніи, будутъ отданы другимъ ²⁾. Наконецъ, 10 октября (это было въ воскресенье) латинскіе бискуны въ сопровожденіи королевскихъ пословъ отправились снова въ соборную церковь святителя Николая и тамъ „вмѣстѣ съ владыками греческаго костела“ участвовали въ совершеніи литургіи. Скарга не приминулъ и здѣсь сказать свою пламенную рѣчь на тему „o jedności kościoła Bożego i o tej szczęśliwej zgodzie“ ³⁾. Въ заключение своего торжества, латинскій соборъ постановилъ—объявить немедленно во всемъ государствѣ актъ уніи и послать Поцѣя съ Терлецкимъ въ качествѣ пословъ къ королю ⁴⁾.

Такъ вмѣсто одного собора состоялось два. На одномъ унія единогласно была отвергнута и іерархи, принявшіе ее, лишены сана,—на другомъ—унію торжественно приняли и духовныхъ, отвергнувшихъ ее не только лишили сана, но и предали проклятію вмѣстѣ со всѣми, кто сталъ бы считать себя по прежнему православнымъ. Оба собора сдѣлали свои окончательныя постановленія и оба послали ихъ къ королю для утвержденія и осуществленія своихъ цѣлей. Спрашивается теперь: могъ ли король, вѣрный другъ и ученикъ Скарги, принять сторону православныхъ? Могъ ли онъ не порадоваться тому, что наконецъ-то разрушена *szużma*, эта ненавистная преграда, мѣшавшая тѣсному союзу обѣихъ половинъ *Rzeczypospolitej*? „*Uszczęśliwiony*“ и довольный Сигизмундъ издалъ 15 декабря ко всѣмъ своимъ подданнымъ универсалъ, которымъ предостерегалъ всѣхъ „*Ruskich obywatelów*“ подъ страхомъ утраты королевской ласки не имѣть ничего общаго съ Никифоромъ, Балабаномъ и Копытынскимъ и ни въ чемъ рѣшительно не препятствовать уніатамъ“ ⁵⁾.

Такъ состоялась церковная уніа въ Литвѣ, раздѣлившая западно-русскую церковь на двѣ далеко не равныя половины! Такъ осуществилась политическая идея Скарги о тѣсномъ гражданскомъ единеніи Западной Россіи съ Польшей при условіи религіозной

¹⁾ Объ этомъ мы находимъ у Островскаго „*Dz. Kośc. Polsk.*“, т. 3, стр. 196.

²⁾ *A. Z. P.*, т. IV, № 107, 108 и 109.

³⁾ *Rychcicki*, т. 2, стр. 141.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 142 и *A. Z. P.*, т. IV, № 114, стр. 156—157.

⁵⁾ *Rychcicki*, т. 2, стр. 142.

уніи обонхъ народовъ! Но здѣсь еще не, конецъ политическаго вліянія Скарги и его идеи о *jedności kościoła* на судьбы православно-русскаго народа. Его дѣятельность въ этомъ направленіи продолжалась еще болѣе 10 лѣтъ. Крупный переворотъ, созданный Скаргой въ области религіозной жизни многихъ милліоновъ православно-русскихъ людей, не могъ не отразиться на всѣхъ сторонахъ ихъ политической жизни, не могъ не вызвать въ судьбахъ всего Польскаго королевства тѣхъ или другихъ измѣненій. Съ этой стороны мы находимъ необходимымъ продолжить наши изслѣдованія о политической дѣятельности Скарги, какъ инициатора и руководителя такъ называемаго уніатскаго вопроса.

Мы видѣли, что унія, не смотря на всѣ усилія со стороны Скарги, Сигизмунда, латинскихъ бискуповъ и прочихъ тайныхъ и явныхъ ея дѣятелей, была принята на Брестскомъ соборѣ самымъ ничтожнымъ меньшинствомъ православныхъ. Такое незавидное положеніе дѣла объясняется прежде всего самымъ направленіемъ уніи, которую Поцѣй и Терлецкій слишкомъ ужъ сблизили съ латинствомъ. Православные, полагая въ уніи чисто латинскую церковь, сразу отшатнулись отъ нея. Но со временемъ условія уніатскаго движенія измѣнились; унія, утвержденная королевской властью, нашла для себя въ этомъ вполнѣ надежную опору: она считается теперь совершившимся фактомъ. Правительство старается окружить уніатскихъ епископовъ заманчивыми выгодами; оно уравниваетъ ихъ въ правахъ съ бискупами латинской церкви; оно оказываетъ имъ особенное вниманіе и рѣдкій почетъ,—оно, наконецъ, даетъ имъ въ пожизненное владѣніе богатѣйшія имѣнія и монастыри¹⁾. Къ этому времени (1597—1610) относится большая половина жалованныхъ грамотъ Сигизмунда духовнымъ лицамъ „съ условіемъ пребывать навсегда въ уніи съ Римскимъ костеломъ“²⁾. Такимъ образомъ новая уніатская церковь сразу нашла для своего существованія въ дѣйствіяхъ правительства довольно прочныя основы. Теперь она могла легко благоустраиваться и добиваться свободнаго, независимаго развитія и по существующимъ законамъ и на самомъ дѣлѣ,—тѣмъ болѣе это было достижимо, что принципъ широкой вѣротерпимости, лежавшій въ основѣ польской конституціонной жизни, не былъ окончательно подавленъ вліяніемъ іезуитовъ. Впро-

¹⁾ А. З. Р., т. IV, №№ 96, 112, 115 и множество другихъ.

²⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. VI, №№ 134, 166, 85, 140 и множ. другихъ, изъ которыхъ видно, что король щедро разсыпалъ свои милости на уніатскихъ епископовъ.

чемъ, Сигизмундъ и Скарга, вводившіе унію, какъ средство политическаго единенія двухъ народовъ, не могли ограничиться обыкновенными мѣрами и естественными путями. Вводя унію въ жизнь русскаго народа, они смотрѣли на нее, какъ на вѣроисповѣданіе, безусловно обязательное для всѣхъ православныхъ, какъ на политическую мѣру съ цѣлью уничтожить русскую народность; они открыто признали западно-русскую церковь незаконной и не имѣющей права на свое существованіе въ Польской коронѣ. При такомъ отношеніи къ русской народности и вѣрѣ, могло ли Польское правительство оставаться пассивнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, которые отвергали унію и которые всѣми мѣрами старались уничтожить ея вліяніе на народъ?—Борьба между православными и уніатами была неизбежна. Впрочемъ, употребить на первыхъ порахъ физическую силу и заставить православныхъ принять унію путемъ принужденій,—правительство считало не возможнымъ: такой образъ дѣйствій явно противорѣчилъ бы духу Польской конституціи и положительнымъ законамъ. Законъ Варшавской конфедераціи 1573 года одинаково распространялся на обѣ половины Брестскаго собора: какъ православіе, такъ и унія имѣли одинаковыя права на свое существованіе. Каждая сторона могла доказывать справедливость своихъ требованій и несправедливость противной стороны. Такимъ образомъ самый строй конституціонной жизни Польскаго народа допускалъ открытое, гласное состязаніе между обѣими сторонами. И это состязаніе, благодаря коренной привычкѣ Польскаго народа подвергать гласному обсужденію всѣ свои рѣшенія и проекты, рельефно отразилось на той горячей религіозной полемикѣ, какая началась немедленно послѣ Брестскаго собора¹⁾. Церковные ораторы обѣихъ сторонъ торопились высказать свои убѣжденія съ церковныхъ кафедръ и энергично вѣщали народу pro и contra какъ уніи, такъ и православной церкви. Владѣвшіе литературнымъ перомъ, воодушевленные религіознымъ энтузіазмомъ, горячо взялись за составленіе разнаго рода летучихъ универсаловъ, апологій и опроверженій. И въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ Скаргѣ: онъ первый выступилъ на арену литературной борьбы со своимъ печатнымъ словомъ противъ православія и въ защиту уніатскаго собора. Ему предстояла трудная за-

¹⁾ Борьба между православными и уніатами на сеймахъ, слѣдовавшихъ за Брестскимъ соборомъ, приняла чрезвычайно острый характеръ. Процессъ этой борьбы прекрасно изложенъ у проф. Жуковича, въ его сочиненіи „Сеймовая борьба правос. западно-рус. дворянства съ церк. уніей“. Спб., 1901 г.

дача—дискредитировать православіе, какъ схизму и возвысить унію, какъ истину,---и онъ чувствовалъ въ этомъ дѣлѣ большое стѣсненіе: Дѣло въ томъ, что сама унія, въ защиту которой ему пришлось нападать на православную церковь, заключала въ себѣ значительную часть особенностей этой церкви. Слѣдовательно, это условіе ставило его въ необходимость не касаться многихъ частныхъ въ православной церкви, или что тоже--не ослаблять своей главной мысли, что православіе—ересь.—Съ другой стороны, имѣя въ виду, что унія со временемъ должна совершенно смѣниться латинствомъ¹⁾, Скарга не долженъ былъ формулировать ее, какъ опредѣленную норму. Такимъ образомъ, унія въ силу сложившихся обстоятельствъ должна была носить на себѣ троякій характеръ: и православіе и латинство и нѣчто среднее, совершенно отличное отъ того и другого. И дѣйствительно, въ сочиненіяхъ Скарги она является чѣмъ то неопредѣленнымъ, двусмысленнымъ и не точнымъ. Но кромѣ этихъ чисто обрядовыхъ сторонъ, Скаргѣ предстояло разрѣшить административный вопросъ: гдѣ должна сосредоточиваться высшая власть въ православно-уніатской церкви? Оставляя въ сторонѣ догматическія основы власти восточнаго патріарха и римскаго папы, какъ малодоступныя народу, Скаргѣ нужно было убѣдить православныхъ, что зависимость отъ папы имѣетъ за собою сильнѣйшіе аргументы. Такіе контрасты, какъ величіе папы и униженіе патріарха, богатство латинянъ и неволя грековъ, могли дѣйствительно, вліять на тѣхъ людей, которые привыкли соединять блага вѣры съ житейской пользой. И мы увидимъ ниже, что Скарга не преминетъ показать, какъ общеизвѣстная утилитарность латинства можетъ развернуться во всей своей широтѣ, обхватывая и частные и политическіе интересы народа.—Наконецъ, сама жизнь выдвигала для Скарги еще одно затрудненіе. Всѣ понимали, что унія введена для политическихъ цѣлей и что она не соответствуетъ желаніямъ народа²⁾. Отсюда понятно, что защитнику уніи нужно было защищать и неограниченное право какъ королевской, такъ и епископской власти. Въ результатѣ получалось крайнее ученіе во первыхъ о томъ, что міряне должны безусловно принимать на вѣру все то, что найдетъ для нихъ необходимымъ церковная

¹⁾ Theiner, III, 269—270, № 198.

²⁾ Скаргѣ не безъизвѣстно было сильное броженіе въ средѣ православныхъ, выразившееся въ 16-ти литовскихъ сеймикахъ, бывшихъ въ декабрѣ того же года. На всѣхъ этихъ сеймикахъ православные энергично поддерживали протестъ брестскаго православ. собора. (См. Жуковича, Сейм. борьба... стр. 239—240).

власть и во вторыхъ, что карательныя мѣры за отреченіе отъ новой вѣры—рѣшительно во власти короля. Такимъ образомъ унія, созданная якобы для спасенія русскихъ людей и для скорѣйшаго усвоенія ими характера польской жизни, неизбежно стала во враждебное отношеніе къ основному началу этой же жизни,— къ свободѣ. Вотъ тѣ парадоксы, которые въ самомъ началѣ уніи обрисовались, какъ ея характерныя черты. Скарга поднялся на защиту уніи въ силу своего долга: онъ выразилъ идею уніи по отношенію къ русско-литовскому народу въ опредѣленной формѣ, онъ развилъ ее въ стройную систему, придавъ послѣдней характеръ проекта,— онъ сдѣлалъ ее основаніемъ всѣхъ политическихъ чаяній польскихъ патріотовъ,—онъ, наконецъ, былъ руководителемъ уніатскаго собора, гдѣ идея уніи стала совершившимся фактомъ,—слѣдовательно онъ долженъ былъ отразить отъ нея тѣ удары, какіе наносили ей православные въ своей полемической литературѣ. Послѣдняя началась еще за нѣсколько мѣсяцевъ до Брестскаго собора. Такъ, въ 1595 году издана была Виленскимъ братствомъ книга: „Унія, альбо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ ку зъодноченью Грековъ съ костеломъ Римскимъ належащихъ за дозволеніемъ старшихъ“. Въ 1596 году, немедленно послѣ Брестскаго собора была выпущена замѣчательная книга „*Ekthesis, abo krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to est, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim... и т. д.*“. Книги эти производили большую сенсацію въ средѣ православныхъ магнатовъ и простого народа. Скарга долженъ былъ ослабить вліяніе противной стороны и онъ издаетъ черезъ два мѣсяца послѣ Брестскаго собора двѣ апологіи въ защиту уніи „*Synod Brzeski*“ и „*Obrona Synodu Brzeskego*“.

Едва ли намъ нужно послѣ подробной характеристики дѣяній Брестскаго собора распространяться о томъ, какъ мало было на сторонѣ Скарги нравственной силы, истины, правды и какъ трудно было ему вліять теперь на убѣжденія православныхъ. Впрочемъ, чтобы оградить себя отъ субъективнаго отношенія къ личности Петра Скарги и чтобы лучше уяснить тѣ полемическіе приемы, какими Скарга пытался защитить предъ читающей Польшей свои политическія убѣжденія, мы приведемъ въ концѣ настоящаго изслѣдованія, въ видѣ приложенія, болѣе существенные отдѣлы этихъ двухъ новыхъ сочиненій и подчеркнемъ въ нихъ тѣ выдающіяся положенія, въ которыхъ отразились главныя направленія Скаргиныхъ мыслей. Слѣдуетъ замѣтить, что непосредственно послѣ Брестскаго собора, въ томъ же году, имѣлъ состояться Вар-

шавскій сеймъ. Православные готовились выступить предъ сеймомъ и королемъ съ протестомъ противъ уніатскаго собора. Отсюда понятно, какой характеръ должно было имѣть сочиненіе Скарги о Брестскомъ соборѣ. Онъ чувствовалъ крайнюю неловкость своего положенія, какъ дѣписателя и защитника собора: онъ сознавалъ, что эта работа болѣе кстати кому-либо изъ новыхъ уніатовъ. Намъ кажется, что эти-то соображенія и служили причиной, побудившей Скаргу скрыть свое имя. Это во первыхъ. Во вторыхъ, чувство досады, оставшееся у него послѣ собора отъ неполнаго успѣха давнихъ замысловъ, слишкомъ отзывается въ обоихъ сочиненіяхъ крайнею раздражительностью и злобнымъ отношеніемъ къ противной сторонѣ, — чего мы не замѣчаемъ ни въ одномъ изъ прежнихъ его литературныхъ трудовъ. И наконецъ, въ третьихъ, въ обоихъ сочиненіяхъ, гдѣ защищается законность и святость уніатскаго собора, Скарга положительно нисходитъ на степень самаго пристрастнаго писателя, который позволяетъ себѣ объ одномъ умолчать, другое присочинить, а третье совершенно исказить. Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну полемическую странность: въ сочиненіи „Obrona Brz. Synodu“ Скарга съ особой щедростью и какъ будто съ наслажденіемъ расточаетъ свои нападки какъ на восточныхъ патріарховъ, такъ и на соборъ православныхъ, называя его сеймикомъ и то незаконнымъ ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ критическому анализу этихъ новыхъ сочиненій Скарги и представимъ доказательства въ пользу тѣхъ соображеній, какія высказаны нами раньше. Что въ сочиненіяхъ Скарги нѣтъ нравственной силы, истины и правды, это видно изъ слѣдующихъ положеній. Въ первомъ отдѣлѣ „Synodu Brzeskego“ Скарга положительно искажаетъ событія 7 октября, представляя князя Острожскаго виновникомъ беспокойствія и какихъ-то угрозъ собравшимся отцамъ и называя православное собраніе „людьми разныхъ религій и еретической шляхты“. Что касается событій 8 октября, то здѣсь Скарга нашелъ нужнымъ умолчать о своей неудавшейся попыткѣ склонить Острожскаго въ пользу латинства ²⁾. Далѣе, въ числѣ пословъ православнаго собора Скарга почему-то насчитываетъ свыше десяти („kilanaście“) поповъ“ и хитро умал-

¹⁾ Obrona Syn. Brz. Rodział XII, 5 строка.

²⁾ Замѣчательно, что ксендзъ Заленскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ рѣшился сказать о томъ, что Скарга пытался nakłonić do unii кн. Острожскаго па Krzyżganku długą rozmowę., но что stary lis (кн. Острожскій) не далъ себя уловить. „Jezuici w Polsce“, т. I, ч. II.

чивается о кн. Острожскомъ, тогда какъ извѣстно изъ многихъ историческихъ актовъ, что все посольство состояло изъ 4-хъ свѣтскихъ, 4-хъ духовныхъ, 2-хъ владыкъ и князя Острожскаго. Вторая часть „Synodu Brzeskego“ представляетъ собой рѣчь королевскихъ пословъ. За неимѣніемъ чего описывать, Скарга съ особымъ вниманіемъ занялся этой рѣчью, которая, какъ доказано нами выше, была составлена имъ самимъ. Въ ней онъ резюмируетъ все то, что доселѣ говорилъ въ своемъ сочиненіи „o jedności kościoła“ и что будетъ потомъ говорить въ защиту собора. Здѣсь Скарга не стѣсняется называть протосинкелла Никифора бѣглецомъ, колодникомъ и турецкимъ шпиономъ. „Вашъ соборъ, говоритъ онъ, нельзя назвать не только синодомъ, но и даже и сеймикомъ шляхетскимъ... Погибать вамъ ради цареградскихъ патріарховъ, отступившихъ отъ Бога, — было бы великою глупостью“!.. Такимъ краснорѣчіемъ заявилъ себя Скарга, взявшись защищать неудавшееся дѣло Брестскаго собора ¹⁾. Въ III отдѣлѣ приведенъ „List unieyswiętey“ и эффектно описываются заключительныя торжества 10 октября: горячія лобызанія епископовъ обѣихъ церквей, торжественныя службы, слезы умиленія и назидательная проповѣдь самаго Скарги.

Второе сочиненіе Скарги „Obrona Brzeskego Synodu“ посвящено апологіи латинскаго ученія о папскомъ единовластіи. На этомъ ученіи, какъ на базисѣ, Скарга основываетъ три главныхъ положенія: 1) Брестскій уніатскій соборъ вполне законный, 2) уніатскіе владыки не обязаны были сноситься въ дѣлахъ вѣры со свѣтскими людьми и 3) что подчиненіе папѣ, какъ главѣ видимой церкви, есть долгъ всѣхъ христіанъ. Последнее положеніе Скарга доказываетъ свидѣтельствами изъ исторіи церкви и выписками изъ твореній лучшихъ богослововъ востока. Тщательно подвергая критической оцѣнкѣ приведенныя Скаргой свидѣтельства изъ Священнаго Писанія и отцовъ восточной церкви, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что онъ употреблялъ для своихъ партійныхъ цѣлей далеко не соответствующій своему положенію и сану методъ: одни свидѣтельства онъ приводитъ безъ внутренней связи съ контекстомъ рѣчи, другія — превратно толкуетъ и искажаетъ ихъ внутрен-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи не уступаетъ Скаргѣ и современный намъ защитникъ іезуитовъ, о. Заленскій: „православный соборчикъ, или лучше сеймикъ собрался подъ предсѣдательствомъ zbiega, pseudo-legata Никифора“... Соборъ этотъ состоялъ изъ депутатовъ: 23 русскихъ, по преимуществу аріанъ, 35 отъ церк. братствъ, gromada porów i heretyckiej szlachty“... „Jezuici w Polsce“, т. I, ч. II, стр. 556.

ній смыслъ, а третій, — завѣдомо подложный, выдаетъ за истинный. Такъ въ 3-й главѣ своей *Obrogu*, желая доказать полновластіе св. Апостола Петра, Скарга говоритъ: „развѣ напрасны эти слова Господа къ Петру“ — „на тебѣ созижду церковь Мою, ибо ты еси скала и камень“?... Какъ въ латинскомъ, такъ и въ греческомъ текстѣ эти слова Христа написаны далеко не такъ: „ты еси Петръ и на семь каменіи созижду церковь Мою“. Кто не усмотритъ здѣсь грубой хитрости, прикрытой какъ будто случайнымъ искаженіемъ словъ Христа? — Не лучше Скарга поступаетъ и въ тѣхъ строкахъ, гдѣ чисто по іезуитски извращаетъ смыслъ Евангельскаго выраженія — „и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго“... Немного ниже, въ той же главѣ, подтверждая свою мысль о главенствѣ папы словами Кирилла Александрійскаго, взятыми изъ латинскаго текста, Скарга умышленно переводитъ терминъ „*princeps*“ — старѣйшина, начальникъ, — тогда какъ это слово всегда понимаютъ въ смыслѣ имѣющій преимущество предъ другими (*princeps familiae, princeps philosophorum* и т. д.). Девятая и десятая главы наполнены свидетельствами изъ Геннадія, Цареградскаго патріарха: напрасно Скарга вооружается завѣдомо подложными писаніями. Геннадій, въ міръ Георгій Схоларій, бывшій на Флорентійскомъ соборѣ въ качествѣ секретаря Императора Палеолога, заявилъ себя съ 1453 года самыми ревностными обличеніями папскихъ тенденцій на главенство. Паписты не безъ цѣли приписываютъ ему извѣстное сочиненіе — „*Arologia quinque capitum Synodi Florentini*“. Доказано, что то сочиненіе, которое приписывали Геннадію, написано Григоріемъ Мамой¹⁾. — Нельзя безъ сожалѣнія читать, какъ Скарга въ отдѣлѣ IX глумится надъ восточными христіанами: „смотрите, говоритъ онъ, какъ Господь покаралъ Грековъ!.. Отрекся отъ нихъ Христосъ, говоря: бери ихъ, турокъ, — убивай и расточай ихъ, варваръ“!.. Прискорбно, что Скарга, этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ и Карпан рѣшился приписать Христу такія жестокія слова... Но довольно! Изъ сдѣланнаго нами краткаго критическаго обзора послѣднихъ сочиненій Скарги ясно вытекаетъ, что нашъ политическій дѣятель не чуждался подъ часъ тонкихъ злоупотребленій, когда стремился доказать святость Брестскаго уніатскаго собора.

Сочиненіе Скарги, утѣпившее уніатовъ, глубоко возмутило православныхъ, тѣмъ болѣе, что Польское правительство приняло въ отношеніи ихъ болѣе рѣшительныя мѣры, въ духѣ Скаргиныхъ совѣтовъ. Естественно, что у православныхъ возникло желаніе дать

¹⁾ Православное Обзорѣніе, Филаретъ, 1860 г., т. I, стр. 512.

Скаргоу отвѣтъ и защитить православный соборъ не передъ правительствомъ только, но и передъ всѣми классами русскихъ людей. Не прошло и полъ года послѣ изданія „Obrogu“, какъ появилось во множествѣ экземпляровъ довольно объемистое сочиненіе „апокрисисъ, альбо отповѣдь на книжки о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣй греческой черезъ Христофора Филалета врихлѣ дана“... Возгорѣлась литературная борьба, усилилось стремленіе открывать темныя стороны своихъ враговъ, начались у писателей личные скандалы и полемика приняла самый злобный характеръ. Въ результатъ получилось ожесточеніе обѣихъ сторонъ, разгаръ страстей и желаніе достигнуть своихъ цѣлей путемъ насилій и кулачной расправы. Такъ спорное дѣло между православными и униатами, созданное Скаргой въ области литературныхъ преній перешло въ самую жизнь и дало чрезвычайно печальные результаты. Между униатскимъ духовенствомъ и православной пастырой возгорѣлась самая ожесточенная борьба: одни объявили твердое намѣреніе управлять, а другіе—не повиноваться. Обѣ стороны считали себя обиженными и обращались за содѣйствіемъ къ свѣтскимъ властямъ. Послѣднимъ приходилось разрѣшить весьма трудный вопросъ: что считать болѣе законнымъ—унію или православіе? Злѣйшимъ врагомъ православной церкви, какъ и слѣдовало ожидать, оказался Ипатій Поцѣй. Какъ бывший сенаторъ, онъ прекрасно зналъ, чѣмъ лучше всего повліять въ сеймовыхъ собраніяхъ на шляхту. Его главной задачей было стремленіе добиться въ пользу униатской церкви такихъ правъ и привилегій, какими сразу подрывалось бы всякое значеніе публичной защиты политическихъ правъ православной церкви на ея существованіе. На сеймѣ 1600 года Поцѣй обратился къ шляхтѣ съ слѣдующей, очень интересной по своему содержанію, рѣчью: „Мы, униатскіе владыки, не допускали никакихъ новшествъ. Мой предшественникъ (Исидоръ, митрополитъ русскій), назадъ тому 150 лѣтъ, принявъ унію на флорентійскомъ соборѣ, призналъ римскаго епископа верховнымъ пастыремъ вселенской церкви и обѣщалъ ему *posluszeństwo*. Въ виду этого польскіе короли дали русской церкви многія права и привилегіи еще въ то время, когда невѣрные султаны не имѣли въ своихъ рукахъ ни патріархата, ни Византійскаго царства. Но теперь, когда патріархъ самъ находится въ неволѣ..., развѣ мы не обязаны бѣжать отъ него? Развѣ патріархи давали намъ порядокъ или чему нибудь насъ учили? Они ѣздили къ намъ, какъ волки и привозили съ собою лишь несогласіе да раздоры... Ставропигіальнымъ братствамъ, состоящимъ изъ простыхъ людей, они давали епископскую власть.

И это *chłopstwo* усвоило себѣ такіе порядки, что не хотѣло знать ни епископовъ, ни пановъ“ ¹⁾. Бурный сеймъ 1600 года, несмотря на сильную оппозицію со стороны православныхъ (*dysunitów*), рѣшилъ, что епископы, принявшіе унію, ни въ чемъ не нарушили законовъ Рѣчи Посполитой и что всѣ должны признавать за ними ихъ епископскія права. Не менѣе энергично дѣйствовали Поцѣй и на сеймѣ 1603 года, который, какъ извѣстно, благодаря сильной борьбѣ, возникшей на религіозной почвѣ, раздѣлился на двѣ партіи и окончился ничѣмъ. Но если вспомнимъ, что высшая административная власть находилась тогда въ рукахъ іезуитовъ, то не станемъ удивляться, что всѣ мелкіе правительственные чины охотно приходили на помощь уніатамъ, а на сторонѣ православныхъ было сочувствіе плотной массы народа и въ частности нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Враждебное столкновение этихъ двухъ силъ народной жизни польскаго государства повело къ гибельнымъ смутамъ. Съ этого времени начинаются преслѣдованія, гоненія и насилія надъ тѣми, кто горячо стоялъ на сторонѣ православной церкви. Первымъ страдальцемъ за вѣру былъ экзархъ Никифоръ, проживавшій послѣ Брестскаго собора въ Острогѣ у князя Острожскаго. Латинская партія во главѣ со Скаргой видѣла въ немъ руководителя по изданію всѣхъ ученыхъ сочиненій, доказывавшихъ ложь уніатскихъ претензій и постаралась погубить его. Никифоръ былъ вызванъ въ Варшаву на судъ; здѣсь признали его виновнымъ въ государственной измѣнѣ и заключивъ его въ Маріенбургскій замокъ, уморили голодной смертью ²⁾.—Авторъ Перестроги такъ описываетъ положеніе православныхъ: „дѣлая перемѣны въ церквахъ, они (уніаты) выбрасываютъ вырытыя изъ земли тѣла мертвыхъ людей гре-

¹⁾ Likowski. *Unia brzeska*, 274, 275

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 149, стр. 220+Ст. М. Кояловича объ экзархѣ Никифорѣ въ „Странникѣ“ за 1860 г., IV, 197—217.+„Христіан. Чтеніе“, мартъ, стр. 578—579.+Проф. С. Т. Голубевъ „Кіев. Митрон. Петръ Могила“, т. I, прил. стр. 46—60.+Митр. Макарій „Исторія русской церкви“, т. X, стр. 245—250.+Проф. Жуковичъ „Сеймовая борьба правосл. з.-р. дворянства съ церк. уніей“, стр. 226—299.—Всѣ эти научные труды, строго обоснованные на несомнѣнно-достоверномъ историческомъ матеріалѣ, низводятъ на степень партійно-тенденціозной работы нѣкоторые историческія сочиненія такихъ писателей, какъ Рыхцицкій, Заленскій, Ant. Prochaska и другихъ, не говоря уже о самомъ Скаргѣ, который старался очернить Никифора, какъ *zbiega*, *szpiega* і *zdrajcę*. Исслѣдованія проф. Жуковича (Сейм. борьба... 280—299) детально раскрываютъ самый процессъ жестокаго и несправедливаго суда надъ Никифоромъ и убѣждаютъ въ томъ, что инициаторомъ обвиненія послѣдняго въ шпіонствѣ является П. Скарга, издавшій на канувъ сейма 1597 года свой пресловутый „*Brzeski Synod*“.

ческой вѣры,—не допускають людей этой вѣры быть свидѣтелями,—не даютъ имъ судебныхъ книгъ, всячески безчестятъ нашихъ священниковъ, встрѣтивши ихъ на дорогѣ... Чѣмъ дальше, тѣмъ больше умножаются заключенія, мучительства, наѣзды, гоненія и другія подобныя этимъ бѣды на тѣхъ, которые не хотятъ итти за ними... Уже отнимають Печерскій монастырь отъ Кіевского архимандрита за то, что стоитъ при древней вѣрѣ,—уже у епископа Львовскаго.... выдирають Жидичинскій монастырь, выдирають наѣздомъ, насильно съ штурмомъ съ кровопролитіемъ¹⁾... Жалобы „Перестроги“ вполнѣ подтверждаются тѣми данными, какія находятся въ современныхъ ему грамотахъ, листахъ и актахъ²⁾... Какова была горечь на душѣ у защитниковъ православной церкви, видно изъ слѣдующаго воззванія „Перестроги“, обращеннаго къ насадителямъ униі: „пусты тронетъ ваши милости то соображеніе, что, хотя бы и желали отъ насъ отступленія отъ нашей вѣры, все же мы люди, а не скоты,—по милости Божіей люди свободные, вымочь у которыхъ что-либо силой и принужденіемъ—напрасная мечта... Ваши милости дознали, въ какомъ согласіи мы жили съ вами въ прежніе вѣка, хотя и постоянно пребывали при древней вѣрѣ и патріархахъ. Разности обрядовъ нисколько не мѣшала благожелательности и взаимной помощи въ нуждѣ. Извѣдайте же теперь того любезнаго согласія и единства, какія стали лѣпить ваши отступники митрополитъ и владыка! Ваши милости видятѣ, какіе плоды приноситъ это единство (jedność)“³⁾... Такъ и кажется, что этотъ таинственный „Христофоръ Филялетъ“ шлетъ свою укоризну по адресу автора „o jedności kościoła Bożego“, по адресу того, кто своими панегириками вооружилъ униатскихъ владыкъ противъ православнаго народа, кто православныхъ представлялъ измѣнниками отечеству, раздирающими его цѣлость и единство, кто называлъ ихъ врагами республики, короля и сторонниками султана и кто, наконецъ, полемическія сочиненія противъ униатовъ призналъ предательствомъ и измѣной⁴⁾.

¹⁾ Перестрога, стр. 309—310.

²⁾ Арх. Ю. З. Рос., т. VI, части I, №№ 57, 58, 84, 139 и множество другихъ. Кромѣ того Актъ Виленскаго съѣзда 1599 года (Опис. Кіево-Соф. собора Митр. Евгенія, стр. 68—69).

³⁾ Перестрога, стр. 314—316.

⁴⁾ Na terny u lamenty przastroga, 1610 г. Skarga. Здѣсь находимъ такое выраженіе: „O tych szkaradnych ksiązekach (т. е. о полемическихъ сочиненіяхъ въ родѣ „Орипоса“) nieprzyjaciele ojczyzny positkujących, gdy się Król dowiedział, zatrzymać je kazał“...

Не прошло послѣ Брестскаго собора и 10 лѣтъ, какъ вліяніе Брестской уніи сказалося на всѣхъ сторонахъ политической и религіозной жизни западно-русскихъ областей. Польскіе магнаты и совращенные въ латинство русскіе дворяне, проникнутые не только іезуитскимъ фанатизмомъ, но и крайнимъ презрѣніемъ къ русской народности и вѣрѣ, владѣя душою и тѣломъ своего народа, неистово угнетали его. Жолнеры, разставленные на всемъ югѣ Россіи для обезпеченія польской шляхты отъ казаковъ, производили страшныя опустошенія среди православнаго населенія. До чего простирались гоненія на православную церковь, видно изъ того, что полемическія сочиненія противъ уніатовъ признавались государственной измѣной и тяжкимъ преступленіемъ. Такъ, западно-русскій поэтъ Кленовичъ за свое сочиненіе „Actio prima contra Jezuitas“ былъ доведенъ іезуитами до голодной смерти ¹⁾, а другой — Пётровъ, осмѣявшій іезуитовъ въ своей брошюрѣ „Gratis plebanski“, былъ подвергнутъ по приговору суда самому тяжкому публичному наказанію — палочнымъ ударами ²⁾. Была одна серьёзная попытка на Варшавскомъ сеймѣ 1607 года возстановить нарушенныя права православныхъ и диссидентовъ, но Скарга и здѣсь нанесъ своимъ противникамъ самое безпощадное пораженіе. Когда предложенный законъ былъ одобренъ посольской избой, когда сенаторы и епископы выразили свое согласіе на его утвержденіе, — Скарга одинъ вооружился противъ всего сейма и въ нѣсколько часовъ перевершилъ все дѣло. Положеніе православнаго народа съ каждымъ годомъ становилось тяжелѣе; ряды православныхъ магнатовъ сильно начали рѣдѣть. Литературный плачъ, подобный „Перестрогѣ“ и „Ориносу“, затихъ и умолкъ, — пала, наконецъ, и письменность православныхъ западно-русскихъ областей. Такимъ образомъ, судьба православія перешла теперь изъ рукъ высшихъ и среднихъ слоевъ въ руки простого народа. Къ началу двадцатыхъ годовъ 17-го столѣтія унія измѣнила свой прежній видъ; она сбросила съ себя обманчивую оболочку православія и стала жестоко преслѣдовать православное духовенство, братства и простой народъ. — Такъ подъ вліяніемъ религіозно-политическихъ идей одного человѣка измѣнились судьбы всего православно-русскаго народа! Мы не станемъ развертывать тяжелую картину страданій этого народа, мы не будемъ касаться дальнѣйшаго роста іезуитскаго вліянія на судьбы

¹⁾ Wiszniewski, Hist. lit. Pol., Jezuitci.

²⁾ тамъ же, стр. 354: Piottokowicz... otrzymał chtëstę na mocy wyrobionego wyroku przez jezuitów.

православной церкви, — это не входитъ въ нашу задачу, — скажемъ лишь то, что логически вытекаетъ изъ всей политической дѣятельности Петра Скарги въ этомъ направленіи.

Иезуитство и папство нашли въ лицѣ Скарги лучшаго представителя своихъ политическихъ идей по отношенію къ Польшѣ и западно-русскимъ областямъ. Его патріотическія и латинскія убѣжденія перешли къ Баторію и Сигизмунду; они стали общою принадлежностью не только Поляковъ, но даже и многихъ окатоличенныхъ западно-русскихъ шляхтичей и магнатовъ; они подготовили прекрасную почву для Брестскаго уніатскаго собора и всѣхъ его послѣдствій, — они, наконецъ, не умерли со Скаргой, но перешли въ плоть и кровь всего католическаго шляхетства и стали источникомъ неимовѣрныхъ страданій западно-русскаго народа. Полное сліяніе и даже отождествленіе католичества и полонизма въ представленіи польской шляхты является прямымъ послѣдствіемъ религіозно-патріотическихъ убѣжденій Петра Скарги.

Х.

Вліяніє Скарги на внутреннюю и виѣшнюю политику Польши.

Выше мы уже говорили, что Казиміръ Ягеллончикъ ввелъ во внутреннюю политику Польши новый политическій принципъ—союзъ короля съ массою шляхты. Этотъ крупный шагъ сдѣланъ былъ Казиміромъ въ 1468 году, когда въ первый разъ появились на Петроковскомъ сеймѣ послы отъ каждаго воеводства; съ этого времени участіе шляхты во всѣхъ дѣлахъ Польской Короны стало обычнымъ условіемъ новыхъ порядковъ государственной жизни. Преемникъ Казиміра—Альбрехтъ на двухъ новыхъ Петроковскихъ сеймахъ (въ 1493 и 1496 гг.) сильно расширилъ права шляхты: онъ обезпечилъ ей опеку закона, онъ ограничилъ компетенцію церковнаго суда и, наконецъ, онъ отмѣнилъ законы, стѣснявшіе свободу шляхты. Шляхта въ свою очередь не оставалась въ долгу у короля: огромные налоги, вотированные на сеймахъ при содѣйствіи шляхты, чрезвычайно обогатили королевскую казну и принудили вельможъ поступиться своими честолюбивыми традиціями въ пользу власти короля. — Съ начала 16-го вѣка шляхта обнаруживаетъ чрезвычайно дѣятельную политическую жизнь. Усилія ея были обращены на то, чтобы привести въ соотвѣтствіе съ требованіями новыхъ условий государственной жизни Польши всѣ ея органы и учрежденія. Администрація, суды, войско и финансы, — все это разсматривалось на сеймахъ шляхетскими послами. Такою постановкой вопроса о новыхъ преимуществахъ шляхты, Янъ Альбрехтъ окончательно сломилъ значеніе аристократіи и низвелъ прежніе стѣзды сановниковъ до значенія своей приближенной Рады или сената. Послѣдній собирався всякій разъ по особому призыву короля, функціонировалъ подъ его предсѣдательствомъ и совѣщался о томъ, что предлага-

лось королемъ. Что касается шляхты, то она выступила на сеймахъ въ лицѣ своихъ представителей или пословъ, избираемыхъ на сеймикахъ и засѣдавшихъ подъ главенствомъ маршалка въ особой посольской избѣ. Здѣсь постановляли рѣшенія, приобретающія силу закона лишь тогда, когда они утверждались королемъ и одобрялись мнѣніемъ сената.—Вся сфера дѣятельности сеймовъ ограничивалась на первыхъ порахъ лишь установленіемъ экстра-ординарныхъ податей и измѣненіемъ существующихъ законовъ. Такъ постепенно создавалась прекрасная идея новой Польши,—идея, вырвавшая отдѣльныя земли и воеводства изъ прежней обособленности и неразрывно соединившая ихъ съ короной. Оставалось Польшѣ и дальше идти тѣмъ же путемъ, чтобы развиваться въ новомъ періодѣ своей политической жизни. И мы видимъ, что Сигизмундъ І дѣятельно стремится къ тому, чтобы осуществить намѣченные основы своего новаго государства. Реформа войскъ и финансовъ была прекрасно разработана въ проектѣ и только ожидала своего осуществленія,—но оппозиція пановъ и на этотъ разъ сыграла свою предательскую роль. Когда шляхта, въ сознаніи своей гражданской обязанности, потребовала на сеймѣ 1514 года для осуществленія новой военной организаціи постоянныхъ податей съ имуществъ всѣхъ безъ исключенія сословій, свѣтскіе и духовные вельможи, привыкшіе уклоняться отъ уплаты налоговъ и враждебно смотрѣвшіе на всякую новую комбинацію, усиливавшую престижъ короля, оказали (на этомъ сеймѣ) рѣшительное сопротивление оцѣнкѣ имѣній и внесли разладъ въ среду самой шляхты.—Но если стремленія шляхты къ государственнымъ реформамъ далеко не всегда приводились въ исполненіе, то дѣятельность ея по упроченію своего экономического благосостоянія дала совершенно противоположные результаты. Шляхта прежде всего обращаетъ вниманіе на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и на уничтоженіе собственной организаціи средневѣковой деревни. Цѣлымъ рядомъ строгихъ сеймовыхъ постановленій были выработаны къ 1521 году позорные законы, въ силу которыхъ крестьяне потеряли самое дорогое свое право—личную свободу и были отданы въ крѣпостную зависимость со стороны шляхты. Съ этого времени шляхта утрачиваетъ военно-рыцарскій духъ и становится сословіемъ, всецѣло преданнымъ интересамъ сельскаго хозяйства. Благодаря тяжелому, безмездному труду крестьянъ, стали обогащаться шляхетскіе фольварки, стала сильно возрастать ихъ доходность. У шляхты появляются пышныя усадьбы, стремленіе къ роскоши, жажда быстрой наживы, ненасытное честолюбіе и полный индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ. Вотъ

тѣ черты, которыми клеймятъ тогдашніе писатели современное имъ настроеніе шляхты¹⁾.

Въ моментъ такой общей слабости, овладѣвшей всей шляхтой въ царствованіе Сигизмунда, появилось въ Польшѣ новое историческое движеніе—религіозная реформація, очерки которой представлены нами выше. Теперь скажемъ, что реформаціонное движеніе въ Польшѣ имѣло свою политическую подкладку. Оно было прямымъ продолженіемъ той упорной борьбы, какую шляхта вела съ духовенствомъ изъ за политическихъ правъ и привилегій. Шляхта давно искала предлога выйти изъ подъ опеки Рима и своего духовенства, отмѣнить ненавистныя десятины и лишить духовенство права юрисдикціи надъ свѣтскими людьми. Это стремленіе нашло для себя прекрасную почву въ новомъ протестантскомъ движеніи, къ которому и примкнула шляхта наравнѣ съ высшими слоями городскихъ сословій. Изъ всей массы шляхты и пановъ, преслѣдовавшихъ въ религіозномъ движеніи свои личныя цѣли образовалась одна крайне враждебная католичеству группа, стремившаяся если не обратить государство въ протестантство, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить свободу всѣхъ новыхъ протестантскихъ вѣроученій. Другую политическую группу составили епископы католической церкви, склонившіеся подъ вліяніемъ Коммендонн и Гозіа къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ католическомъ духѣ. Первая партія добивалась всякихъ реформъ въ духѣ протестантскихъ идей,—другая—всѣми мѣрами стремилась противиться ей. Не допустить инноваторцевъ къ значенію и власти, уничтожить ихъ вліяніе на правительственныя сферы и лишить всѣхъ отступниковъ права покровительства польскихъ законовъ,—вотъ что было единственной цѣлью бискуповъ, искавшихъ для себя поддержки въ необразованной и бѣдной шляхетской массѣ, крѣпко преданной вѣрѣ своихъ отцовъ. Отсюда становится понятнымъ, почему религіозное броженіе, раадѣлившее всю мыслящую Польшу на отдѣльные кружки, сильно пошатнуло весь внутренній строй государственной жизни. Вражда и партійныя несогласія болѣе всего отразились на характерѣ сеймовъ этой эпохи. Одинъ изъ историковъ 16 вѣка, Мартинъ Кроммеръ, такъ описываетъ поведеніе шляхты на сеймахъ: „они (шляхетскіе послы) такъ возмечтали о своихъ правахъ, что рѣшительно ни одной вещи не даютъ установиться безъ своего позволенія. Мало этого они заявили право своего контроля надъ королемъ и сенатомъ. Въ послѣднее время шляхта начинаетъ вмѣшиваться въ дѣла

¹⁾ Янъ Кохановскій, Петръ Мышковскій, Мартинъ Бѣльскій и др.

церкви и устанавливать тамъ новые обряды и церемоніи христіанской вѣры“¹⁾. Причина такого свободнаго поведенія шляхты должна быть отнесена, во 1-хъ, къ прежнимъ королямъ, которые ради пополненія королевской казны позволяли себѣ въ отношеніи шляхты всякія угодничества и поблажки и во 2-хъ, буйнымъ магнатамъ, которые для своихъ партійныхъ цѣлей склоняли бѣдную шляхту въ ту или другую сторону разными подарками и угощеніями. Своеволіе шляхты, упадокъ королевской власти и полнѣйшее растройство въ общественныхъ дѣлахъ еще болѣе усилились со смертію Сигизмунда Августа. Наступившее безкорольеве дало поводъ конвокаціонному сейму 1573 года утвердить полную религіозную свободу и политическое равенство всѣхъ обывателей независимо отъ ихъ вѣры. Но что всего важнѣе, на этомъ же сеймѣ были утверждены новыя условія избранія королей, или такъ называемыя „*роста conventa*“. Въ силу этихъ условій всякій король при своемъ вступленіи на престолъ давалъ слѣдующую присягу: безъ сената не объявлять войны, не заключать мира, — безъ сейма не созывать посполитаго рушенія, защищать границы государства изъ своихъ доходовъ, имѣть при себѣ постоянный совѣтъ изъ 16 сенаторовъ и каждые два года созывать сеймы. При этомъ, если король нарушитъ одно изъ условій, то этимъ самымъ онъ освобождаетъ народъ отъ повиновенія себѣ²⁾. Эти условія были позорнымъ и унижительнымъ признаніемъ со стороны магнатовъ и шляхты, что они отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ отчизнѣ и что могущество Короны и ея внутреннее процвѣтаніе нисколько не интересуютъ ихъ. Первымъ королемъ, санкціонировавшимъ эти *роста conventa*, былъ Генрихъ Валуа, бѣжавшій во Францію спустя шесть мѣсяцевъ послѣ своего избранія на польскій престолъ. Новое безкорольеве еще болѣе усилило своеволіе шляхты и анархію вельможъ. Всюду царствовали грубый матеріализмъ, жажда роскоши и богатства; шляхта, разучившаяся жертвовать своимъ личнымъ благомъ въ пользу общественныхъ интересовъ, проявляла свою свободу въ грубыхъ насиліяхъ и частыхъ наѣздахъ на чужіе фольварки. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, послѣ второго безкорольевья, былъ избранъ на престолъ Семиградскій воевода Баторій. Ему нельзя было думать о томъ, чтобы сразу уничтожить своеволіе шляхты и позорные для короля законы, созданные во время безкорольевья. Онъ долженъ былъ прежде всего измѣнить

¹⁾ Рыхц., т. 2, 159.

²⁾ Бобжинскій, т. 2-й, стр. 111 (*Dzije Polski*).

господствовавший въ народѣ взглядъ на королевскую власть, дисциплинировать шляхту въ политическомъ отношеніи и возбудить въ ней мужественный патріотизмъ. Слѣдуетъ замѣтить, что реформація, проигравшая къ этому времени свое дѣло въ Польшѣ и расправшаяся на множество мелкихъ сектъ, потеряла для поляковъ свою обаятельную силу и стала источникомъ анархіи, несогласій и вражды. Мало этого; протестанты, замѣчая, что ихъ ряды рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ и опасаясь за религіозную свободу, всѣми мѣрами старались ослабить правительство, стоявшее на сторонѣ католицизма, чтобы оно само не сдѣлалось опаснымъ для ихъ цѣлей и интересовъ. Въ то же самое время католическая партія, продолжая свою оппозиціонную борьбу съ протестантизмомъ, открыто стала на защиту монархической власти и приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы создать новый строй государственныхъ порядковъ. Баторій понялъ, что съ первыхъ минутъ своего царствованія и твердо рѣшилъ воспользоваться католицизмомъ для возстановленія дисциплины въ народѣ и для возвращенія Польшѣ сильной королевской власти. Строго придерживаясь конфедераціи 1573 года и не употребляя противъ иновѣрцевъ никакихъ насильственныхъ мѣръ, Баторій сталъ энергически поддерживать католицизмъ и вступилъ въ тѣсный союзъ съ представителями іезуитовъ Мартиномъ Латерной, Соколовскимъ и Петромъ Скаргой. Выше мы уже сказали, что Скарга, сблизившись съ Баторіемъ, сталъ душой всѣхъ его предпріятій во внутреннихъ дѣлахъ Польши. Это доказывается ихъ перепиской изъ подъ осажденнаго Пскова и тѣми объѣздами, какіе давалъ король Скаргѣ на случай пораженія московскихъ войскъ. Мы уже знаемъ, какъ ревностно Скарга трудился надъ открытіемъ іезуитскихъ школъ въ Дерптѣ, Гданскѣ, Полоцкѣ и Ригѣ и какъ умѣло провелъ преобразование академіи въ Вильнѣ. Весь строй въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ данъ былъ исключительно Скаргой. Постановка учебныхъ предметовъ и характеръ воспитанія учениковъ были строго обдуманы по такой программѣ, которая вполнѣ соответствовала надеждамъ короля и политическимъ условіямъ страны. Въ то время, какъ протестантскія школы подъ вліяніемъ растущаго пригнѣтенія все болѣе и болѣе обнаруживали свою вражду къ народу и государству, вливая эту вражду въ сердца своихъ учениковъ и подготавливая изъ нихъ будущихъ нарушителей порядка,—католическія школы держались совсѣмъ иного направленія. Здѣсь внушалось ученикамъ, что королевская власть въ странѣ—величайшее благо, что религіозное своеволие и всякія отступленія отъ католической вѣры служатъ источникомъ политическихъ раздоровъ, что

абсолютная монархія есть наилучшая форма государственнаго правленія и что Польша погибнетъ, если не будетъ въ ней поднята королевская власть. Отсюда становится понятнымъ, почему Баторій такъ энергично поощрялъ іезуитскія школы и почему въ разсужденіяхъ со Скаргой въ моментъ осады Полоцка открытіе коллегіи онъ считалъ лучшимъ для себя дѣломъ ¹⁾. Педагогическая дѣятельность іезуитовъ казалась Баторію самымъ лучшимъ средствомъ для скорѣйшаго колонизма побѣжденныхъ городовъ и для возвышенія шляхты надъ уровнемъ партійныхъ ссоръ и грязныхъ сеймовыхъ интригъ. Что Баторій чрезвычайно дорожилъ католицизмомъ, считая его оплотомъ королевскаго престижа и величія Польши, это видно изъ его словъ, сказанныхъ по поводу аріанскаго типографа Родецкаго: „что до меня, то клянусь Богомъ, я не пожалѣлъ бы никакихъ трудовъ и отдалъ бы всю кровь за то, чтобы въ Польшѣ процвѣтала одна лишь католическая вѣра“ ²⁾. Такая привязанность Баторія къ католической церкви несомнѣнно отразилась на политической программѣ тогдашней Польши и легла въ основу всѣхъ ея внутреннихъ реформъ ³⁾. Десятилѣтнее царствованіе Баторія было тѣмъ временемъ, когда въ Польшѣ окончательно консолидировался іезуитскій католицизмъ. Ближайшимъ помощникомъ короля въ этомъ отношеніи является нашъ Скарга, какъ столпъ и основа реакціоннаго движенія въ данную эпоху. Его „*żywoty Świętych*“ были истиннымъ вкладомъ въ польскую литературу, наполненную протестантскими трудами въ духъ крайняго свободомыслія и раціонализма. Пожеланія Скарги, высказанныя имъ въ предисловіи къ читателю, „чтобы чтеніе житій соединило во едино народъ и короля и тѣмъ избавило бы ихъ отъ несогласія и вражды“, пришлись какъ нельзя болѣе по сердцу всей читающей Польшѣ. Если принять во вниманіе то неотразимое впечатлѣніе, какое производилъ Скарга своими проповѣдями и полемическими сочиненіями ⁴⁾, если считать фактомъ, что Замойскій, этотъ всесильный канцлеръ и гетманъ Баторіевой эпохи находился подъ сильнымъ вліяніемъ Скарги ⁵⁾, то мы придемъ къ тому несомнѣнному убѣжденію, что

¹⁾ Proba zakonu Soc. Jezu, Rozd. IV.

²⁾ Rychcicki, I, стр. 427.

³⁾ См. приложение II. List P. Skargi do Nnuciusza.

⁴⁾ Въ царствованіе Баторія Скарга выпустилъ два полемическія сочиненія:

а) „Dwanaście wybiegów sakramentarzów czyli Zmingliano-Kulminów“... 1582 г.

б) „Siedm filarów, na których stoi katolicka nauka o przenajświętszym sakramencie ołtarza“... 1582 г.

⁵⁾ Это подтверждается судебной реформой 1578 года: по настоянію Замойскаго въ число трибунала включено было 6 духовныхъ децутатовъ, а равно открытіе Замойскимъ „Bractwa Miłosierdzia“ подтверждаетъ ту же мысль.

вся внутренняя и внешняя политика въ царствованіе Стефана шла неуклонно по тому пути, какой намѣченъ былъ религіозно-политической программой Скарги. Что онъ былъ истиннымъ патріотомъ, не пренебрегающимъ никакой сферой политической жизни своей отчизны, это ясно вытекаетъ изъ его участія въ военныхъ походахъ Баторія, въ качествѣ обознаго „kapłana“. Своими проповѣдями и службами онъ воодушевилъ Баторіевыхъ солдатъ, а своимъ уставомъ „*Żołnierskie Nabożeństwo*“ Скарга публично осмѣялъ польскихъ аристократовъ и шляхту за ихъ нежеланіе быть защитниками своей отчизны. Такимъ образомъ мы видимъ, что Скарга своею неутомимою дѣятельностью пріобрѣлъ всеобщее вниманіе въ Польшѣ и сталъ средоточіемъ латинскаго движенія. Впрочемъ сила вліянія этого человѣка на политическую жизнь Польши лучше всего сказалась въ царствованіе слѣдующаго короля Сигизмунда, о которомъ извѣстно, что онъ далъ присягу своему учителю Высоцкому—навсегда оставаться крайнимъ папистомъ¹⁾. Хотя фактъ избранія Сигизмунда на польскій престолъ не входилъ въ программу польскихъ іезуитовъ, тѣмъ не менѣе всѣ лица, окружавшія Баторія остались безсмѣнными и при Сигизмундѣ. Это были: Латерна, Замойскій, Голынский и Соколовскій. Но всѣ они совершенно исчезаютъ предъ личностью Скарги, который въ теченіе двадцати лѣтъ своей жизни при Сигизмундѣ является безсмѣннымъ его сотрудникомъ какъ во внешней, такъ и во внутренней политикѣ Польши. Скарга до того былъ близокъ къ Сигизмунду, что всѣ официальные акты, грамоты и письма, какъ объ этомъ говорилось уже нами въ отдѣлѣ объ униі, были писаны подъ диктовку автора „*o jedności kościoła*“. Онъ привилъ свои религіозно-политическія убѣжденія не только Сигизмунду, но и всѣмъ сановникамъ, составлявшимъ правительство и дворъ короля. Теперь умѣстно задать вопросъ: каковы же были политическіе планы Скарги? Адамъ Мицкевичъ, приписавъ Скаргѣ почетную черту *patriota-kapłana* въ своихъ лекціяхъ о Скаргѣ далъ слѣдующее объясненіе: „Скарга любитъ свою отчизну не потому, что она есть его родина, а потому, что она есть какъ бы Божіе „*ustanowienie*“. Богъ, говоритъ онъ, указываетъ народамъ извѣстный жребій или посланничество, изъ котораго и вытекаютъ тѣ или другія обязанности по отношенію къ остальнымъ народамъ. И вотъ во всемъ мірѣ онъ видитъ особые назначенія только у двухъ народовъ: у древнихъ израильтянъ и у поляковъ. Міровая задача Польши—быть просвѣтительницей всего Востока“²⁾... Никто не со-

¹⁾ *Przegląd Poznański* за 1848, 25.

²⁾ „*Rzecz o literaturze sloviańskiej*“ Mickewicza, за 1850 г. Poznań.

мнѣвается въ томъ, что ни Мицкевичъ, ни самъ Скарга не вѣрили въ истинность подобнаго жребія Польши. Это — пустой символизмъ, придуманный римской куріей для своихъ узко-религіозныхъ цѣлей.—Могъ ли Скарга, истинный сынъ папы и вѣрнѣйшій членъ іезуитской космополитической общины задумываться надъ національными интересами Польши? Могъ ли онъ принести въ жертву на алтарь своей отчизны тѣ интересы своей корпораціи, которые составляли всю душу и первую цѣль жизни каждого іезуита? Что такое Польша по сравненію съ великими народами Востока, какъ не маленькая провинція, которая можетъ и должна быть принесена въ жертву для общаго блага римской церкви? Это орудіе, ниспосланное самимъ Провидѣніемъ въ руки такимъ великимъ людямъ, какъ Скарга и Сигизмундъ, для покоренія Христу всѣхъ народовъ таинственнаго востока!... Если такъ, то смѣетъ ли Польша отказаться отъ счастливаго жребія быть избраннымъ народомъ „намѣстника Христа“, чтобы привести къ нему всѣ страны и народы, нѣкогда въ безуміи своемъ отпавшіе отъ Рима?...—Таковы были внѣшніе политическіе планы Скарги. И дѣйствительно Сигизмундъ III оказался на высотѣ того призванія, какое онъ считалъ жребіемъ своей судьбы и какое было истолковано ему его придворнымъ духовникомъ и *kaznodziej*’емъ. Въ силу этого призванія, задачи его были грандіозны: 1) сломить протестантизмъ сильно укоренившійся въ Венгріи, Чехіи и Пруссіи, чего нельзя было достигнуть внѣ союза съ Габсбургскимъ домомъ,—1) возвратить римской куріи шведскій народъ, недавно отдѣлившійся отъ папы и принявшій протестантизмъ и 3) привести русскій народъ къ *jedności kościola*, а для этого одолѣть восточную церковь въ ея послѣдней твердынѣ, въ самой Москвѣ.

Въ первомъ же году своего царствованія Сигизмундъ III явно и рѣшительно отвергъ политику Баторія и перешелъ на сторону Габсбурговъ. Послѣдніе, кромѣ эксплуатаціи Польши и тайнаго намѣренія вмѣшаться въ войну съ Турціей, ничего не могли дать Сигизмунду взамѣнъ предложеннаго союза. Это былъ слишкомъ рискованный шагъ со стороны Сигизмунда и мы видимъ, что лучшіе люди того времени, желавшіе блага своей отчизнѣ, во главѣ съ канцлеромъ Замойскимъ открыто воспротивились осуществленію политики Сигизмунда, но послѣдній упорно держался разъ принятаго рѣшенія. Для него не существовало политики внѣ католицизма. Онъ проникся такой религіозной ревностью, до такой степени обратилъ всѣ свои силы на дѣло возстановленія католицизма, что скоро сталъ наилучшимъ іезуитскимъ борцомъ за власть Рима,

но вмѣстѣ съ тѣмъ наихудшимъ политикомъ и правителемъ ввѣреннаго ему народа ¹⁾. Такая политика была явной измѣной странѣ: она вызвала сильную оппозицію въ массѣ шляхты, возбуждаемой Замоискимъ, Ходкевичемъ и Христофоромъ Радзивилломъ. Чтобы обезсилить партію короля и исключить въ будущемъ всякую возможность притязанія со стороны Австрійской кандидатуры на Польскій престолъ, Замоискій сдѣлалъ на Варшавскомъ сеймѣ (1589 года) предложеніе о томъ, чтобы всѣ рѣшенія сейма постановлялись лишь по большинству голосовъ. Такое предложеніе вывело бы Польшу на путь порядка и спокойствія при обсужденіи дальнѣйшихъ реформъ, но Сигизмундъ, преслѣдовавшій подѣ влияніемъ Скарги исключительно религіозныя цѣли, подавилъ оппозицію Замоискаго и уничтожилъ на слѣдующемъ сеймѣ (въ 1590 г.) всѣ его планы. Нужно помнить, что Скарга присутствовалъ на обоихъ сеймахъ и что именно на сеймѣ 1590 года онъ сказалъ строго обдуманную въ противовѣсъ планамъ Замоискаго рѣчь „o Zgodzie domowej“. Не къ Замоискому ли относилось выхваченное изъ Посланія ап. Павла слѣдующее обращеніе: „умоляю васъ, братья, Господомъ вашимъ І. Христомъ, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій“ ²⁾?—Не Замоискаго ли планъ имѣлъ въ виду Скарга, когда въ самомъ патетическомъ мѣстѣ своей рѣчи спрашивалъ: „Что будетъ по окончаніи вашихъ сеймовъ, которые должны собираться для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой, если вы сѣзжаетесь сюда съ различными намѣреніями и предвзятыми рѣшеніями“? Такъ или иначе, но Сигизмундъ упорно шелъ къ намѣченной цѣли: въ 1592 году онъ вступаетъ въ бракъ съ Австрійской Эрцгерцогиней Анной и хочетъ купить себѣ помощь Габсбурговъ для удержанія Шведской короны цѣною уступки имъ Польши послѣ своей смерти ³⁾. Но этотъ планъ былъ разрушенъ

¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы говоримъ лишь то, что говорятъ за себя сами историческіе факты; мы не дѣлаемъ тѣхъ субъективныхъ заключеній о политикѣ Сигизмунда III, къ какимъ пришелъ ksiądz Stanisław Załęski въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Jezuici w Polsce“ (т. I, ч. II, Lwów, 1901 годъ, стр. 463—464). Онъ категорически утверждаетъ, что союзъ Сигизмунда съ Австрійскимъ домомъ оправдывался всѣми предшествовавшими условіями исторической жизни Польши, что причина враждебныхъ отношеній канцлера Замоискаго къ Сигизмунду заключалась не въ дурной политикѣ послѣдняго, а въ дикомъ честолюбіи и упрямствѣ перваго, не желавшаго дѣлать королю никакихъ съ своей стороны уступокъ и что напрасно приписываютъ іезуитамъ активное участіе въ самомъ процессѣ антагонизма между королемъ и оппозиціонной массой шляхты.

²⁾ Заголовокъ рѣчи изъ 1 Посл. ап. Павла къ Коринѣ. 1 гл. 10 ст.

³⁾ Этотъ фактъ прекрасно освѣщенъ многими историческими данными, извлеченными изъ архивовъ кс. Заленскимъ во II-й ч. I-го тома „Jezuici w Polsce“.

тѣмъ же Замойскимъ. Узнавъ о проискахъ Сигизмунда, Замойскій созываетъ шляхту на сеймъ въ Енджеевъ; здѣсь онъ выступаетъ въ качествѣ обвинителя короля въ государственной измѣнѣ и принуждаетъ его отречься отъ заключенныхъ съ Австріей договоровъ, явно клонившихся ко вреду Польши. Въ томъ же году, какъ извѣстно, перешелъ къ Сигизмунду и шведскій престолъ. Это обстоятельство навлекло на Польшу самыя тяжелыя войны со Швеціей. Своею католическою политикою Сигизмундъ такъ возмутилъ шведскій протестантскій народъ, что послѣдній принужденъ былъ призвать къ себѣ въ Правители дядю Сигизмунда, Герцога Зюдерманландскаго Карла. Сигизмундъ еще разъ дѣлалъ попытку завладѣть шведскимъ трономъ, но эта попытка окончилась печальнымъ поражениемъ поляковъ при Линкепингѣ въ 1598 году. Послѣ этого началась пятилѣтняя война, перенесенная въ Лифляндію. Замойскій вытѣснилъ отсюда шведовъ, покорилъ ихъ укрѣпленные города, а Ходкевичъ нанесъ имъ окончательное поражение подъ Кирхгольмомъ. Но ни мужество солдатъ, ни таланты полководцевъ, ничто не могло сломить упрямства Сигизмунда, рѣшившаго пожертвовать благомъ своего народа въ пользу своихъ утопическихъ надеждъ исключительно религіознаго свойства. Благодаря этому было положено начало той тяжелой шестидесятилѣтней войнѣ, которая чрезвычайно ослабила Польшу и привела ее къ печальному концу. Вотъ куда привели Сигизмунда пророческія идеи Скарги о томъ, что Поляки въ средѣ славянскихъ племенъ — Богомъ избранный народъ, что Промыселъ назначилъ имъ великій жребій быть оплотомъ христіанства и свѣточемъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. — Мы уже видѣли, какъ Сигизмундъ и Скарга исполнили свою миссію, данную имъ якобы свыше относительно церковнаго соединенія Польши съ русскимъ населеніемъ, жившимъ въ границахъ Рѣчи Посполитой. Брестская унія была утверждена королемъ и силою была введена въ жизнь русскихъ людей. Это была вторая и самая крупная политическая ошибка Сигизмунда, довѣрившагося религіозно-политическимъ идеямъ своего друга и учителя Скарги. Пресловутая *jedność kościoła* не только не послужила къ болѣе тѣсному сближенію двухъ дружественныхъ, соплеменныхъ народовъ — поляковъ и русскихъ, — но напротивъ, — она возстановила послѣднихъ противъ первыхъ и положила начало тѣмъ ужаснымъ казачьимъ войнамъ и народнымъ возстаніямъ, которыя окончились

стр. 470—475. Впрочемъ, и здѣсь сказывается тенденція къ оправданію политики Сигизмунда, для котораго, по мысли автора, польская корона была скорѣе терновымъ вѣнцомъ (стр. 479).

взаимной національной враждой.—Скарга прекрасно понимаетъ, чѣмъ служить Москва для западно-русскихъ областей: „я знаю“, говорить онъ, обращаясь къ русскому народу, „что нашему единству съ тобою мѣшаетъ Москва... Я знаю, что ты оглядываешься на людей одной съ тобою и вѣры и языка..., но посмотри на все зло, исходящее отъ Москвы и ты очень скоро отвалишь отъ себя этотъ пень“ ¹⁾!... Но Скарга ошибся въ своихъ расчетахъ: значительное большинство русскихъ людей, не пожелавшихъ принять *jedności kościola* и прежде всего казаки остались при своей старой церкви и теперь болѣе сознательно почувствовали свое духовное родство съ Москвой. И вышло вопреки пророчеству Скарги: унія не только не повалила „Московского пня“, но, напротивъ, сдѣлала его дорогимъ и роднымъ для всѣхъ русскихъ людей, жившихъ подъ властію Короны. Этого мало; Скарга своимъ вліяніемъ на Сигизмунда нанесъ Польшѣ еще одинъ чувствительный ударъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду богатѣйшую польскую колонизацію на югѣ Россіи, принявшую здѣсь громадныя размѣры. Милліоны людей, переселившихся сюда изъ Мазовіи и Подляшья, оставались здѣсь при церквахъ восточнаго обряда. Съ точки зрѣнія тайныхъ плановъ Скарги это была не простительная политическая измѣна магнатовъ и пановъ, владѣвшихъ этой массой простого народа, но со стороны уніи они были правы: вѣдь унія „сравнивала“ обѣ церкви, допуская между ними лишь незначительную разницу въ обрядахъ,—значить, не было нужды строить для нихъ отдѣльныя римско-католическія церкви. Впрочемъ и Скарга и Сигизмундъ нисколько не думали о политическихъ опасностяхъ для своей страны. Можно ли было оставаться предъ такими ничтожными жертвами, когда вопросъ касался осуществленія міровыхъ задачъ новаго Израиля — Польскаго народа? Они думали теперь лишь о томъ, какъ бы одолѣть Московскую схизму, какъ бы сдѣлать ее достояніемъ римскаго престола, а самую Москву, этотъ „старый пень“ сдѣлать провинціей Польской Короны. Это была давнишняя мечта папъ, придумывавшихъ для ея осуществленія всевозможныя посольства и планы,—но никогда еще она не находила для себя лучшаго выразителя какъ Скарга и болѣе могущественнаго исполнителя, какъ Сигизмундъ! Всѣ войны Польши съ Москвой въ теченіе двадцати лѣтъ (1598—1618) были въ умахъ этихъ политическихъ дѣятелей ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ осуществленію своихъ религіозно-политическихъ плановъ. Размечтавшееся воображеніе Сигизмунда и его

¹⁾ O *jedności kościola*, Rozdział VI.

славныхъ сподвижниковъ — Сапѣги, Лисовскаго, Адама Вишневецкаго и воеводы Мнишекъ не позволяло имъ отличить истинныхъ средствъ отъ грязныхъ и ложныхъ. Можетъ ли быть что хуже той низкой политики, какой руководствовались участники блестящихъ походовъ на Москву во главѣ съ такими кандидатами на Московскій престолъ, какъ Отрепьевъ и второй Лжедимитрій? Что другое имѣлъ въ виду Сигизмундъ, какъ не католическую пропаганду, когда отказался въ 1610 году отъ предложенія бояръ посадить на Московскомъ тронѣ Владислава? Что польское правительство въ лицѣ Сигизмунда и духовныхъ латинскихъ іерарховъ стремилось сдѣлать Москву достояніемъ римскаго престола и потомъ уже обратиться въ провинцію Польской короны, это доказывается содержаніемъ письма Архіепископа Гнѣзненскаго Gembickiego къ королевичу Владиславу, гдѣ онъ поучаетъ молодого Владислава, какъ онъ долженъ вести себя въ Москвѣ, „w tamtej północnej monarchiej“ ¹⁾... „Не забывай же, королевичъ, между отщепенцами своей католической вѣры! дорожи ею больше здоровья, больше земного счастья! Силенъ Богъ чрезъ Вашу Королевскую милость подать солнце правды тѣмъ, которые сидятъ во тьмѣ. Ты приведешь ихъ на спасительную дорогу такимъ же путемъ, какимъ привели наши народы паны и короли—Мечиславъ, Храбрый и Ягелло. Однако, это дѣлай не сразу и не насиліемъ, а постепенно—путемъ особенной набожности твоихъ kapłanów... Иванъ Васильевичъ (Грозный)... посылать свое посольство къ наивысшему пастырю Kościola, обѣщая (?) ему свою покорность..., но тогда не пришетъ еще часть исполненія воли Божіей... Я имѣю твердую надежду, что Богъ чрезъ тебя приметъ этотъ народъ и дастъ ему Духа Святаго... Ты идешь теперь ради охраны своей отчизны, для ея вѣчнаго спокойствія, для приобрѣтенія этихъ широкихъ полнотныхъ странъ“!... Такъ и чувствуется здѣсь мечтательно-пророческій духъ Скарги! Нужно удивляться, какъ далеко простиралось вліяніе религиозно-политическихъ идей этого человѣка на судьбы Польши и Россіи! Таковы были результаты внѣшней политики Скарги.

¹⁾ J. M. Arcybiscupa Gnieznienskigo (Gembickege). Przemowa do Królewicza S. M., wieszując mu, i nauczając go jako ma sobie poczynąć w tamtej północnej monarchiej. W Krakowie, 1617 r. Не менѣе интересенъ и отвѣтъ Королевича, въ заголовкѣ котораго стоитъ такая надпись: „Na te przemowę, która try wszystkim poruszyła, Królewicz S. M. w ten sens odpowiedział“. (Напечатаны въ приложеніи къ сеймовымъ рѣчамъ Скарги. Krakow. 1857).

Теперь перейдемъ къ анализу внутренней политической дѣятельности Петра Скарги, какъ проповѣдника и публициста и посмотримъ, какъ отразилась она на судьбахъ Рѣчи Посполитой. Выше мы уже замѣтили, что уродливая конфедерація 1573 года стала непоколебимымъ закономъ Польской Короны, что благодаря ей измѣнилась самая форма государственнаго правленія, принявъ теперь самый крайній республиканскій характеръ. Деморализація высшихъ и среднихъ слоевъ, пользовавшихся широкой свободой, стала неизбежной. Паны, подъ предлогомъ занимаемыхъ ими должностей, рѣшительно отказываются отъ уплаты государственныхъ податей, а шляхта, прикрываясь своими теоріями о шляхетской свободѣ, преслѣдуетъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ одинъ лишь грубый матеріализмъ и личную наживу. Къ концу 16-го вѣка они утратили всякую способность къ самостоятельной дѣятельности на сеймахъ; у нихъ исчезла и самая мысль о пожертвованіи личнымъ и сословнымъ благомъ на пользу общественныхъ интересовъ. Впрочемъ, „шляхта, по словамъ Длугоша, еще въ концѣ 15-го вѣка, пренебрегая всякими опасностями и смертью, любила грабежи и гонялась за славой,— часто давала обѣщанія, но никогда ихъ не исполняла,— подданныхъ и низшихъ себя чрезмѣрно притѣсняла“¹⁾... Своеволіе магнатовъ и шляхты не знало для себя никакихъ границъ. „Они, говоритъ Кромеръ, присвоили себѣ право контроля не только надъ сенатомъ, но даже и надъ королемъ. Мало этого; магнаты, желая составить оппозицію противъ короля, за нѣсколько недѣль до сейма залучали въ число своихъ сторонниковъ бѣдную шляхту угощеніями, подарками и деньгами“. Не удивительно поэтому, что сеймы въ концѣ 16 вѣка превратились въ арену самой страстной партійной борьбы. Скарга видѣлъ несчастье своей отчизны; онъ зналъ, что корень зла кроется въ своеволіи шляхты, что это своеволіе не можетъ быть подавлено никакой физической силой,—но въ то же время (какъ опытный проповѣдникъ и психологъ) онъ зналъ, что шляхта имѣетъ чрезвычайно впечатлительный характеръ, что каждый магнатъ и земскій посолъ легко можетъ поддаться вліянію разумнаго, ораторскаго слова. Опытъ продолжительной проповѣднической дѣятельности въ Вильнѣ и частыя сношенія со шляхтой вполне укрѣпили его мысль выступить со своими рѣчами на сеймахъ.—Положеніе Скарги было чрезвычайно тяжелымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, до него никто изъ духовныхъ не выступалъ на сеймахъ со своими рѣчами и во 2-хъ, всѣ его предшественники

¹⁾ J. Długosza dzieła wszystkie. Wyd. Al. Przezdzieckiego, т. IV.

по службѣ Леопольтъ, Соколовскій и другіе говорили свои рѣчи исключительно на латинскомъ языкѣ.—Тѣмъ не менѣ Скарга легко справился съ трудной задачей своего новаго положенія. „Онъ, говоритъ Мицкевичъ, прекрасно осуществилъ идеалъ патриота-каплана“ ¹⁾. Любовь къ отчизнѣ, стремленіе возстановить порядокъ и уваженіе къ закону, желаніе подавить разновѣрцевъ и усилить престижъ королевской власти,—вотъ тѣ мотивы, которыми руководствовался Скарга, выступая со своими рѣчами предъ бурными и многочисленными сеймами. По словамъ Мицкевича, „Скарга находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ полководецъ среди сбунтовавшагося войска“ ²⁾. Хуже всѣхъ относились къ нему иновѣрцы; они называли его инквизиторомъ, королевскимъ тунеядцемъ, интриганомъ и сторонникомъ абсолютной власти. Угрозы и преслѣдованія иновѣрцевъ иногда оканчивались для Скарги тяжелыми и публичными оскорбленіями, но Скарга терпѣливо шельмъ разъ-избраннымъ путемъ и никогда не угодничалъ предъ своими слушателями. Былъ ли то король или дворяне, гетманъ или военные, сенаторы или послы, бискупы или приходское духовенство,—Скарга всѣмъ одинаково указывалъ на ихъ обязанности и смѣло обличалъ недостатки, восхваляя правду тамъ, гдѣ это было нужно ³⁾. Что касается красоты, богатства содержанія, силы и ясности рѣчи, то въ этомъ отношеніи многіе польскіе ученые сравниваютъ его съ Босюэтомъ и Massillonem. И дѣйствительно, онъ является истиннымъ ораторомъ въ тѣхъ своихъ рѣчахъ, гдѣ разсматриваетъ обязанности гражданъ съ точки зрѣнія государства и гдѣ указываетъ систему новаго политическаго строя. Чтобы понять содержаніе религіозно-политическихъ идей Скарги и ихъ значеніе въ дѣлѣ социальныхъ реформъ Рѣчи Посполитой, намъ необходимо выслушать признаніе самого Скарги, къ чему онъ стремился и какъ смотрѣлъ на обязанности своего придворнаго служенія. Это признаніе помещено въ предисловіи проповѣдей на воскресные и праздничные дни цѣлаго года ⁴⁾. Здѣсь Скарга, обращаясь къ королю, говоритъ: „пора уже мнѣ на покой! уже ожидаетъ меня могила въ

¹⁾ Kurs pierwszoletni literatury sławiańskiej za 1810 r., стр. 367.

²⁾ Rzecz o literaturze słowiańskiej, Młckewicza—1850.

³⁾ Своими правдивыми рѣчами Скарга возбуждалъ противъ себя не только пановъ, но даже и отцовъ капитула; на него перѣдко поступали жалобы и къ провинціалу и къ генералу ордена. Такъ говоритъ о немъ о. Załęski, Jezuiści w Polsce. т. I, ч. 2, ст. 734.

⁴⁾ Kazania na niedziele i święta całego roku. K. Piotra Skargi Soc. Jezu. Krakow. 1595.

домѣ убогихъ отцовъ моихъ... Какой же я дамъ отвѣтъ Христу и Богу моему, давшему мнѣ таланты и пославшему меня на дѣланіе свое? Онъ спроситъ меня: что сдѣлалъ ты на поприщѣ своемъ и какіе плоды принесъ? Я же со стыдомъ и страхомъ скажу ему: Ты послалъ меня на королевскій дворъ къ Сигизмунду III-му, владыкѣ двухъ (?) великихъ королевствъ, къ сенату, къ рыцарству, къ слугамъ и подданнымъ его... Я училъ и наставлялъ пана своего, помазанника Твоего..., чтобы онъ просилъ у Тебя мудрости къ лучшему управленію, чтобы онъ охранялъ вѣру святую и костель Твой, чтобы онъ окружилъ себя мудрыми и добрыми совѣтниками... И передъ сенатомъ, и передъ войсками, и на сеймахъ, и на съѣздахъ, вездѣ я исполнилъ ту службу, на которую Ты послалъ меня. Я училъ ихъ, чтобы они твердо и искренно любили свои обѣ матери—костель и отчизну, чтобы еретическія несогласія ихъ не раздѣляли... Пановъ своей отчизны я училъ: будьте вѣрными и послушными своимъ королямъ,---охраняйте себя отъ ропота и напраснаго гнѣва, имѣйте между собою дружбу и своею вольностію не наводите на отчизну неволи! Отъ всей души я желалъ, чтобы... паны не притѣсняли своихъ подданныхъ... Я училъ ихъ, чтобы они собирали свои средства не на шелковыя одежды, вина и роскошь, а на оборону Рѣчи Посполитой и своей отчизны милой. Я угрожалъ имъ и гнѣвомъ Твоимъ,---погибелью, плѣномъ и опустошеніемъ земли... Я не жалѣлъ своего здоровья, чтобы возвратить и ихъ и отчизну на добрый путь!... Далѣе Скарга жалуется на свой неблагодарный трудъ: „я не знаю, въ чемъ кроется причина, что на нихъ не дѣйствуетъ мой призывъ... Одни изъ нихъ, будучи не искренними, такими же считаютъ и служителей Твоихъ,---другіе слушаютъ, но не исполняютъ, живутъ, какъ еретики и хвалятся католическою вѣрою,---третьи---хвалятъ наше слово, но жизни своей не исправляютъ“... Отсюда становится понятнымъ, что Скарга въ отношеніи внутренней политики Польши преслѣдовалъ слѣдующія четыре задачи: 1) подавить разновѣрцевъ, возвратить всю Польшу къ чистому латинству и, усиливъ католицизмъ, сдѣлать поляковъ вѣрными сынами римскаго престола; 2) уничтожить худые обычаи и пороки, вкоренившіеся среди магнатовъ и шляхты,---призвать ихъ къ порядку и внушить имъ любовь къ своей отчизнѣ; 3) подавить своеволие шляхты и усилить значеніе королевской власти и 4) поднять рыцарскій духъ среди магнатовъ и реформировать польскія войска.

Первая задача, выразившаяся въ формѣ католической реакціи была достигнута въ Польшѣ съ большимъ успѣхомъ. Король, се-

наторы, высшіе государственные чины и богатѣйшіе магнаты, благодаря обаятельной силѣ проповѣдей Скарги, стали на сторонѣ католической церкви и показали себя самыми ревностными ея сынами. Протестантская половина съ каждымъ годомъ замѣтно рѣдѣла. Безусловная вѣротерпимость, господствовавшая въ Польшѣ до появленія въ ней іезуитовъ, подъ вліяніемъ рѣчей Скарги, смѣняется острой ненавистью къ иновѣрцамъ и религіозной враждой. Во многихъ своихъ проповѣдяхъ Скарга чрезвычайно настойчиво проводить ту мысль, что главной причиной всего несчастья Польши служить разновѣріе: „ссоры, недоброжелательства, подозрѣнія, лицемѣріе, общественная вражда и политическіе раздоры“,—вотъ его неизбѣжные плоды ¹⁾. Отсюда непослушаніе властямъ и пренебреженіе всякимъ начальствомъ ²⁾,—отсюда притѣсненіе подданныхъ и религіозное преслѣдованіе крестьянъ. „Развѣ мы не видимъ, говоритъ Скарга, что паны, принявъ еретическое ученіе, тотчасъ становятся тиранами своихъ крестьянъ... Они приказываютъ вѣровать такъ, какъ вѣруютъ сами,—имъ нѣтъ дѣла до ихъ убѣжденій... Разновѣрцы пользуются своими подданными, какъ купленными невольниками, высасывая у нихъ кровь и отнимая здоровье... Подобныя злодѣйства такъ наполнили нашу землю, что трудно сказать, знаютъ ли у насъ Бога“ ³⁾... Чтобы показать, какъ губительно отразилось на Польшѣ протестантское движеніе, какъ росла и процвѣтала Польская Корона, когда имѣла въ своей основѣ одну католическую вѣру, Скарга проводитъ параллель между прошедшимъ и настоящимъ и рисуетъ слѣдующую картину: „въ прежнія времена польскіе короли почитали бискуповъ, какъ своихъ отцовъ,—на костелы не жалѣли ни золота, ни серебра, ни вотчинъ, ни десятинъ; святую вѣру охраняли, противъ еретиковъ издавали строгіе законы и ни о чемъ такъ не заботились, какъ о вѣрѣ, ибо она была основой всего королевства... Но вотъ назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ появились у насъ еретики... Проповѣдуя новаго Христа и злоупотребляя конфедераціей, они стараются вытѣснить изъ Польши католическую вѣру и какъ будто изъ самаго ада несутъ къ намъ ужасныя лжеученія еретиковъ всего міра... Но развѣ можно представить къ человѣческому организму третью руку? Наша Польша похожа на старый дубъ; его корень—Христосъ и служители Его... Кто нарушить этотъ корень, тотъ нарушить и самыя основы всего

¹⁾ Kazanie na 7 niedz. po Świątkach.

²⁾ на 13-ю niedz. po Świątkach.

³⁾ Тамъ же.

королевства и отчизны вашей!“... Что еретики вредны и совершенно бесполезны въ великомъ организмѣ Рѣчи Посполитой, это доказывается слѣдующимъ соображеніемъ: „наша корона всегда имѣла въ себѣ только пять званій: духовные, сенаторы, военные, горожане и крестьяне. Какъ рука рождается съ 5-ю пальцами и съ ними растетъ и крѣпнеть, такъ и политическое тѣло Рѣчи Посполитой выросло изъ этихъ пяти званій. Теперь вдругъ вырастаетъ еще одно званіе какихъ-то евангеликовъ, которые собираются на съѣзды, шлютъ къ королю посольство, называютъ себя на сеймахъ коронными сынами отчизны и изобрѣтаютъ какіе-то суды, права и статуты... Гдѣ же вы дадите имъ мѣсто въ организмѣ Рѣчи Посполитой?.. Куда вы приложите этотъ шестой палецъ? Вѣрьте мнѣ, что онъ повредитъ вашей рукѣ. Если же вы приставите его своею силою..., то вы погубите свою руку... Погибнетъ все королевство ваше..., если вы допустите въ своей средѣ еретиковъ!..“¹⁾ Последній совѣтъ Скарги, брошенный имъ въ аллегорической формѣ въ лицо всему бурному и многочисленному сейму, въ присутствіи короля и сената, служилъ явнымъ сигналомъ религіозной нетерпимости къ сектантамъ. Скарга открыто призналъ ихъ вредными для блага короны. „Къ тому же, продолжаетъ Скарга, разность въ вѣрѣ порождаетъ несогласіе между людьми... Если кто думаетъ о Богѣ иначе, чѣмъ я, то трудно надѣяться на взаимную любовь... Вотъ почему единство вѣры служить основой согласія въ королевствѣ, а ереси и разныя вѣры раздѣляютъ королевство и губятъ его“²⁾...

Доказавъ, что еретики въ государствѣ нетерпимы и предоставивъ слушателямъ самимъ рѣшить вопросъ о мѣрахъ къ ихъ уничтоженію. Скарга усиливаетъ недоброе чувство слѣдующими словами: „о Боже мой! какъ много неправды сдѣлали намъ еретики! у бѣдныхъ людей разогнали священниковъ, костелы ограбили и опустошили, — церковныя имѣнія, жертвованныя въ теченіе 600 лѣтъ взяли себѣ, десятины отняли... И какъ королевство можетъ существовать безъ правды? Какъ съ такими разбойниками можно имѣть дружбу и жить въ одномъ государствѣ?“³⁾...

Достаточно и этихъ цитатъ, чтобы видѣть, какъ систематически Скарга преслѣдовалъ первую и основную цѣль своей поли-

¹⁾ Kazanie sejmowe, IV, стр. 53—54.

²⁾ Kaz. sejm., V, стр. 59—60.

³⁾ Kazanie sejm., V, стр. 60.

тической программы. Отъ своего ученія онъ легко перешелъ и къ дѣлу. Своимъ вліяніемъ на обоихъ королей онъ достигъ того, что все высшее и низшее духовенство стало отвѣчать своему высокому назначенію. Труды и заслуги Скарги въ этомъ направленіи ясно обнаруживаются изъ его письма къ папскому нунцію Калигари ¹⁾ и особенно изъ четырехъ казаній на недѣли ²⁾. Не меньше труда стоили Скаргѣ и заботы о томъ, чтобы обезсилить протестантовъ въ высшихъ сферахъ государственныхъ учреждений. Если взять во вниманіе то значеніе, какимъ пользовались въ то время богатые протестантскіе магнаты и какъ ревностно они оберегали законъ конфедерации 1573 года,—то для насъ станутъ еще болѣе удивительными та сила и то вліяніе, какими пользовался Скарга, какъ въ массѣ католической шляхты, такъ и при королевскомъ дворѣ. Современникъ Скарги, Велевицкій, бывшій ректоромъ многихъ іезуитскихъ коллегій, категорически утверждаетъ, что „Скарга много старанія прилагалъ къ тому, чтобы разновѣрцы не были допущены къ государственнымъ и почетнымъ должностямъ“ ³⁾. Если такъ говорить очевидецъ и товарищъ Скарги, то мы имѣемъ полнѣйшее основаніе вѣрить другому польскому историку Нѣсѣцкому, который, указывая личный составъ сената въ концѣ 16-го вѣка, даетъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности Скарги: „благодаря его вліянію на короля, сенаторскія кресла и другія высшія мѣста, занятые прежде диссидентами, предоставляются теперь еретикамъ очень рѣдко и то въ видѣ исключенія; такая мѣра побудила многихъ знатныхъ пановъ возвратиться къ прежней правой вѣрѣ“ ⁴⁾. Хотя Скарга въ своихъ рѣчахъ нигдѣ не побуждаетъ короля къ явному преслѣдованію диссидентовъ, тѣмъ не менѣе такіе факты, какъ разрушеніе протестантскаго сбора ⁵⁾, запрещеніе торжественныхъ погребеній и дикія насилія студентовъ Виленской академіи надъ православнымъ духовенствомъ въ Виленской церкви въ 1598 году, въ ночь подъ Свѣтлое Воскресеніе ⁶⁾,—такіе факты, постав-

¹⁾ List X P. Skargi do Nunciusza Papieskiego, Biskupa Caligari (Biblioteka Polska—Kazania Seymowe.—1857.

²⁾ а) Kaz. na 2 niedz. po Wielkijnocy, б) на 4-ю. po Świątkach, в) на 7-ю и г) на 20-ю.

³⁾ Wielewicki, Historija domu professów Krakowskiego, pod r. 1612, стр. 424.

⁴⁾ Niesiecki, т. IV, стр. 716.

⁵⁾ Bielski, 145.—Grabowski, II, 425—427.

⁶⁾ А. З. Р., т. IV, № 138, гдѣ перечисляются всякія обиды православной церкви со стороны униатскихъ и латинскихъ властей и Ак. Вилен. Арх. Ком., т. VIII, № 13—15.

ленные параллельно съ чисто материнской опекой короля по отношенію къ римской церкви и католическому духовенству,—ясно говорятъ въ пользу того, что религіозно-политическія рѣчи Скарги и его вліяніе на короля глубоко отразились на социальномъ строѣ польскаго королевства ¹⁾).

Вторая сторона дѣятельности Скарги, преслѣдовавшаго этико-патріотическія цѣли, прекрасно иллюстрируетъ картину моральнаго состоянія тогдашней Польши и обнаруживаетъ въ Скаргѣ искуснаго проповѣдника-моралиста и глубокаго патріота. Онъ стремился перевоспитать поляковъ и хотѣлъ видѣть въ нихъ высоко-культурный народъ. Онъ не щадитъ красокъ тамъ, гдѣ рисуетъ нравственное разслабленіе шляхты и гдѣ выводитъ послѣднюю жалкимъ элементомъ, неспособнымъ къ политической борьбѣ за свое существованіе. Осуждая шляхетскій обычай устраивать частые пиры и расходовать на это громаднѣйшія суммы, Скарга дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „вы губите свои семьи и королевство; дѣлаясь нищими, вы легко отдадитесь непріятелямъ, ибо у васъ не будетъ средствъ на нужды Рѣчи Посполитой. О, глупая вѣтренность, не ищи славы тамъ, гдѣ конецъ твоего труда—срамъ!.. Какую массу шелка, бархата, китаекъ и атласа истребляетъ Польша!.. Сколько на эти средства можно выстроить громаднѣйшихъ замковъ, костеловъ, больницъ и богадѣленъ“ ²⁾... „Не ищите въ домахъ нашей шляхты ни книгъ ни мудрыхъ рѣчей! Собаки, соколы, чарки, бочки, шашки и карты,—вотъ то, надъ чѣмъ они проводятъ свою жизнь“ ³⁾... Чтобы показать, какъ Скарга внушалъ своимъ слушателямъ высокія патріотическія чувства, приведемъ для этого небольшой отрывокъ изъ его сеймовой рѣчи „o miłości ku Ojczyźnie“: „О милая наша мать, отчизна! Твои дѣти слишкомъ стали роскошны; они расходуютъ твои средства на грѣхи, на баловство, на мотовство и на всякіе пустяки. А чѣмъ же я виновата? отвѣчаетъ она. Они имѣютъ умъ,

¹⁾ Нельзя обойти молчаніемъ смѣлыхъ попытки о. Заленскаго доказать, что преслѣдованіе разновѣрцевъ и ослабленіе ихъ политическаго значенія въ странѣ совѣсть не входило въ задачи іезуитскаго ордена, а тѣмъ болѣе П. Скарги. Впрочемъ, самъ о. Заленскій сознается, что „іезуиты jota w jotę дѣлали все то, что дѣлали и еретики“ и что „въ этой борьбѣ среди іезуитовъ „hetmanil ks. Skarga. Онъ то и въ проповѣдяхъ и въ частной бесѣдѣ постоянно указывалъ королю, министрамъ и сеймамъ на ту опасность, какая угрожаетъ Рѣчи Посполитой со стороны еретиковъ“... (Jezuici w Polsce, т. I, ч. II, стр. 532—533).

²⁾ Kazanie na dzień sw. katarzyny.

³⁾ Kazanie na Narodz. Matki Bożej.

пусть берегутъ свои средства на костелы, на оборону отчизны и про черный день... Когда корабль опрокидывается волнами, то глупый хватается за свои пожитки и, не спасая корабля, полагаетъ, что онъ спасаетъ себя,—а между тѣмъ, поступая такъ, онъ губитъ самъ себя, ибо и корабль погибнетъ и все, что онъ собралъ въ немъ. Если же онъ, оставивъ въ сторонѣ свои пожитки, вмѣстѣ съ другими станетъ спасать корабль, нисколько не думая о личныхъ интересахъ, то этимъ самымъ онъ сохранитъ и имущество свое и здоровье.—Дорогой корабль нашей отчизны несетъ на себѣ и насъ и все, что мы имѣемъ. Если мы дѣлаемъ зло этому кораблю и дыръ его не затыкаемъ, если не выливаемъ изъ него воды, если не думаемъ о его поддержкѣ,—то онъ неминуемо пойдетъ ко дну, а вмѣстѣ съ нимъ погибнемъ и мы... О, вельможные паны! о, земные боги! Имѣйте великодушіе и доброе сердце ко благу братьевъ и народовъ своихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ содержать въ себѣ наше королевство! Не ограничивайте любви къ отчизнѣ своими домами, имѣніями и амбарами!.. Идите по стопамъ того христіанскаго короля, который, выступая съ войскомъ въ походъ, велѣлъ нарисовать на своихъ знаменахъ птицу, спасающую свою кровію птенцовъ отъ змѣинаго яда и тѣмъ далъ знать, что онъ готовъ умереть за свой народъ, чтобы своею смертію сохранить его жизнь¹⁾... Въ заключеніе своей рѣчи Скарга бичуетъ корыстолюбіе шляхты и говоритъ, что только „злодѣйское сердце“ можетъ требовать отъ своей отчизны за малѣйшую услугу богатой награды. Конецъ 16-го вѣка отмѣчается у Скарги самыми мрачными чертами: грубый эгоизмъ, жажда къ наживѣ, кутежи, насилія и полнѣйшее игнорированіе общественныхъ интересовъ,—вотъ та нравственная атмосфера, которая приплась по сердцу тогдашнимъ магнатамъ и шляхтѣ. Не далеко ушло отъ нихъ и польское духовенство. Жизнь послѣдняго Скарга изображаетъ въ очень невыгодномъ для него свѣтѣ. „Вина наша велика: мы воду ловимъ и совсѣмъ не думаемъ о рыбѣ,—мы не живемъ при своемъ озерѣ или пруду; рыба въ Литвѣ, а рыболовъ въ Польшѣ; мы даже не учимся этому ремеслу..., у насъ нѣтъ духовныхъ школъ,—мы приступаемъ къ пастырскому дѣлу, къ этой труднѣйшей философіи, прямо отъ дворянскихъ и военныхъ службъ, отъ свѣтскихъ занятій, нисколько не думая и не заботясь о спасеніи людей“²⁾. Слѣдовательно, горячій призывъ Скарги къ нравственному обновленію былъ очень кстати въ ту пору. Къ

¹⁾ Kazanie sejmowe II-e.

²⁾ Kazanie niedzielne na IV po świętkach.

его голосу стала прислушиваться вся Польша,—его сочиненія, житія святыхъ и разныя рѣчи выдерживали сряду нѣсколько изданій. Вотъ почему мы утверждаемъ, что морально-патріотическая дѣятельность Скарги принесла Польшѣ самые богатые плоды и въ этомъ состоитъ его не малая политическая заслуга, въ этомъ его честь и слава.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію той общественной дѣятельности Скарги, которая носитъ на себѣ исключительно политическій характеръ: это тѣ рѣчи и приемы, какими Скарга пытался провести въ жизнь поляковъ свою монархически-конституционную систему новаго государственнаго строя. Выше мы уже говорили, что политическое устройство Польши конца 16 вѣка носило въ себѣ несомнѣнные задатки будущаго разрушенія. Законы конфедерации 1573 года, съ дивнымъ перломъ золотой свободы—*„liberum veto“*, окончательно парализовали дѣйствія Польши по пути къ прогрессу. Шляхетскіе сеймы, пользовавшіеся верховной властью въ законодательствѣ, судѣ и администраціи,—въ сущности не имѣли въ своихъ дѣйствіяхъ никакой собственной инициативы,—они являются лишь уполномоченными отдѣльныхъ воеводствъ, которыя даютъ имъ и особую инструкцію и строгую программу будущихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, эти уполномоченные не имѣли даже и исполнительной власти. Последняя принадлежала королю, который, какъ ни странно, отвѣчая за все, что дѣлается въ государствѣ, въ то же время самъ не можетъ ничего предпринять безъ согласія поставленнаго надъ нимъ контроля. А контроль у него былъ очень богатый и разнообразный. Не говоря уже о сеймѣ, который могъ отмѣнить и уничтожить всякій шагъ короля,—контролерами послѣдняго являются и сенаторы, и канцлеры, и гетманы, и всякіе подскарбіи и, наконецъ, даже каждый шляхтичъ, который однимъ своимъ *„veto“* могъ сорвать и уничтожить сеймъ. Не удивительно, что шляхта, не доросшая еще до пониманія истинной гражданской свободы, считала себя сословіемъ совершенно свободнымъ отъ всякихъ повинностей и податей. Безумная роскошь, кутежи, ужасные пороки, абсолютное безучастіе къ интересамъ своей страны и, наконецъ, страшная неволя крестьянъ, ставившая ихъ на равнѣ съ животными,—вотъ тѣ плоды, какихъ и слѣдовало ожидать отъ золотой шляхетской свободы. И мы увидимъ ниже, что Скарга прекрасно понималъ духъ этой свободы, что онъ далъ истинную оцѣнку тому государственному режиму, какой существовалъ тогда въ Польшѣ. Мы увѣрены, что его сеймовыя рѣчи были великой неожиданностью для гордой шляхты, готовой всякую минуту прибѣгнуть къ „конфедераци“ изъ за оскорбленія чести или нарушенія свободы. Можно

было ожидать, что смѣлыя рѣчи Скарги будутъ встрѣчены угрозами, криками, протестами и наконецъ требованіями изгнать проповѣдника изъ сейма. Но слова этого человѣка, какъ искуснаго проповѣдника и тѣ глубоко-правдивыя картины внутренней жизни Польши, какія онъ художественно рисовалъ предъ своими удивленными слушателями,—побѣдили вниманіе шляхты. Своимъ ораторскимъ талантомъ Скарга скрывалъ пресловутую свободу сеймовыхъ нословъ и легко царствовалъ надъ ихъ умами: они слушали его съ восторгомъ и провожали бурными рукоплесканіями ¹⁾. Зная аскетическую жизнь Скарги и ту щедрую благотворительность, какую онъ оказывалъ бѣднымъ путемъ открытія всякихъ братствъ, чувствуя въ его рѣчахъ нешоддѣльную любовь къ отчизнѣ и замѣчая, что въ его художественныхъ описаніяхъ всѣ событія современной Польши получаютъ свое надлежащее освѣщеніе,—поляки невольно отдавали свою мысль въ послушаніе Скаргѣ и быстро усваивали себѣ его политическія идеи. Рыхцицкій утверждаетъ, что „Скарга присутствовалъ на 18-ти сеймахъ и что на всѣхъ этихъ сеймахъ онъ горячо убѣждалъ шляхту служить своей отчизнѣ“ ²⁾... Къ сожалѣнію, до насъ дошли лишь тѣ сеймовыя рѣчи, которыя были произнесены Скаргой до 1600 года и которыя въ этомъ же году были изданы имъ особой книжкой. Изъ содержанія этихъ 8-ми казаній мы видимъ, что Скарга публично проводилъ въ умы своихъ слушателей новую политическую систему государственнаго управленія, которая сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) нужно реформировать сеймъ и прежде всего шляхетское коło, 2) шляхетскую золотую свободу поставить на болѣе разумную почву, и, наконецъ, 3) усилить власть короля, предоставивъ ему всѣ атрибуты неограниченнаго монархическаго правленія.—Осуждая сеймовые безпорядки какъ выраженіе шляхетскаго своеволія, Скарга говорилъ послѣднимъ слѣдующую рѣчь: „вы сѣзжаетесь сюда съ огромными толпами конныхъ и пѣшихъ, какъ будто на войну, а не на совѣтъ; вы расходуете при этомъ столько средствъ, что можно содержать самое сильное войско,—вы сидите здѣсь очень долго, а пользы приносите очень мало. Вы нарекаете на поборы, а сами себя доводите до величайшихъ утратъ. Вы распустили и испортили свою молодежь и тѣмъ побуждаете ее къ самому грубому непослушанію. Ваше первое сеймовое собраніе было какъ Божіе установленіе, а теперь оно и силу утратило и чести не имѣетъ. Какую вы имѣете пользу

¹⁾ Kurs literatury slowiańskęy за 1841 г. Mickewicz.

²⁾ Рыхцицкій, II, 244.

отъ этихъ утратъ? Куда имѣете апеллировать на эти сеймы? Нѣтъ, это наказаніе Божіе надъ вами! Онъ допустилъ помѣшательство вашихъ умовъ для того, чтобы вы, видя, не видѣли,—слушая, не слышали,—имѣя желаніе, не рѣшались, чтобы вы ночью, уничтожали то, что сдѣлаете въ теченіи дня... Мы не видимъ добрыхъ результатовъ ни отъ одного сейма,—напротивъ, послѣ каждого изъ нихъ замѣчается убыль въ послушаніи, въ любви и преданности и „въ нравахъ набожныхъ“. Чтобы убѣдить шляхту въ необходимости реформированія сеймовъ, Скарга указываетъ на ту опасность, которая угрожаетъ Польшѣ со стороны внѣшнихъ враговъ. „Смотрите, говоритъ онъ, турецкая сабля вотъ-вотъ готова коснуться вашихъ головъ, а наша сосѣдка (Россія), что годъ, то ближе подступаетъ къ нашимъ воротамъ... Гдѣ ваши запасы? гдѣ ваши войска? гдѣ защита вашихъ замковъ и жизни? Вамъ лучше это видно! Знайте же, что татары, ваши исконные враги и слуги турокъ, съ часу на часъ ожидаютъ случая погубить васъ!“ ¹⁾...—Доказавъ очевидную бесполезность многочисленныхъ, продолжительныхъ и крайне обременительныхъ сеймовъ, Скарга касается теперь домашнихъ сеймиковъ и такъ называемаго посольскаго собранія. „Если что и клонитъ нашу корону къ быстрому упадку, то прежде всего ваши посольскія собранія. Посмотрите, до какихъ дѣтскихъ поступковъ и путаницы вы дошли! Послы избираются на сеймикахъ напередъ,—при чемъ послами избираются или отчаянные, или богачи; они дѣлаютъ у васъ все, что хотятъ; свое посольское уполномочіе они присваиваютъ себѣ на всю жизнь или же выставляютъ за себя такихъ, которые служатъ ихъ намѣреніямъ и интересамъ. А шляхта такъ не дальновидна, что ограничивается всегда однимъ лишь крикомъ... Что касается пословъ, то одни изъ нихъ стараются вредить католической церкви, другіе—гнѣваются на короля, что онъ не даетъ имъ того, чего они сами себѣ желаютъ, третьи,—заботятся исключительно о личномъ возвышеніи, къ этому направляютъ всѣ свои сеймовые труды,—четвертые, занятые домашней войной, все свое посольство обращаютъ въ помощь себѣ противъ своихъ враговъ,—пятые, наученные тѣми или другими панами и купленные ихъ подарками, несомнѣнно должны служить на сеймахъ ихъ интересамъ и, наконецъ, шестые, домогаясь себѣ особаго вниманія и почета отъ людей, желаютъ прославить себя на сеймахъ своими умными рѣчами“ ²⁾... Таковы-то, по словамъ Скарги, тѣ послы, которые избирались съ

¹⁾ 1-e kazanie.

²⁾ 4-e kazanie.

большимъ пристрастіемъ на сеймикахъ воеводствъ. „Что касается польскаго собранія, то, о, Боже мой! какихъ только тамъ не бываетъ постыдныхъ дѣлъ! Какъ долго тянется процессъ избранія маршалка! Одинъ разъ это продолжалось 1½ недѣли и король со своимъ сенатомъ долженъ былъ ожидать ихъ. Вѣдь это грубѣйшее невѣжество и неуваженіе! Мнѣ стыдно говорить о тѣхъ несогласіяхъ, крикахъ и ссорахъ, какія происходятъ тамъ. Хуже всего это то, что они, присвоивъ себѣ слишкомъ большую власть въ ущербъ сенаторской и даже королевской, превратили монархическій образъ правленія въ демократическій, который совсѣмъ не примѣнимъ въ нашемъ обширномъ государствѣ. Они мечтаютъ теперь о томъ, чтобы шляхта управлялась сама собой черезъ своихъ пословъ“...—Развернувъ предъ своими слушателями крайне печальную картину современнаго государственнаго строя, и показавъ, что сеймовое начало является первой причиной всѣхъ коронныхъ бѣдъ, Скарга вынужденъ былъ коснуться вопроса о золотой шляхетской свободѣ, которая рѣшительно противорѣчила его монархически-конституціоннымъ идеямъ. Для этого онъ ставитъ прежде всего вопросъ о дисциплинѣ, безъ которой немыслимо существованіе ни одного государства. „Никто у насъ не признаетъ ни судовъ, ни законовъ..., а гдѣ страха Божія и стыда нѣтъ, тамъ и королевство погибаетъ... Всѣ защищаютъ себя какой-то шляхетской вольностью,—всѣ прикрываются ею, какъ бы нѣкимъ плащомъ и золотую свободу обращаютъ въ орудіе непослушанія и разврата. О, прекрасная свобода, въ которой господствуетъ всякое неповиненіе, угнетеніе слабыхъ и въ которой презираютъ Божескіе и людскіе законы! Люди тщеславные и пустые воображаютъ себя тѣми свободными жеребятами и ослатами, которые еще не знаютъ ни погонщика, ни узды... Отсюда ослабленіе силы и власти королевскаго престола; никто теперь не боится ни короля, ни его наказаній. Кто хочетъ поднимаетъ о немъ крики; всѣ стремятся его учить и быть его педагогами“...

Пригрозивъ своимъ слушателямъ, что подобное безуміе приведетъ ихъ къ уtratѣ своей народности и даже языка, Скарга доказываетъ имъ необходимость строгой дисциплины путемъ слѣдующаго примѣра. „Музыка, насчитывая въ себѣ около 8 голосовъ, имѣетъ въ своей основѣ всякіе тоны и низкіе, и средніе и высокіе. Такъ точно бываютъ разныя положенія и въ Рѣчи Посполитой. Какъ въ музыкѣ, гдѣ одинъ голосъ идетъ высоко, другой по необходимости долженъ быть пониженъ, такъ и въ государствѣ: каждый чинъ долженъ знать свое мѣсто и не нарушать сладости согласія святого. Если же всѣмъ этимъ голосамъ не даетъ такта регентъ,

то слабость цѣня смѣнится диссонансомъ и безобразнымъ крикомъ. Такъ точно и въ Рѣчи Посполитой: если одна высшая власть не станетъ управлять всѣми, то получится ужасный безпорядокъ и погибель королевства—неизбѣжна“ ¹⁾...

Осудивъ на первыхъ пяти сеймахъ существующіе порядки и показавъ, насколько губительно они отражаются на всѣхъ сторонахъ политической жизни польскаго королевства, Скарга на 6-мъ сеймѣ смѣло и рѣшительно выступаетъ со своею рѣчью объ усиленіи королевской власти. Три „болѣзни“, по его словамъ, мѣшаютъ развитію этой власти: 1) свобода давать и отнимать власть—это корень непослушанія подданныхъ, 2) разореніе доходовъ и имѣній королевскаго престола и 3) выходъ посольскаго кола за предѣлы того порядка, какой предоставленъ былъ его законодателемъ вначалѣ. Отмѣтивъ такимъ образомъ ту сферу, которая требуетъ немедленныхъ реформъ, Скарга требуетъ для Польской Короны абсолютной, монархической власти въ слѣдующей формѣ: „на ряду съ королемъ и монархомъ долженъ стоять верховный сенатъ, который, усиливая и вмѣстѣ ограничивая его власть, помогаетъ ему въ управленіи государствомъ... Такою и была королевская власть по принятіи христіанства! Это подтверждаютъ всѣ ваши статуты, форма присяги сенаторовъ, маршалковъ и другихъ административныхъ лицъ; изъ нихъ видно, какъ предки ваши почитали и уважали королевскую власть. Отсюда, не глупыми ли должны считаться такіе афоризмы: уродился я вольнымъ и пляхтичемъ и не боюсь никого, даже и самого короля, который не имѣетъ надо мной рѣшительно никакого права? То сатанинская свобода, которая не знаетъ ни законовъ, ни суда,—которая пренебрегаетъ и обществомъ, и королемъ и которая не признаетъ для своего своеволія никакихъ преградъ!“...

Утверждая ту мысль, что единодержавіе есть наилучшая форма государственнаго управленія, Скарга спрашиваетъ сеймовыхъ пословъ: „Неужели одному не лучше утвердить порядокъ въ странѣ?.. Гдѣ два или три управляютъ, тамъ всякій изъ нихъ имѣетъ и свое міропониманіе и свое личное убѣжденіе,—тамъ люди не могутъ идти за однимъ и вынуждены раздѣлиться... И если вы во зло обращаете королевскую власть, то Богъ отниметъ ее отъ васъ и отдастъ васъ въ тяжкую неволю... О, сыны Польской Короны! научитесь почитать короля и всякую власть, какъ это дѣлали ваши отцы!“... Въ заключеніе Скарга показываетъ идеаль польскаго гражданина: „о, какой чудный примѣръ, если кто говоритъ своему природному ко-

¹⁾ 5-e kazanie.

ролю: я твой подданный и невольникъ,—тебѣ принадлежитъ все, что я имѣю,—ты мой благодѣтель и земной владыка,—отъ тебя я имѣю и судъ, и владѣніе и безопасность“¹⁾. Мы знаемъ уже, какимъ авторитетомъ пользовался Скарга у многихъ магнатовъ, истинныхъ сыновъ католической церкви,—знаемъ, что къ концу 16-го вѣка католицизмъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ протестантскимъ движеніемъ, что шляхта, преданная костелу, съ восторгомъ слушала полемическія проповѣди Скарги и что, наконецъ, набожность народа, подъ вліяніемъ іезуитскихъ экзерцицій достигла въ эту пору своего высшаго апогея,—поэтому мы рѣшительно утверждаемъ, что трудъ Скарги на 6-мъ Краковскомъ сеймѣ не пропалъ безслѣдно, что монархическія идеи, посѣянные имъ съ горячею вѣрой и воодушевленіемъ въ сердцахъ магнатовъ и шляхетскихъ пословъ пали на добрую почву и несомнѣнно принесли въ послѣдствіи соотвѣтствующій плодъ²⁾.

Обзоръ политической дѣятельности Петра Скарги былъ бы далеко не полнымъ, если бы мы не коснулись его трудовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ запросамъ и нуждамъ польскихъ войскъ.

Мы знаемъ, что въ періодъ московскихъ войнъ, при взятіи Баторіемъ Полоцка и Пскова, Скарга раздѣлялъ всѣ трудности военнаго похода и несъ обязанности обознаго каплана. Въ эту пору Скарга могъ прекрасно изучить бытъ и нравственную атмосферу польскихъ солдатъ. Въ началѣ 17-го вѣка, когда Польша стала угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, когда внутреннія смуты вынуждали правительство опираться на силу войскъ, Скарга, какъ истинный патріотъ, невольно обратилъ свой взоръ на состояніе польскихъ войскъ и на военную службу³⁾. Онъ смотрѣлъ на войско, какъ на силу, которая должна гарантировать королевство отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ⁴⁾,—а между тѣмъ онъ не могъ не замѣтить, что этого-то преимущественнаго требованія никоимъ образомъ нельзя предъявить къ польскимъ войскамъ. Они не были постояннымъ сословіемъ, главная задача котораго—боевая готовность противъ враговъ своего народа. Большая половина всѣхъ польскихъ войскъ набиралась по требованію неожиданной нужды и организовывалась на самый короткій срокъ; при этомъ самая ор-

¹⁾ Kazanie 6-e.

²⁾ Достаточно вспомнить бунтъ Зебржидовскаго, во время котораго многіе магнаты сверхъ ожиданія перешли на сторону Сигизмунда, чтобы сказать, что вліяніе Скарги не прошло безслѣдно.

³⁾ Предисловіе къ труду „Zolnierskie Nabożeństwo“ (стр. 489, изд. 1610 г.).

⁴⁾ Тамъ же.

ганизация новых полковъ, требовавшая громаднѣйшихъ расходовъ, всецѣло зависѣла отъ минутнаго настроенія тѣхъ или другихъ шляхетскихъ пословъ, имѣвшихъ право сорвать всякій сеймъ. Не удивительно поэтому, что польскія войска страдали отсутствіемъ всякой дисциплины и что они не могли похвалиться тѣмъ стратегическимъ тактомъ, какой является результатомъ продолжительнаго труда въ одномъ и томъ же направленіи. Мало этого; Скарга отмѣчаетъ у польскихъ войскъ еще одну черту, чрезвычайно характерную для конца 16-го вѣка,—это страсть къ доносамъ на богатыхъ людей, съ цѣлью конфискаціи ихъ имуществъ. Замѣтивъ всѣ эти крупные недостатки и задавшись цѣлью доказать шляхтѣ настоящую потребность соответствующихъ реформъ, Скарга выпустилъ въ свѣтъ въ 1606 году чрезвычайно интересный трактатъ, озаглавленный такъ: „Żołnierskie Nabożeństwo, to est, Nauki y Modlitwy, y Przykłady do tego stanu służące, --- Wodzom woyskà przesławnym, Iasnie Wielmożnym J. M. P. Ianowi Chotkiewiczowi u J. M. P. Stanisławowi Żolkiewskiemu“.—Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что шляхта оставила рыцарское ремесло и что она пріучила себя къ такимъ нѣжностямъ, какъ ѣзда въ каретѣ, Скарга досаждаетъ на молодежь и говоритъ: „нѣтъ у нея ни мужества, ни рыцарской страсти; купеческая погоня за лакомствами, доводящая до глупыхъ расходовъ,—вотъ постоянное стремленіе молодыхъ людей. Чтобы исправить этотъ общественный недостатокъ, чтобы возвратить военное сословіе къ своимъ обязанностямъ и имѣть средство для защиты своей отчизны отъ враговъ, я предлагаю вамъ, преславные полководцы, обсудить мой проектъ“¹⁾).

Въ какомъ же видѣ представляются у Скарги реформы или „naprawu gycerskiego stanu“? Всѣ его „żolnierskie nauki“, состоящія изъ 15 отдѣловъ, ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что Скарга не рѣшался высказать свое послѣднее слово тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя не компетентнымъ. Какъ человѣкъ осторожный и далекій отъ скороспѣлыхъ заключеній, онъ далъ въ этихъ отдѣлахъ лишь общія идеи тѣхъ требованій и задачъ, какимъ должны были удовлетворять польскія войска. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ. (Rozdział I):

Всякое государство должно имѣть у себя постоянныя войска ради достиженія двухъ цѣлей: съ одной стороны они сдерживаютъ своеволие домашнихъ враговъ и обезпечиваютъ спокойствіе гражданъ внутри страны и съ другой—они защищаютъ государство

¹⁾ Тамъ же.

отъ набѣговъ, опустошеній и плѣна со стороны внѣшнихъ враговъ. Поэтому всякое благоустроенное государство „готовить солдата, имѣть рыцарскій стан, содержать тюрьмы, башни, валы, замки и припасаетъ на многія лѣта провіантъ. Впрочемъ, всего этого безъ специальной школы и военной тактики достигнуть нельзя“. (Rozdział IV). Всякая война начинается у насъ или королемъ, если касается Рѣчи Посполитой, или наивысшими панамъ, если она ведется ими въ своемъ панствѣ. Отсюда, всѣ такъ называемыя сосѣдскія войны должны быть признаны величайшимъ грѣхомъ и разбоемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, которые дѣлають набѣды (najeżdzaia). Въ виду этого христіанскій солдатъ долженъ строго различать, гдѣ справедливая война и гдѣ разбой. „Теперь, говоритъ Скарга, между панамъ много есть такихъ, которые какъ разбойники, собирають войска съ цѣлью расширить свои владѣнія и поживиться на счетъ своихъ сосѣдей. Да спасетъ васъ Господь отъ такихъ войнъ!“ Далѣе, что особенно важно, Скарга различаетъ двѣ категоріи солдатъ: есть солдаты „обсу“, т. е., никому не принадлежащій и есть—„domowу“ или подданный своему пану; первый служить всякому, кто нанимаетъ его за деньги, а другой служить только тому, кому онъ обязанъ своимъ подданствомъ. Тѣмъ не менѣе, тѣ и другіе должны крѣпко наблюдать, справедлива ли та война, на которую ихъ призываютъ. (Rozdział VIII). „Нѣкоторыми солдатами практикуется слѣдующая низость. Замѣтивъ въ томъ или другомъ помѣстьѣ богача, они стараются возвести на него какое либо тяжкое обвиненіе; они ведутъ его къ гетману и требуютъ надъ нимъ суда, какъ надъ шпиономъ,—утверждаютъ, что онъ у такого-то похитилъ коня, а у такого-то ранилъ слугу“... „Что сказать о тѣхъ ужасныхъ грабежахъ, какіе бывають при собираніи военныхъ податей? Вѣдь собираніе податей отдается у насъ на откупъ, какъ арендная статья,—одинъ передаетъ другому и сумма податей растетъ непомѣрно. „При такомъ порядкѣ сборовъ большая половина податей идетъ въ пользу этихъ мытарей, покупающихъ на награбленныя деньги села и богатыя деревни... И никто, говоритъ Скарга, не возстанетъ противъ такого порядка,—никому нѣтъ дѣла до блага своей отчизны!“... XV-й отдѣлъ замѣчателенъ той характеристикой, какую Скарга даетъ современной шляхтѣ: „прежде имѣли возъ лишь для того, чтобы сложить въ немъ свои сумки и пожитки, а теперь придумали себѣ рыдваны и кареты... Это не поляки. а старыя бабы на возахъ!.. А вотъ и оруженосецъ! Это настоящая невѣста, идущая на кадрили; онъ не умѣетъ ни сѣсть, ни осѣдлатъ своего коня“!...—Вообще слѣдуетъ

замѣтить, что это сочиненіе Скарги оставляетъ въ умѣ читателя самое непріятное представленіе какъ о состояніи польскихъ войскъ, такъ и о финансовыхъ операціяхъ правительства на случай внезапныхъ войнъ. Трудно допустить, чтобы голосъ Скарги могъ остаться на этотъ разъ безъ вниманія со стороны магнатовъ и шляхты. Самый предметъ этого сочиненія былъ очень близокъ душѣ каждому изъ нихъ и мы твердо убѣждены, что *Żolnierskie nauki* Скарги, при безусловномъ вниманіи къ нему Жолкевскаго, Ходкевича и другихъ патріотовъ, послужили не малымъ толчкомъ къ исправленію пороковъ и недостатковъ, царившихъ среди польскихъ войскъ.

Разсматривая политическую дѣятельность Петра Скарги въ первое десятилѣтіе 17-го вѣка, когда онъ пришелъ уже въ глубокую старость, — нельзя не удивляться тѣмъ смѣлымъ и рѣшительнымъ трудамъ, какіе онъ поднималъ на себя для усиленія королевскаго престижа и для защиты іезуитскихъ интересовъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду злосчастную эпоху Зебржидовскаго бунта.

Сигизмундъ, ревностный сторонникъ и ученикъ іезуитовъ, подпавшій подъ исключительное вліяніе Скарги и кардинала Юрія Радзивилла, былъ, какъ извѣстно, упорнѣйшимъ борцомъ за интересы католической церкви. Защищая и поддерживая латинское духовенство, раздавая староства исключительно „вѣрнымъ сынамъ костела“, Сигизмундъ нисколько не думалъ о спокойствіи разновѣрцевъ. Это была одна изъ крупныхъ ошибокъ внутренней политики Сигизмунда. Далѣе; реформированіе сената, затѣянное при помощи маіоратовъ, преобразование нѣкоторыхъ должностей съ безусловнымъ подчиненіемъ власти короля и, наконецъ, ограниченія сеймовыхъ рѣшеній, касавшихся правъ и привилегій диссидентовъ (напр. Варшавскаго 1606 г.), — всѣ эти нововведенія съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ магнатовъ и особенно диссидентовъ казались нарушеніемъ *pacta conventa* и шляхетской свободы. Начались массовые съѣзды шляхты, какъ выраженіе общаго недоброжелательства къ королю. По словамъ Любенскаго, „всѣ недовольные существующимъ порядкомъ правленія и особенно разновѣрцы чрезвычайно обрадовались удобному поводу къ рокошу; они полагали, что теперь легко можно достигнуть давно задуманныхъ цѣлей“. Любенскій увѣряетъ, что главными зачинщиками этого рокоша были преимущественно диссиденты: Янъ Радзивиллъ, Станиславъ Стадницкій, Горойскій, Сѣпявскій, Мартинъ Бронеvскій, Андрей Менцинскій, Сигизмундъ Грудзинскій и множество другихъ, преимущественно протестан-

товъ 1). Такъ или иначе, но возстаніе шляхты въ концѣ 1606 года приняло опасные размѣры. Среди взбунтовавшихся магнатовъ сталъ особенно выдвигаться Сандомірскій воевода Николай Зебржидовскій. Скрывая свои личныя побужденія и пользуясь прерогативами своего положенія, Зебржидовскій прежде всего соединяетъ разрозненныя силы шляхты на Стенжицкомъ и Люблинскомъ сеймахъ и затѣмъ отъ своего имени созываетъ рѣшительный съѣздъ въ Сандомірѣ. Послѣ цѣлаго ряда самыхъ бурныхъ совѣщаній, съѣздъ рѣшилъ предложить королю списокъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ оказались нарушенными *pacta conventa*. Въ данномъ случаѣ для насъ являются небезынтересными тѣ укоризны, какія были посланы сеймомъ по адресу короля.—Они упрекаютъ его въ томъ, что онъ не держитъ при себѣ положеннаго количества сенаторовъ, что онъ увеличиваетъ налоги и выпускаетъ фальшивую монету, что должности раздаются чужеземцамъ и что онъ положительно игнорируетъ религіозныя тяжбы диссидентовъ 2). Сигизмундъ далъ бунтовщикамъ строгій отвѣтъ и призывалъ ихъ къ порядку. Между тѣмъ сенаторы стали совѣтовать королю—послать кого либо изъ почетныхъ лицъ къ Зебржидовскому съ цѣлью убѣдить его оставить начатое дѣло. „Не долго, говоритъ Рыхцицкій, король останавливался на вопросѣ о томъ, кого послать къ бунтовщикамъ: выборъ его палъ на Скаргу и Скарга не отказался отъ этого труднаго и непріятнаго порученія. Всѣ были увѣрены въ томъ, что Скарга, какъ убѣдительный ораторъ, скоро успокоитъ воеводу, тѣмъ болѣе, что Зебржидовскій, состоя главнымъ жертвователемъ „*Skrzynki św. Mikołaja*“, былъ до этого времени въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ со Скаргой 3). Но надежды короля и Скарги не оправдались: Зебржидовскій, принявъ на себя роль защитника интересовъ отчизны, далъ Скаргѣ рѣшительный отвѣтъ, что не онъ виновенъ въ возстаніи шляхты, а самъ король, „который стремится освободить себя отъ требованій *pacta conventa* и который постепенно присваиваетъ себѣ неограниченную власть надъ свободнымъ народомъ“ 4). Отвѣтъ Зебржидовскаго, принесенный Скаргой, вынудилъ короля послать къ бунтовщикамъ вторичное посольство изъ трехъ новыхъ и авторитетныхъ лицъ. Но Зебржидовскій пустилъ 6-го

1) Lubieński. Wydanie dzieł jego wszystkich w Antwerpii, roku 1643 (стр. 46, 57, 66 и 129).

2) Rychciński, II, стр. 385.

3) Rychciński, т. 2, стр. 387.

4) *ibid.*, стр. 388. + Lubieński, стр. 58—59.

апрѣля по всѣмъ провинціямъ малой и великой Польши массу универсаловъ, въ которыхъ имя Скарги было поставлено въ самую тѣсную связь со всѣми злоупотребленіями Сигизмунда. Главное обвиненіе противъ Скарги состояло въ томъ, что онъ является тайнымъ сообщникомъ всѣхъ плановъ и видовъ на Польшу австрійскаго двора. 4-го іюня состоялся въ Люблинѣ новый съѣздъ „рокошанъ“. Здѣсь уже выступаетъ на сцену со своими обвиненіями противъ короля Станиславъ Стадницкій. Издѣваясь въ своей рѣчи надъ королемъ, Стадницкій доказывалъ шляхтѣ, что весь интересъ Сигизмунда заключается въ ракетахъ, фокусахъ и картахъ. Взявъ за основаніе фразу Скарги, сказанную имъ въ поученіи, что „король, играющій въ карты, не есть король“, Стадницкій увѣрялъ, что король нисколько не причастенъ къ дѣламъ Рѣчи Посполитой, что страной управляютъ іезуиты, что они стягиваютъ къ королевскому двору чужеземцевъ, что постепенно урѣзываются права сеймовъ и что, наконецъ, многія тысячи лицъ изъ почетной шляхты лишены уже права быть сеймовыми послами. Въ заключеніе Стадницкій призывалъ шляхту возстать на защиту своей отчизны ¹⁾.— Въ то же самое время гетманъ Жолкевскій, Потоцкіе, Сѣнявскіе и другіе знатнѣйшіе магнаты, составивъ сильную оппозицію рокошанамъ, твердо рѣшили защитить Сигизмунда, поднять престижъ королевской власти и усмирить поднявшійся бунтъ. Ихъ примѣру послѣдовала большая часть мелкой шляхты и горожанъ. Король вынужденъ былъ переѣхать со всѣмъ своимъ дворомъ и сенатомъ въ Вислицу, гдѣ въ скоромъ времени (въ августѣ) на шляхетскомъ съѣздѣ, подтвердивъ *роста conventa*, онъ торжественно увѣрилъ съѣздъ, что во внѣшней политикѣ онъ всегда будетъ согласоваться съ мнѣніемъ сената.—Тѣмъ временемъ искра ненависти къ іезуитамъ, брошенная рокошанами въ среду шляхты и простого народа готова была принять размѣры настоящаго пожара и угрожала обществу іезуитовъ лишеніемъ многихъ правъ и привилегій ²⁾. Положеніе іезуитовъ въ виду смутнаго состоянія королевства становилось чрезвычайно опаснымъ; со дня на день можно было ожидать народныхъ возмущеній, грабежей и наѣздовъ на іезуитскія имѣнія

¹⁾ Zaleski. *Jezuici w Polsce*, т. I, ч. II, 633—634.

²⁾ Стадницкій въ своей рѣчи требовалъ, чтобы іезуиты были изгнаны изъ страны; имъ изъ чести предлагалось всего лишь 8 пунктовъ, гдѣ они могли селиться, не переходя извѣстныхъ границъ подъ страхомъ строгаго наказанія. *Mskt. Bibl. Ossol. nr. 168, str. 513—515* (Акты въ колѣ рокошанъ).

и школы. Естественно, что на Скаргу падала вся вина; онъ являлся представителемъ всѣхъ сторонъ соціальной и политической жизни іезуитовъ. Онъ чувствовалъ лежащій на немъ долгъ выступить на защиту правъ и чести своего ордена и онъ исполнилъ свой долгъ: 17-го сентября уже была готова его отвѣдь на артикуль о іезуитахъ ¹⁾. Въ тотъ же день Скарга прочелъ ее въ Вислицкомъ костелѣ въ присутствіи короля, сената, сеймовыхъ пословъ и множества почетной шляхты.—Зная, какое могущественное вліяніе оказали іезуиты на всѣ стороны политической жизни Рѣчи Посполитой за вторую половину 16-го вѣка, мы не можемъ обойти молчаніемъ той публичной защиты іезуитовъ, которая была предложена Скаргой подъ заглавіемъ: „отвѣтъ на артикуль объ іезуитахъ“.

Къ концу Зебржидовскаго бунта надъ головами іезуитовъ сгустились грозныя тучи; ихъ положеніе казалось очень незавиднымъ,—но Скарга разсѣялъ эти тучи, онъ прояснилъ горизонтъ іезуитской жизни, онъ воодушевилъ свою братію къ новой борьбѣ съ врагами латинства, своими смѣлыми рѣчами онъ утѣшилъ короля, доказавъ полную несостоятельность тѣхъ обвиненій, какія были выставлены диссидентами въ артикулахъ, онъ поднялъ, наконецъ, престижъ іезуитовъ въ глазахъ сената, шляхты и простого народа и внушилъ послѣднимъ рѣшительную мысль, что диссиденты—враги отчизны.—Что рѣчь Скарги произвела на слушателей чрезвычайно сильное впечатлѣніе, въ томъ убѣждаетъ насъ его же письмо къ генералу ордена Клавдію Аквавивѣ отъ 20 сентября 1606 года. „Рѣчь моя, говоритъ Скарга, выслушанная всѣми съ удовольствіемъ, была покрыта громомъ рукоплесканій... Я сносился уже съ нѣкоторыми магнатами, общавшими мнѣ поддержку и письменно и устно. Въ числѣ ихъ находится и каштелянъ короны, первый сенаторъ, который далъ обѣщаніе охранять общество іезуитовъ“ ²⁾...

Пересматривая его „отвѣтъ“ объ іезуитахъ, мы невольно обратили вниманіе на то, что Скарга отстаиваетъ здѣсь свои монархическія идеи такъ же упорно, какъ и прежде; онъ какъ будто не замѣчаетъ анархическаго настроенія умовъ,—онъ нисколько не боится новаго негодованія диссидентовъ и не желаетъ сходить съ развѣтраннаго пути. Скарга былъ твердо убѣжденъ, что латинская пар-

¹⁾ Na artykuł o jezuitach zjazdu Sandomierskiego, czytany w Wiślicy przed Królem I. M. y Senatem y Szlachtą a Rycerstwem od Postaci co w tegoż zjazdu. Odpowiedz. 1606.

²⁾ Rychcicki, т. 2, 450—451, гдѣ напечатано цѣликомъ все письмо Скарги къ Аквавивѣ.

тія одержить побѣду и достигнеть безусловнаго вліянія на весь польскій народъ ¹⁾. „Я часто хвалилъ монархію, говоритъ Скарга, и теперь ее хвалю. Въ ней лучшій порядокъ, чѣмъ какой бываетъ при правленіи аристократовъ. Я говорилъ, что демократія (на сеймахъ) все портитъ и уничтожаетъ труды мудрыхъ и честныхъ людей... Я, какъ проповѣдникъ и богословъ, могу учить о войнахъ, о правахъ, о порядкахъ, о судахъ, о сеймахъ, о людскихъ собраніяхъ и обо всемъ томъ, что относится ко спасенію людей“. Очевидно, границы своей политической дѣятельности Скарга нисколько не сдвигаетъ,—напротивъ, онъ указываетъ здѣсь себѣ и другимъ проповѣдникамъ новыя и смѣлыя перспективы. Мало этого; Скарга даже не оправдывается въ томъ, что онъ позволилъ себѣ хулить вольность и порядки Рѣчи Посполитой. „Всѣ вы, кромѣ еретиковъ, и принимали и хвалили мои рѣчи, ибо видѣли мою любовь къ вамъ и добрыя пожеланія отчизнѣ. Не знаю, въ комъ произошла перемѣна; я, дѣйствительно, уже состарѣлся. но, слава Богу, изъ ума не выжилъ... Въ комъ же перемѣна? Вѣроятно въ тѣхъ людяхъ, которые были на послѣднемъ сеймѣ,—это еретики и католики, не твердые въ вѣрѣ...—Доказавъ несправедливость всякаго рода обвиненій противъ іезуитовъ, Скарга задаетъ слѣдующій вопросъ: „развѣ можно судить тѣхъ, о которыхъ не было ни слѣдствія, ни допроса, ни суда? Вѣдь и Пилать, когда кричали ему—распни, распни, спросилъ у народа: для чего требуете смерти? что злого Онъ сдѣлалъ вамъ“?... Далѣе Скарга раскрываетъ ту истину, что какъ король, такъ и всякій шляхтичъ воленъ избирать себѣ такого духовника, какой будетъ ему угоденъ. „Если это такъ, то кто можетъ отказать шляхтѣ въ выборѣ себѣ іезуитовъ“?... „Вамъ нужно было (такъ обращается Скарга къ диссидентамъ) сразу сказать своимъ еретически-ядовитымъ сердцемъ: не желаемъ мы терпѣть іезуитовъ, намъ тяжело на нихъ смотрѣть... Духъ Кальвина и Лютера не оживетъ въ насъ до тѣхъ поръ, пока Польшу будутъ оберегать эти вѣрные псы папы“...

Въ заключеніе Скарга патетически обращается къ памяти Гозія и Валеріана и проситъ ихъ полюбоваться на сорокалѣтніе труды іезуитовъ, всецѣло обязанныхъ имъ своимъ пребываніемъ въ Польшѣ. „Разскажи намъ, Валеріане, какъ трудно было въ Вильнѣ найти

¹⁾ Чѣмъ объяснить совершенно противоположную оцѣнку дѣятельности Скарги во время Зебржидовскаго бунта, найденную нами въ сочиненіи г. Бобржинскаго „Dzieje Polski“, т. 2, стр. 160 въ русск. переводѣ?

католическаго каплана и какъ мало было католиковъ между лучшими панами! Пусть Краковъ, Познань, Люблинь, Ярославль и Калишь расскажутъ намъ, какъ Богъ наградилъ ихъ всѣмъ тѣмъ, что необходимо наукамъ, религіи и костеламъ... Гдѣ прежде не было ни одного католика, тамъ теперь нѣтъ ни одного еретика! Гдѣ было мало католиковъ, тамъ теперь мало еретиковъ; гдѣ костелы были пусты, тамъ теперь они полны молящихся... О, Польша, о, Литва, о Пруссія и Россія! Будьте свидѣтелями нашего дѣла! Я помню, что въ сенатѣ за Августа (Сигизмунда) было всего два католика, а теперь едва удержалось нѣсколько еретиковъ¹⁾... Не менѣе интересными представляются для насъ и тѣ обращенія къ сословіямъ, въ которыхъ Скарга ясно указываетъ на свои заслуги отчизнѣ. „О свѣтлѣйшій сенате! скажи, въ чемъ мы прегрѣшили, чѣмъ заслужили такое тяжкое наказаніе? О рыцари и преславная шляхта! Вы вручаете намъ свое сокровище—вашихъ дѣтей; скажите, такъ ли вы платите намъ за наши услуги? О молодежь и лучшая надежда великихъ Польскихъ домовъ! Ты у насъ училась,—ты просвѣщена свѣтомъ нашихъ коллегій,—скажи же,—чему худому мы тебя учили? И ты, свѣтлѣйшій король, свидѣтельствуй о насъ: для чего ты держишь насъ при своемъ дворѣ? для чего въ Краковѣ строишь намъ такой величественный костелъ“?... Такъ глубоко прочувствована была рѣчь Скарги! Энтузіазмъ слушателей и громъ рукоплесканій были неизбѣжнымъ результатомъ того потрясающаго впечатлѣнія, какое произвелъ Скарга на слушателей своею неожиданной, вдохновенной рѣчью. Это была послѣдняя побѣда Скарги надъ диссидентами, съ которыми онъ воевалъ болѣе 30 лѣтъ.—Извѣстно, что предводители „рокошанъ“—Зебржидовскій, Радзивиллъ, Грудзинскій, Стадницкій и Гербуртъ, послѣ пораженія подъ Гузовымъ 6-го іюля, почтительно, съ колѣнопреклоненіемъ цѣловали руку короля и публично каялись въ своей дерзкой винѣ. Такъ оправдались надежды Скарги! Такъ бунтъ Зебржидовскаго, не принеши диссидентамъ никакой пользы, послужилъ для іезуитовъ новымъ мотивомъ къ усиленію ихъ значенія въ государствѣ. Варшавскій сеймъ, бывшій въ 1607 году, взялъ іезуитовъ подъ свою опеку и единогласно призналъ за ними великія заслуги своей отчизнѣ²⁾. „Прошла, говоритъ Заленскій, надъ го-

¹⁾ Proba zakonu societatis Jezu, Proba II, Rozdział IV, стр. 534 (Krakow, 1610).

²⁾ Załęski, Jezuiti w Polsce, т. I, ч. 2-я, стр. 666—8. + Wielewicki, II, 244—245.

ловами іезуитовъ буря рокошанъ. Она не только не причинила имъ никакого вреда, но напротивъ,—она укрѣпила ихъ силу и значеніе въ Польшѣ. Не безъ основанія Скарга писалъ генералу ордена, что теперь общество іезуитовъ окончательно утвердилось и получило новыя силы къ борьбѣ за свое существованіе“¹⁾... „Буря рокошанъ и Сандомірскіе артикулы послужили для іезуитовъ прекраснымъ урокомъ; они поняли теперь, что, налагая руку на всѣ стороны внутренней и внѣшней жизни Рѣчи Посполитой, имъ необходимо съ большой осторожностью двигаться впередъ и ни въ комъ изъ сильныхъ не возбуждать къ себѣ вражды“²⁾.

Не только іезуиты, но и все польское духовенство высоко цѣнило труды Скарги. Оно поняло, кому было обязано своимъ возрожденіемъ, кто оживилъ и сплотилъ разрозненные силы польскаго латинства и въ комъ заключалась вся сила реакціоннаго католическаго движенія; въ теченіе 30 лѣтъ Польша превращена была въ церковную провинцію Римскаго престола.—12 мая 1611 года въ Вильнѣ состоялся епархіальный католическій синодъ, на которомъ было насчитано 300 (!) католическихъ ксендзовъ. Скарга явился въ это собраніе и, вспомнивъ печальное положеніе католицизма въ 70-хъ годахъ, когда на всей Литвѣ католиковъ насчитывалось едва 1000 душъ, держалъ прочувствованную рѣчь къ собранію духовенства и убѣждалъ его строго держаться намѣченнаго пути. Синодъ выразилъ Скаргѣ свое глубокое уваженіе и признательность за всѣ его труды, рѣчи и изданныя сочиненія³⁾.

Послѣднимъ публичнымъ трудомъ Скарги была его торжественная рѣчь, „на Московскую побѣду“⁴⁾, произнесенная имъ въ Вильнѣ 25-го іюля 1611 года по случаю взятія Смоленска. Вся эта рѣчь представляетъ собою ничто иное, какъ выраженіе самой искренней благодарности Богу за дарованіе побѣды тамъ, гдѣ покоились чаянія и надежды римскаго престола въ продолженіе многихъ вѣковъ. Такъ и кажется, что радость Скарги не находитъ для себя границъ. Уже одна картина позорнаго униженія русскаго царя Василія Шуйскаго, приведеннаго въ сепать Жолкевскимъ въ качествѣ плѣнника, одѣтаго въ грубыя одежды, радовала престарѣлаго Скаргу и ясно говорила ему о томъ величій отчизны, какого до-

¹⁾ и ²⁾ тамъ же.

³⁾ Рыхц, II, 535.

⁴⁾ Na Moskiewskie zwycięstwo kazanie i dzięki panu Bogu czynione w Wilnie 25 julii w dzień św. Jakóba, 1611 r. na przyjazd szczęśliwy króla J. M.—przez k. Piotra Skargę. Krakow, 1611.

стигла она за время царствованія его вѣрныхъ учениковъ Баторія и Сигизмунда. Онъ доживалъ свой вѣкъ и радовался блеску славы своего народа. Начало и конецъ его дѣятельности обнимаетъ собой лучшую эпоху политической жизни Рѣчи Посполитой. Въ началѣ—ему приходилось восхвалять побѣду подъ Бычиной, а теперь—пораженіе Москвы. Тамъ онъ возбуждалъ патріотизмъ, указывая полякамъ на Максимилиана, здѣсь приглашаетъ всѣхъ къ ликованію по случаю плѣна русскаго царя.—Да и какъ не радоваться Скаргѣ, дожившему до того времени, когда исполнились его завѣтныя мечты! Назадъ тому сорокъ лѣтъ, когда католицизмъ былъ подавленъ реформаціоннымъ движеніемъ, Скарга лишь смутно мечталъ о религіозномъ единствѣ нѣкоторыхъ русскихъ областей,—теперь онъ видитъ богатѣйшіе плоды Брестской церковной уніи,—теперь открыты ворота таинственнаго востока, теперь онъ твердо увѣренъ въ томъ, что Богомъ избранный польскій народъ легко исполнитъ ту миссію среди русскихъ людей, какая была указана въ предисловіи къ проповѣдямъ на недѣли и праздники еще въ 1595 году. Всѣ надежды Скарги покоятся теперь на Владиславѣ. Послѣднему было въ то время не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ отъ рожденія, но Скарга, уподобляясь пророку Захаріи, обратился къ нему съ такими словами; „и ты дитя, носящее имя королевича Польши, будешь владѣть великой славой, Владиславе! Тебя я возвеличу съ народомъ твоимъ“...

Лучшимъ выразителемъ надеждъ Скарги (на покореніе востока) является Гнѣзненскій Архіепископъ Гембицкій, оставившій по себѣ замѣчательное письмо къ королевичу Владиславу. Письмо это, въ переводѣ на русскій языкъ, будетъ приведено нами въ числѣ приложений къ настоящему изслѣдованію.

22 апрѣля 1612 года, въ день св. Пасхи Скарга сказалъ въ придворномъ костелѣ свое послѣднее, прощальное слово. Слезы и рыданія королевской семьи, сената и придворныхъ были отвѣтомъ на его прощаніе. Въ тотъ же день Скарга покинулъ дворъ и поселился при церкви Св. Петра въ Сандомірѣ, гдѣ и умеръ черезъ 5 мѣсяцевъ, 27 сентября 1612 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Сочиненіе скарги: „Брестскій синодъ (Synod Brzeski)“.

Во имя І. Христа Бога нашего, въ день 6-го октября (по старому календарю) 1596 года, съѣхались въ Брестъ на синодъ слѣдующіе преподобные отцы, владыки или епископы греческаго обряда: Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, Михаилъ Рогоза, Ипатій Брестскій... и Діонисій Хелмскій. Они имѣли при себѣ въ качествѣ пословъ святѣйшаго папы Римскаго, Климента VIII-го, слѣдующихъ лицъ: Архіепископа Львовскаго... Яна Соликовского, Бернарда Маціевскаго—Луцкаго... и Станислава Гомолинскаго, бискупа Хелмскаго.

Послѣ предварительнаго совершенія службы въ честь св. Духа, собравшіеся выпущены были ожидать пословъ Его Королевской Милости особенно въ виду того, что нѣкоторые свѣтскіе паны пріѣхали съ большимъ количествомъ вооруженныхъ людей... и угрожали собравшимся отцамъ. Въ четвергъ... пріѣхали послы Е. К. М.¹⁾: свѣтлѣйшій князь Николай Радзивиллъ, воевода Троцкій, Ясновельможный канцлеръ Левъ Сапѣга и Староста Брестскій Димитрій Халецкій; къ нимъ то и обратились епископы съ просьбой, чтобы они властью короля и правомъ своего уполномочія установили миръ и безопасность для спокойнаго отправленія своихъ обязанностей безъ ссоръ, криковъ и шума.

Немедленно послы имѣли разговоръ съ Кіевскимъ воеводой, княземъ Острожскимъ, котораго укоряли за то, что онъ, вопреки своему обѣщанію и волѣ короля... позволилъ нѣкоторымъ панамъ пріѣхать сюда съ массою вооруженныхъ людей и *цѣлою кучей еретиковъ...* и что онъ *взялъ съ собою значительное количество простыхъ и мало разумныхъ поповъ*. При этомъ было указано и на то, что на

¹⁾ Инициалы „Е. К. М.“ означаютъ—Его Королевская Милость.

синодъ прибыло много постороннихъ людей, прїѣхавшихъ изъ не-пріятельскихъ странъ. Послы исполнили свою миссію и князь Острожскій общалъ имъ полнѣйшую безопасность...

Послѣ этого послы вступили въ переговоры съ бискупами объ условіяхъ сношенія на синодѣ. Но не прошло и полчаса, какъ дано было знать, *что толпа какихъ-то уполномоченныхъ отъ соборнаго лю-дей разныхъ религій, во главѣ со своимъ маршалкомъ, имѣя дѣло къ Митрополиту*, находится въ домѣ о. владыки Владимірскаго. Не-медленно послы пошли въ домъ митрополита и застали тамъ упол-номоченныхъ; на вопросъ пословъ, отъ кого и зачѣмъ они при-шли, уполномоченные стали читать какую то бумагу и укоряли ми-трополита за его сношеніе съ Римомъ; они упрекали его и въ томъ, что онъ, не уговорившись съ ними, назначилъ этотъ синодъ;... они отказывали митрополиту въ своемъ послушаніи и угрожали ему проклятіемъ и низложеніемъ съ кафедръ... Услышавши это, паны послы Е. К. М. немедленно отправились къ Кіевскому воеводѣ и спросили его, знаетъ ли онъ объ этомъ посольствѣ и о той бумагѣ, какая была читана митрополиту. Воевода далъ отвѣтъ, что все это онъ знаетъ и что посольство избрано по его же волѣ. И начали они упрекать его въ томъ, что онъ, обѣщая спокойствіе и согласіе, самъ разрушаетъ синодъ, *допуская на него стороннихъ людей*, что вмѣсто послушанія владыкамъ, онъ допускаетъ какія то угрозы и *дѣлаетъ сходки, противныя закону Рѣчи Посполитой...*, *что онъ будучи человекомъ свѣтскимъ, вмѣшивается въ духовныя дѣла*, къ которымъ не касается и самъ король...

А что тяжелѣе всего, такъ это то, что онъ со своими друзьями хочетъ низложить митрополита, чего и самъ король... не дѣлаетъ безъ суда духовныхъ... Этимъ (?) и окончился четвергъ. *Въ пятницу паны послы снова обратились къ Кіевскому воеводѣ съ просьбой дать имъ возможность видѣть духовныхъ и свѣтскихъ греческаго закона; они надѣялись вразумить ихъ.* Тогда паны шляхты еретической (?) вы-брали изъ своей среды посольство для переговоровъ съ панами по-слами Е. К. М.—А когда сошлись (?), то просили паны послы, чтобы при этомъ были два владыки—Перемышльскій и Львовскій... И пришли оба, взявъ съ собою *свыше десяти (до двадцати) поповъ* и услышали нижеслѣдующую рѣчь пословъ ¹⁾.

¹⁾ Желая бросить дурную тѣнь на соборъ православныхъ и замаскировать свое участіе въ попыткахъ вразумить кп. Острожскаго, Скарга, какъ видимъ, на-мѣренно дѣлаетъ свою рѣчь бессмысленной и непонятной.

Терминъ *Kilpańskie* означаетъ нѣсколько за десять, отъ десяти до двадцати. Это уже слишкомъ намѣренное искаженіе факта.

Рѣчь пословъ Е. К. М. къ тѣмъ, которые, отдѣлившись въ Брестъ, старались уничтожить святой синодъ.

Всѣмъ разумнымъ людямъ дорого единство и согласіе, ибо это есть мать всякаго добра. Вотъ почему король былъ чрезвычайно радъ той новости, которая была принесена назадъ тому три года Митрополитомъ и вами—владыками Львовскимъ и Перемышльскимъ. Новость эта заключалась въ томъ, что подданные Е. К. М. греческаго закона желаютъ соединиться съ католиками и главою всего Римскаго костела, что они не желаютъ имѣть ничего общаго съ новыми отступленіями Грековъ и Цареградскаго патріарха. *Король не прибѣгалъ для этого ни къ какимъ мѣрамъ обѣщанія или приглашенія, а тѣмъ болѣе никого не принуждалъ.* Но онъ радъ былъ, что путемъ единства вѣры многимъ людямъ дастся помощь ко спасенію души²⁾...

Зналъ также король и о томъ, что назадъ тому нѣсколько лѣтъ старался о томъ же (?) и панъ кievскій воевода, который находится здѣсь съ нами и который чрезъ Поссевина старался дать этому соглашенію счастливый конецъ. Вспомнилъ также король и то, что предки его, придерживаясь Флорентійской уніи, считали ее величайшимъ благомъ въ своихъ панствахъ (т. е. юго-западн. областяхъ)... А когда дѣло пошло дальше, когда вернулось посольство (?) отцовъ (русскихъ) владыкъ, то тотъ же воевода просилъ у короля позволенія созвать синодъ. Король и исполнилъ эту просьбу²⁾...

А когда этотъ часъ наступилъ, то панъ Воевода за нѣсколько недѣль до собора прислалъ своихъ пословъ и благодарилъ короля за разрѣшеніе собрать синодъ и просилъ у него четыре вещи: 1) чтобы никто изъ пановъ не прѣзжалъ съ вооруженной силой и чтобы для прѣзжающихъ пословъ была гарантирована безопасность; 2) чтобы каждый, будучи даже и другой вѣры, могъ находиться на этомъ синодѣ, 3) чтобы на этомъ синодѣ могъ быть *грекъ Никифоръ, который... убѣждалъ изъ Хоимскаго (Chocimskiego) замка...* и 4) если на этомъ синодѣ не придутъ къ соглашенію, то отложить

²⁾ А жалованныя грамоты Терлецкому и Поцѣю? А универсалъ отъ 24 іюня съ приглашеніемъ подчиниться Римскому престолу? (А. З. Р., т. IV, № 96; Акты Ю. и З. Р., I, № 218. Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. I, № 120).

³⁾ Выходитъ, что православное духовенство, кн. Острожскій и весь народъ сами упрашивали короля позволить имъ какъ можно скорѣе соединиться съ католической церковью и ея главою...

это дѣло до короннаго сейма... Третья просьба была отклонена королемъ по той причинѣ, что Никифоръ, какъ турецкій шпионъ, думаетъ только о гибели королевства и Рѣчи Посполитой; поэтому не приходится съ нимъ имѣть ничего общаго...

Вездѣ мы видимъ сильное сопротивленіе. Тѣ самые, которые просили о созваніи синода, прежде чѣмъ онъ начался, отступили отъ него... Если вы желаете устранить бискуповъ и владыкъ и иныхъ духовныхъ, то мы этого не допустимъ и за своихъ (?) велебныхъ отцовъ умремъ. Довѣрившись вашимъ просьбамъ и слову, мы пріѣхали сюда *со смиреніемъ* какъ къ костелу...

Вы выдѣлились тотчасъ въ свой отдѣльный соборъ, не желая ни разсужденій, ни диспутовъ..., вы *составили свой сеймикъ, недозволенный законами...* Вы *допустили къ себѣ людей не только разныхъ вѣръ, но и людей, лишенныхъ всякой чести.* А что хуже всего, такъ это то, что вся эта масса народа избрала себѣ главою Никифора-Грека, который въ такомъ сильномъ подозрѣніи у короля, который недавно убѣждалъ изъ тюрьмы..., который недавно обвиненъ въ сношеніи съ турками и съ другими врагами Короны, который, наконецъ, и васъ вооружаетъ противъ короля ¹⁾).

И такъ *ваша сходка не можетъ быть названа не только синодомъ, но и шляхетскимъ сеймикомъ...* Митрополитъ созвалъ соборъ, а не Никифоръ, не Балобанъ и не Копыстенскій; не въ домѣ еретическомъ; а въ церкви... И откуда вы, люди свѣтскіе, присваиваете себѣ власть и церковную и королевскую?... Синодъ—это дѣло духовныхъ, надъ которымъ ни свѣтское ни королевское достоинство не имѣетъ рѣшительно никакой власти...

А мы, католики, почему вамъ такъ противны, что за соединеніе съ нами такъ сильно гнѣваетесь на своихъ старшихъ? Вы, кажется, благодарили бы ихъ, если бы они соединились съ еретиками... Нужно прежде всего спросить ихъ, почему они такъ поступаютъ, почему отрекаются отъ Цареградскаго патріарха. И они доказали бы вамъ изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей церкви, соборныхъ каноповъ и русскихъ писаній, что безъ единства церковнаго никто не можетъ спастись... *Они прекрасно сдѣлали, что отступили отъ цареградскихъ патріарховъ...* Губить себя ради этихъ патріар-

¹⁾ Здѣсь Скарга, какъ видимъ, не щадитъ ванадокъ на соборъ православныхъ. Онъ не стыдится утверждать, что на этомъ синодѣ были люди разныхъ вѣръ и даже лишенные чести.

Клевета на Никифора служитъ доказательствомъ незаконности собра православныхъ.

ховъ и удаляться отъ согласія и христіанскаго единства, было бы великою глупостью...

Поэтому просимъ васъ обдуматься и синоду этому ничѣмъ не вредить и, отвергнувъ всѣ эти неразумныя сходы, сойтись въ церковь; тамъ слушаемъ, какъ старшіе будутъ судить о нашемъ спасеніи... *Не думайте, что мы съѣхались сюда на установленіе новой вѣры, какъ будто унія имѣетъ дѣлать что-то новое.* Никакихъ отступленій отъ стараго Греческаго и Латинскаго костела мы не вносимъ¹⁾; мы желаемъ лишь согласія и любви.

А вы (*mizerni*) несчастные два владыки и всѣ попы! какъ не замѣчаете у себя зла?... Не желая слушать старшихъ наставниковъ правовѣрныхъ, вы слушаете проходимцевъ (*blędników*)..

(Далѣе доказывается еретическій характеръ православной церкви).

Смотрите, чтобы своими раздорами вы не затрудняли сеймовъ и чтобы не дѣлали никакихъ препятствій для обороны отчизны противъ надвигающейся на насъ грозной турецкой силы, чтобы, наконецъ, не попасть вамъ вмѣстѣ съ отступниками греками и прочими еретиками въ неволю поганыхъ... Такова была рѣчь пановъ пословъ.

А когда рѣчь окончили, то надѣялись, что православные вступятъ въ диспутъ..., для чего пригласили съ собой... Скаргу... и его товарища Роба... Но они, не желая никакого диспута..., просили дать имъ возможность посовѣтоваться... Того же вечера они прислали такой отвѣтъ посламъ Е. К. М.: „соединеніе церквей греческой и латинской—дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія: поэтому ни во что входитъ не желаемъ; пытались достигнуть этого великіе короли и не могли довести къ концу, а мы тѣмъ болѣе ничего не сдѣлаемъ“²⁾... Усомнились послы въ возможности соглашенія съ этимъ отдѣлившимся собраніемъ... и на слѣдующій день, въ субботу, они впустили владыкамъ оканчивать то дѣло, на которое собралъ ихъ Богъ... (Далѣе описывается торжественное шествіе въ церковь Св. Николая, гдѣ епископомъ Полоцкимъ Гермогеномъ былъ прочитанъ листъ св. уніи. Листъ этотъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ IV т. Актовъ Западной Россіи, подъ № 103).

¹⁾ Какъ будто старый Греческій „костелъ“ и пылѣшій Латинскій—одно и то же.

²⁾ Такъ пародируетъ Скарга умный и рѣшительный отвѣтъ депутатовъ правосл. собора.

Въ Защиту Брестскаго Синода, (Obrona Synodu Brzeskiego).

Отдѣлъ I.

... Наши противники досаждаютъ совсѣмъ не на то, что владыки отступили отъ Цареградскаго патріарха: они сами видятъ и прекрасно знаютъ, что тамъ безпорядки, нищенство, неволя и грѣхи, — что оттуда нельзя ожидать никакой помощи въ дѣлахъ церкви, что на этой (патріаршей) каедрѣ сидятъ святотатцы... они досаждаютъ на то, что владыки, присоединяясь къ римскому костелу, не спросили у нихъ согласія и позволенія...

Отдѣлъ III.

Кто вѣрить евангелію и не ослѣпленъ слѣпотою еретичества, тотъ видитъ, и едва не пальцемъ можетъ осязать, что Господь поставилъ Петра Святаго старѣйшимъ и первѣйшимъ предъ прочими апостолами управителемъ церкви своей. Развѣ напрасны эти слова Господа къ св. Петру: *на тебѣ созижду церковь Мою, ибо ты еси скала и камень* ¹⁾. Какъ основаніе есть самая первая вещь, которая держитъ все зданіе, такъ и Петръ св. есть первѣйшая глава церкви, на которомъ она вся утверждается. Это еще явственнѣе далъ знать Христосъ, когда сказалъ: *тебѣ, а не иному кому, дамъ ключи царствія небеснаго* ²⁾... Вотъ Евангеліе! Кто не хочетъ вѣрить ему, тотъ язычникъ и жидъ.

Геннадій, патріархъ цареградскій пишетъ: I. Христосъ былъ на землѣ главнымъ паномъ, отцомъ, пастыремъ и начальникомъ своихъ учениковъ. Но когда возносился, чтобы сѣсть по правую сторону Отца, то далъ Петра, какъ начальника и отца и, сказать однимъ словомъ, — далъ его за своего намѣстника. Такъ говоритъ патріархъ Цареградскій противъ грековъ ³⁾...

¹⁾ Здѣсь искажены слова I. Христа: „тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою“.

²⁾ Слово „а не иному кому“ нѣтъ ни въ одномъ изъ Евангелій всѣхъ христіанскихъ народовъ.

³⁾ Здѣсь Скарга завѣдомо-подложное сочиненіе выдаетъ за истинное и приписываетъ его Геннадію, въ мірѣ Схолярію, цареградск. патріарху.

Отдѣлъ IV.

... Для того Богъ и поставилъ васъ и предковъ вашихъ, т. е., апостольскихъ епископовъ, на высотѣ крѣпости, и поручилъ вамъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, чтобы вы намъ помогали... Такъ говоритъ въ своемъ письмѣ къ папѣ Феликсу великій Греческій богословъ Аѳанасій¹⁾...

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Письмо П. Скарги къ папскому нунцію, бискупу Калигари.

Ясновельможный и наипреподобнѣйшій пане!

Утраченная надежда на пріѣздъ S. W. N. пана въ Вильну всѣхъ насъ повергаетъ въ глубокую печаль; эта надежда тѣмъ болѣе теперь неосуществима въ виду того, что отсюда выѣхалъ король; поэтому насъ утѣшаетъ лишь та мысль, что S. W. N. Р. Пап, какъ и прежде, будетъ писать намъ письма, исполненные ласки и привѣтливости. По отѣздѣ отсюда о. Провинціала, 27 мая мы получили отъ Васъ письмо, которое насъ очень ободрило. Мнѣ приходится теперь съ особенною радостью писать Вамъ (=S. W. Папа), что *все честные* несказанно веселятся, видя, какъ ширится хвала Христоваго имени и Его костѣловъ. *Не можемъ умолчать о томъ, что нашъ благочестивый король Стефанъ, если когда, то именно теперь даетъ всѣмъ познать его великую ревность къ славы Божіей и апостольское усердіе ко спасенію душъ христіанскихъ.* Проѣзжая изъ Гродна до Ковно, а оттуда до Вильны, король на всемъ протяженіи этой дороги посѣщалъ костелы и, какъ будто какой Архидіаконъ, спрашивалъ вездѣ очень подробно о настоятеляхъ, о его викаріяхъ, о религіозномъ настроеніи прихожанъ, объ украшеніяхъ костела, о проповѣдяхъ и о жизни каплана. Послѣ этого король въ бесѣдѣ со мной очень соболѣзновалъ по поводу того, что онъ не нашелъ ни одного способнаго ксендза, кромѣ Стоклишскаго..., что многіе настоятели не живутъ на мѣстѣ своихъ приходовъ, что нѣкоторые приходы остаются безъ ксендзовъ... Поэтому.. Его кор. милость твердо рѣшилъ..., что

¹⁾ Такихъ словъ нѣтъ ни въ одномъ подлинномъ твореніи Аѳанасія. Имѣются они въ заведомо подложныхъ письмахъ Аѳанасія, напечатанныхъ въ Кельпскихъ соборныхъ актахъ, т. I, за 1551 г., листъ 353 Тамъ же есть оговорка, что письмо это подложно. Значитъ, Скарга расшифровывалъ на невѣжество православныхъ.

слѣдуетъ давать мѣста ксендзовъ только способнымъ и притомъ такимъ, которые будутъ сидѣть на своихъ мѣстахъ.... Когда королю представлено было нѣсколько кандидатовъ (на парафію въ Опинстахъ) изъ низшихъ клириковъ, то онъ, не зная, кто бы изъ нихъ былъ болѣе годнымъ, поручилъ мнѣ разрѣшить этотъ вопросъ....

Что касается нашей Полоцкой миссіи (іезуитовъ), то король такъ беспокоился о ея положеніи, что, кажется, не было дня, въ который бы онъ не присылалъ за свѣдѣніями чрезъ пана „Fabiusa“. Далѣе, король потребовалъ отъ меня, чтобы я самъ отвезъ въ Полоцкъ предназначенныя туда книги и чтобы оттуда донесъ ему о положеніи дѣлъ... Я хотѣлъ было уклониться отъ такого порученія,... но, вспомнивъ о Полоцкомъ еретикѣ, который послалъ въ Вильну нѣкоторыхъ ересеучителей, я согласился..... Вильно, 20 іюня 1580 г.

Слуга негодный

Петръ Скарга ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Письмо (привѣтствіе) Архіепископа Гнѣзненскаго Гембицкаго къ Е. М. Королевичу Владиславу (Краковъ. 1617 г.).

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый нашъ король!

Благословенъ Богъ нашъ и защитникъ, который намъ и отчизнѣ нашей даровалъ великое счастье видѣть у короля нашего сына, способнаго по своимъ лѣтамъ исполнить великія задачи! При этомъ благодаримъ В. К. М. (здѣсь, повидимому, авторъ обращается къ королю), что ты отпускаешь отъ себя пресвѣтлаго твоего потомка..., чтобы онъ владѣлъ великимъ народомъ, который Господь судилъ дать подъ его управленіе.

Да будетъ тебѣ счастливый путь милостивый королевичъ! Да будетъ Богъ твоею крѣпостью и утѣшеніемъ! Ему служй всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ.... Такой набожности ты наученъ отъ твоихъ родителей съ первыхъ дней твоего дѣтства. *Не забывай же этой набожности между отщепенцами*, ставъ ее выше здоровья и выше всякаго земного счастья! *Силенъ Господь подалъ тѣмъ, которые сидятъ во тьмѣ, солнце правды и привести ихъ на ту дорогу спасенія*, на которую привели нѣкогда и наши народы слав-

¹⁾ стр 153. „Dodatki do сеймовыхъ рѣчей“, изд. 1857 г.).

ные короли... Однако, и въ началъ твоего цѣля будь умѣреннымъ; не сразу и не насилѣмъ, но примѣромъ своей набожности... ты приведешь эти наро́ды къ единству вѣры... Царь Иванъ Васильевичъ, когда прижалъ его король Стефанъ, обращался было къ папѣ..., обѣщая ему покорность..., но тогда еще не было угодно Богу, чтобы въ такія безбожныя (?) времена... эти люди приняли Духа Святаго (т. е., католическую вѣру).

Мы твердо надѣемся, что Богъ... дастъ эту безсмертную славу и Самъ поможетъ тебѣ..... Теперь, когда и силы и разсудокъ В. К. М. и совершенный возрастъ побуждаютъ тебя покорить частную любовь любви къ своему государству, ты долженъ всего себя посвящать... на защиту своей отчизны... на пріобрѣтеніе этихъ широкихъ сѣверныхъ странъ..... Зная твою добродѣтель и великую любовь къ своему народу, мы надѣемся, что... ты всѣми мѣрами будешь стараться прибавить къ нашимъ границамъ то, что было оторвано и что, взявши за помощью Божьею въ свои руки управленіе, ты соединишь неразрывнымъ узломъ съ Рѣчью Посполитою... эти сѣверные народы... Мы будемъ не только молиться Богу объ этомъ, но и всѣ мѣры примемъ къ тому, чтобы Рѣчь Посполита не отказала тебѣ въ помощи, когда она понадобится тебѣ.... И на то слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы хватало у тебя на расходы денегъ... А для этого, чрезъ пановъ комиссаровъ, смотря по ходу обстоятельствъ, ты будешь доносить Е. Кор. Милости..... Ёдь же въ страну чужого народа, чужой вѣры и дивныхъ обычаевъ! идѣ съ тою цѣлью, чтобы народъ, данный отъ Бога Е. К. Милости, ... поставилъ любѣ врагамъ св. креста ¹⁾....

¹⁾ Рѣчь эта напечатана въ приложеніяхъ къ сеймовымъ рѣчамъ Скарги, краковскаго изданія, 1857 года).

О П Е Ч А Т К И.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
20	18	происхожденію	происхожденія.
21	10	условія	состоянія
21	2	кальвинномъ	Кальвинномъ
37	12	uskarżae	uskarżac
38	7	овощей	плодовъ
67	1	истиннымъ	истинныхъ
79	4	ксендза	ксендза
104	20	руководствова	руководствовалась
105	33	молившая	молившаяся
118	примѣчаніе	Latęski	Załęski
134	3 примѣч., въ словахъ: „przeszłym, minelo, poczynil, sluszne и włożył“ согласную букву l нужно читать какъ твердое l.		